ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

Т. М. БЕЛЯЕВА, В. А. ХОМЯКОВ

НЕСТАНДАРТНАЯ ЛЕКСИКА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

1057865

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1985

ВОЛОГОДСКАЯ

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета

В монографии дается семасиологический и ономасиологический анализ нестандартной лексики британского и американского вариантов английского языка. Она является первым в отечественной англистике полным описанием тех лексических фрагментов словарного состава, которые находятся на периферии литературного языка и образуют субстандарт в национальном языке.

Рассчитана на преподавателей, аспирантов и студентов, изучающих английский язык, и исследователей, специализирующихся в социолингвистике.

Рецензенты: д-р филол. наук, проф. *И. П. Сусов* (Калининск. гос. ун-т), д-р филол. наук, проф. *Л. П. Ступин* (Ленингр. гос. ун-т), канд. филол. наук, доц. *И. А. Потапова* (Ленингр. гос. ун-т)

ИБ № 1924

Татьяна Михайловна Беляева
Владимир Александрович Хомяков

Нестандартная лексика английского языка

Редактор *Л. А. Карпова*
Художник *В. А. Тюлюкин*
Художественный редактор *О. Н. Советникова*
Технический редактор *Е. Г. Учаева*
Корректоры *Н. М. Каплинская, В. А. Латыгина*

Сдано в набор 26.02.85. Подписано в печать 25.04. 85. М-16935. Формат бум. 60×90 1/16. Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,5. Усл. кр.-отт. 8,69. Уч.-изд. л. 9,41. Тираж 3000 экз. Заказ 92. Цена 1 р. 20 к.
Издательство ЛГУ имени А. А. Жданова. 199164, Ленинград, Университетская наб., 7/9.

Типография Издательства ЛГУ имени А. А. Жданова. 199164, Ленинград, Университетская наб., 7/9.

Б $\frac{4602010000-079}{076(02)-85}$ 116—85

© Издательство Ленинградского университета, 1985 г.

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая вниманию читателя книга является в советской лингвистике первым монографическим исследованием английской нестандартной, или просторечной, лексики. Она закладывает основы нового направления — социальной лексикологии, детальная разработка на материале различных языков которой — задача многих лингвистов. Нашей целью было комплексное изучение функциональных и семасиологических характеристик нестандартной лексики в различных формах существования национального языка Англии и США, в ряде случаев — сопоставление ее с русской и другой иноязычной нестандартной лексикой для установления типологических сходств разноязычных просторечий.

Методологическую основу работы составляет положение о том, что язык социален по своей природе и во всех своих проявлениях не может ни функционировать, ни развиваться вне связи с жизнью. Назначение языка — средство общения между людьми — имеет ярко выраженный социальный характер, и общественные функции языка активно воздействуют на его структуру, во многом предопределяя направление его развития [120, с. 10, 14]. Проблема взаимодействия языка и общества не может быть успешно разрешена без четкой методической постановки вопроса: каковы бы ни были внутренние законы сложной системы самого языка, его коммуникативная функция и социальный характер определяют его зависимость от общества, где он функционирует [45, 140—141]. Вместе с тем нельзя не учитывать того бесспорного факта, что язык представляет собой специфическую знаковую систему с подсистемами и подструктурами, особенности и внутренние законы функционирования которой не всегда непосредственно связаны с особенностями развития общества в разные исторические эпохи.

Проблема взаимодействия языка и общества не может быть разрешена без изучения функционирования языка в различных общественных слоях и профессиональных группах, без тщательного исследования его социально-диалектальной стратифика-

ции, функционально-стилистического варьирования и стратной дифференциации [16—17, 42, 45, 52, 99, 106—107]. При этом необходимо различать главные и периферийные участки связи развития языка с развитием общества и особенности воздействия на язык различных социальных факторов. Если структура языка не имеет прямых и жестких связей с членением социальной структуры общества, то функционирование языка и структура речи несут на себе яркие отпечатки воздействия именно этого членения [36, с. 344; ср. 96, с. 97; 152, с. 6].

В этом плане коммуникативный статус и языковая сущность английского лексического просторечия представляют большой теоретический и практический интерес как частный аспект актуальной проблематики «язык и общество», включающий в себя вопросы взаимоотношений литературной разговорной речи определенной эпохи с ее антиподом — нелитературной речью, социально-профессионального варьирования и функционально-стилистической дифференциации словарного состава в разных коммуникативных сферах, взаимозависимости между особенностями разговорной речи, вызванными внеязыковыми и языковыми причинами. С изучением нестандартной лексики связаны также вопросы диглоссии и варьирования норм, использование в речи и литературе эмоционально-экспрессивных средств различной стилистической и социальной тональности, анализ особенностей просторечной номинации и словообразования.

Под английским лексическим просторечием в данной книге понимается сложная лексико-семантическая категория — определенный фрагмент словарного состава национального языка, т. е. известным образом упорядоченное и обладающее структурой иерархическое целое, представляющее совокупность социально детерминированных лексических систем (жаргоны, арго) и стилистически сниженных лексических пластов («низкие» коллоквиализмы, сленгизмы, вульгаризмы), которые характеризуются существенными различиями и расхождениями в основных функциях и в социолексикологическом, прагматическом, функционально-семантическом и стилистическом аспектах. Поскольку признаки английского лексического просторечия маркированы социально и стилистически, оно относится к числу понятий, общих для характеристики социальной и функционально-стилистической вариативности словарного состава национального языка. Изучение лексико-семантической системы любого национального языка будет адекватным и исчерпывающим только в том случае, если в него входит анализ лексического просторечия.

От степени разработанности английского просторечия зависит решение многих проблем по теории и практике лексикографии, особенно двуязычной. Во-первых, более точная и аргументированная дифференциация словарных просторечных помет. Во-вторых, уточнение структуры словарной статьи с уче-

том социального, стилистического и ареального функционирования нестандартных элементов. В-третьих, вопрос о включении в толковые двуязычные словари общепризнанной нестандартной лексики.

Изучение лексического просторечия раскрывает некоторые механизмы словопроизводства, не характерные для стандартной лексики. Это в первую очередь создание структурно отмеченных образований: дериватов с «экзотическими» суффиксами и просторечными полусуффиксами, контаминированных, сокращенных, редупликативных, рифмованных и других нестандартных элементов.

Практическая ценность изучения нестандартной лексики несомненна для обучения в вузах: знание такой лексики необходимо для успешного понимания современной художественной литературы и периодики, для переводческой деятельности (художественный перевод), для подготовки военных переводчиков и т. д. Отметим, что практика преподавания иностранных языков еще в значительной мере исходит из устаревшего представления о языке как об однородной монолитной системе (ср. [137, с. 184] и не дает студентам полного представления о современной разговорной речи и о социальной дифференциации национального языка.

К сожалению, в отечественной англистике нет ни одного обобщающего монографического исследования, в котором бы английское лексическое просторечие было представлено в социальном аспекте. Правда, некоторые ученые занимаются вопросами «сленга», однако в их работах, несмотря на обилие интересных наблюдений и трактовок, или содержится чисто критический обзорный материал или рассматриваются частные моменты (см., например [10—25, 30, 35, 62, 74—79, 103—104, 113, 206—207]). Изучению нестандартной лексики посвящены некоторые кандидатские диссертации [6, 31, 41, 46, 51, 53, 80, 82, 93, 112, 116]. О помете «сленг» в словарях подробно писал Л. С. Бурдин [18—21]. Большой интерес представляют социолингвистическое исследование Б. И. Гомберг [37], в котором дается сопоставительный анализ иноязычных социальных диалектов; монография М. М. Маковского, раскрывающая онтологию, структуру и этимологию британских социальных диалектов [73], и его работа о социальных диалектах древности [75]. Социальными диалектами США успешно занимается А. Д. Швейцер [136, с. 133—184]. Один из авторов настоящей книги долгие годы также изучал «сленг» [124—129], что позволило ему создать определенную концепцию лексического просторечия [125].

Отсутствие специального исследования — монографии с обобщающими теоретическими положениями по вопросам, относительно которых до настоящего времени в языкознании нет единства взглядов, объясняется, во-первых, необычайной слож-

ностью проблемы английского лексического просторечия и, во-вторых, укоренившимся в отечественной англистике взглядом на просторечие, и в первую очередь на «сленг» как па на нечто отрицательное, не заслуживающее научного описания. Именно теория «отклонений» от стандарта исключала комплексное изучение нестандартной лексики.

Такое пуристически пренебрежительное, далекое от научного подхода отношение явилось результатом того, что, с одной стороны, особенностям и тенденциям развития современной английской разговорной речи, насыщенной нестандартной лексикой, не уделялось достаточного внимания. С другой — язык изучался преимущественно как абстрактная реляционная структура вне реальных проявлений его в живой речи, провозглашалась фетишизация языкового знака, предавалось забвению известное положение о том, что «ни мысли, ни язык не образуют сами по себе особого царства... они — только *проявления* действительной жизни» [1, с. 449].

Таким образом, на лингвистической карте отечественной англистики образовалось «белое пятно», актуальность ликвидации которого очевидна. В настоящее время после публикаций в СССР обширных социолингвистических работ, приоритет и методологическая ценность которых несомненны в развитии социолингвистики как науки (см. [23, 45, 52, 67, 73, 94, 97, 107, 133, 136, 138, 139, 141]), многие вопросы получили детальное освещение. Исследования таких советских ученых, как В. М. Жирмунского, Г. В. Степанова, Р. А. Будагова, Ф. П. Филина, В. Н. Ярцевой, В. И. Абаева, О. С. Ахмановой, Л. И. Баранниковой, В. П. Беркова, В. Д. Бондалетова, Б. Н. Головина, М. М. Гухман, В. Д. Девкина, Ю. Д. Дешериева, А. И. Домашнева, М. И. Исаева, Н. А. Катагощиной, Л. С. Ковтун, В. Г. Костомарова, Л. П. Крысина, А. А. Леонтьева, М. М. Маковского, Л. Б. Никольского, Е. В. Розен, Н. Н. Семенюк, Б. А. Серебренникова, О. Б. Сиротининой, Л. И. Скворцова, Ф. П. Сороколетова, В. П. Тимофеева, А. Д. Швейцера и других, могут служить солидной методологической и методической базой для конкретного анализа и описания лексико-семантической системы английского просторечия в социолингвистическом плане, т. е. для комплексного изучения социально-функциональной стратификации и выявления коммуникативного статуса нестандартной лексики.

Большой теоретический и практический интерес представляет анализ нестандартной лексики в собственно-лингвистическом плане. В книге разбираются фономорфологические и семантические особенности, парадигматика и синтагматика нестандартных элементов и их словообразовательные типы, изучаются особенности номинации, семантическая деривация, рассматриваются вопросы синонимии, омонимии и полисемии. Заметим, что в этом плане много сделано и зарубежными англи-

стами [153, 157, 161—164, 166, 173—174, 178—179, 208, 215—217]. Бесспорный интерес в плане исследования индивидуальных авторских стилей представляет описание функционально-стилистической вариативности элементов лексического просторечия, т. е. анализ языковой сущности нестандартной лексики в художественном тексте. Эти элементы обычно выступают стилистически маркированными на нейтральном фоне литературного стандарта для создания определенного лингвостилистического тезауруса при характеристике персонажей и их речевых особенностей.

По нашему мнению, анализ нестандартной лексики следует проводить в сопоставлении и сравнении со стандартной. Такой метод позволяет выделить особенности лексических пластов просторечия как разницу (отличие) между спецификой нестандартных элементов и элементов системы, находящейся вне просторечия, — литературной речи, принятой за исходный эталон, для которого характерна лексика литературного стандарта.

Основным методом является сравнительно-сопоставительный социолексикологический метод с учетом разграничения двух временны́х плоскостей: синхронной и диахронической. Выделяются следующие научно-исследовательские приемы:

а) анализ по функционально-стилистическим и социально-стратификационным пометам в наиболее авторитетных справочных пособиях для определения коммуникативного статуса и социально-речевого варьирования нестандартных элементов;

б) анализ по словарным статьям для вскрытия особенностей номинации и семантической сущности нестандартных элементов в сравнении с парадигматикой стандартной лексики;

в) сопоставительный анализ формы (структурного строения) нестандартных и стандартных элементов для выяснения особенностей просторечного словообразования;

г) лингвостилистический анализ для выявления синтагматики нестандартной лексики в различных контекстах;

д) социолингвистический анализ нестандартных элементов в связи с историей некоторых общественных групп для изучения стратификационной вариативности словарного состава языка и его компонентов (форм существования).

Данная система приемов сравнительно-сопоставительного социолексикологического метода позволяет рассматривать объект исследования как явление подвижное, многогранное и сложное, в разных аспектах.

При анализе различаются лексема — слово-комплекс как абстрактная единица языка и лексико-семантический вариант (ЛСВ) слова как основная предельно малая единица лексико-семантической системы, реально функционирующей в речи. Разработанные в советской лингвистике основы теории слова принимаются как заданные аксиомы [3, 56, 63, 102, 118—119].

Под формой слова понимается его фонетический и орфографический комплекс.

В работе приняты термины «предметно-логическое значение», объединяющее денотативное и сигнификативное значения как компоненты, и «коннотация», которая включает в себя помимо эмоционального содержания и стилистической окраски (ср. [4]) также социально-речевую характеристику, или социальное созначение. Отсюда в наше понимание коннотации слова входят: а) все три компонента, б) два компонента в различных сочетаниях, в) один из компонентов. Подчеркнем, что для анализа нестандартных элементов и их классификаций первостепенное значение имеет выявление социально-речевой характеристики, затем стилистической окраски и в последнюю очередь эмоционального содержания, поскольку оно, как показывает фактический материал, присуще почти всем просторечным элементам, но в разной степени. То, что каждое нестандартное слово должно обладать определенной коннотацией, принимается за исходное положение и специально оговаривается. В дальнейшем изложении доказывается, что коннотация может быть разной: исконной и приобретенной, постоянной и непостоянной (узуальной и окказиональной), получать в зависимости от контекста различные оттенки. У многозначных лексем ЛСВ могут приобретать эти оттенки в зависимости от их функционального статуса, временны́х и ареальных условий, а также от социальной заданности, специфики жанра и авторского стиля в случае использования нестандартных элементов в художественном тексте.

Мы не исследуем грамматического значения просторечного элемента, сосуществующего с его лексическим значением, их связи и взаимодействия: нестандартные слова в этом отношении ничем не отличаются от стандартных слов.

В работе не рассматриваются ареальные варианты и разновидности полинационального английского языка, а также их территориальные диалекты как локальные формации, употребляемые ограниченным кругом лиц, связанных тесной территориальной общностью и находящихся в постоянном и непосредственном языковом контакте.

Изучение стратификации полинационального языка в «горизонтальном» плане требует специальных монографических исследований и особых методов анализа, оно выходит за рамки данной книги.

Мы не касаемся внелитературного просторечия (по терминологии Ф. П. Филина), под которым обычно понимаются фонетические, грамматические и лексические неправильности, характерные для неграмотного или малограмотного конгломерата различных социальных групп общества. Такое просторечие (в русистике — грубое просторечие) — особый интердиалект с языковыми явлениями всех уровней, «которые образо-

ванный человек не может употребить ни при каких обстоятельствах» [121, с. 22]. Этот тип просторечия характерен для некоторых городских социальных говоров или полудиалектов (лондонский кокни и ливерпульский скауз в Англии), для социально-этнических диалектов (негритянские говоры Нью-Йорка и Нового Орлеана в США). Особенности внелитературного просторечия и социально-этнических диалектов США в социолингвистическом плане исследуют американские лингвисты, общетеоретические взгляды и исследовательские методы которых критически рассмотрены А. Д. Швейцером [134, 136]. Британское внелитературное просторечие в наше время находится вне поля зрения языковедов. Особенности кокни, территориальных диалектов британского и американского ареалов проанализированы довольно детально, на что указывают фундаментальные исследования, диалектологические словари и имеющаяся библиография [ср. 142, 145, 146, 160, 169, 181, 182, 185, 189—191, 199, 202, 212, 215, 231; 233, 237, 242, 249, 257, 258].

Наше исследование построено на анализе обширного эмпирического материала, извлеченного из письменных источников (словарей, художественной литературы), который в значительной части остался за рамками книги, как и многие частные наблюдения. В работе по ходу изложения приводятся лишь немногие иллюстративные примеры. Мы исходим, однако, из справедливого тезиса, что «нет лингвистики, кроме лингвистики конкретных фактов, и язык не знает другой онтологии, кроме его фактических проявлений» [5, с. 133]. Заметим, что некоторые примеры из литературных источников XVI—XVIII вв. цитируются по обзорным трудам, вышедшим в XX в., поскольку они остались недоступными для авторов книги.

В нашей интерпретации нестандартной лексики мы полностью разделяем мнение, что «настало время отойти от аксиомы идеального носителя языка, от абстрактной языковой схемы и перейти к изучению языка в конкретно-исторических, социальных и психологических связях» [2, с. 7].

Монография включает четыре главы: две обзорно-теоретические. (I. Экспрессивная нестандартная лексика, II. Социально-детерминированная нестандартная лексика) и две по описанию номинаций (III. Семасиологическая характеристика нестандартной лексики, IV. Словообразовательные процессы в нестандартной лексической подсистеме). Главы первая и вторая и введение написаны В. А. Хомяковым, главы третья и четвертая — Т. М. Беляевой.

Данная монография как первая попытка описать английское лексическое просторечие отнюдь не претендует на исчерпывающее решение сложных проблем, это дело будущего, требующее совместных усилий многих лингвистов. Цель книги — показать определенный фрагмент лексики национального языка как мно-

гомерное и сложное явление со своими структурно-семантическими и социально-стилистическими особенностями. Проблема нестандартной лексики в литературно-художественном тексте выходит за рамки книги и поэтому подробно не рассматривается.

ГЛАВА I

ЭКСПРЕССИВНАЯ НЕСТАНДАРТНАЯ ЛЕКСИКА

§ 1. О связи сниженной лексики со стилем речи

Некоторые лингвисты полагают, что различительные языковые индикаторы, которые генетически имели чисто социальную природу, в дальнейшем получают определенную стилистическую нагрузку (см., например, [226]); подобное явление прослеживается в различных языках: в русском [8, 32, 83, 98—99], в немецком [90, 95], во французском [11—12]. На наш взгляд, в какой-то степени это закономерно для английского лексического просторечия и при употреблении нестандартных элементов в художественном тексте (ср. также [101, с. 40—43; 148, с. 184—202]).

Следует кратко остановиться на проблеме стиля, поскольку далее пойдет речь о связи сниженной лексики со стилем речи. За основу принимается положение о существовании двух основных единиц стилистической системы языка: функционального стиля и экспрессивного стиля. **Функциональный стиль**, впервые разработанный и введенный в языковедческую терминологию лингвистами пражской школы (см., например, [33]), может быть определен как «совокупность языковых средств, используемых в определенной среде общения и с определенной целью. Вместе с тем — это и определенные закономерности отбора и группировки языковых средств, потенциально закрепленных за какой-либо сферой человеческой деятельности (деловой стиль, разговорный стиль, научный стиль и т. п.)» [95, с. 46]. Подразделение «функциональных стилей в современной отечественной лингвистике чрезвычайно пестрое и многообразное. Как правило, большинство классификаций такого рода базируется, с одной стороны, на сферах применения стилей (т. е. на общественно-социальном признаке), а с другой — на дихотомическом делении «разговорный» — «письменный» [94, с. 193]. Вообще говоря, номенклатура функциональных стилей не приведена в порядок — исследователи функционально-стилистической дифференциации разных национальных языков выделяют разнообразные стили, стараясь охватить как можно полнее все специализированные средства выражения различных

типов информации, все сферы человеческой деятельности [106, с. 130]. Так, в зависимости от основных функций языка (общения, сообщения и воздействия) выделяются стили: научный, обиходно-бытовой, обиходно-деловой, официально-документальный, публицистический, художественно-беллетристический [232, с. 456]; в зависимости от экстралингвистических ситуаций как жанрово-стилистический набор: разговорный стиль, стиль корреспонденции, стиль научного и делового доклада, газетный стиль, стиль новеллы, поэтический стиль и т. д. и т. п. [180, с. 321—323]; в современных русских территориальных говорах — обиходно-разговорный, профессионально-технический, официально-деловой, общественно-публицистический и народно-поэтический функциональные стили [83, с. 23]; в отечественной англистике в современном английском языке находят стили художественной речи, газеты, публицистики, ораторской речи, научной прозы, официальный стиль [34].

Обобщенное понимание функционального стиля дал В. В. Виноградов. «Стиль — это общественно-осознанная и функционально-обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа» [26, с. 73].

Иногда стиль отождествляют с «функциональным уровнем». Р. Пулей выделяет пять таких уровней [200, с. 100—105].

Почти в любой функциональный стиль в зависимости от функционально-ситуативного контекста и конкретной цели высказывания — информации, договоренности, доказательства, убеждения (ср. [34]) — могут входить элементы лексического просторечия. Вполне очевидно, что социально и профессионально детерминированная нестандартная лексика функционирует обычно только в определенных стилях, поскольку жаргонизмы и арготизмы из-за своей прикрепленности к социально обусловленной вариативности национального языка имеют более «узкий» узус, чем «низкие» коллоквиализмы и сленгизмы, коммуникативный статус которых определяется функционально-стилистическим членением — потребностью в «специализированных средствах выражения различных типов информации» (ср. [106, с. 130]). Специфическое предметно-логическое значение и непристойная экспрессия вульгаризмов жестко ограничивают их функционирование в речи: вульгаризмы характерны только для определенных социальных ситуаций общения при определенных ролевых отношениях коммуникантов.

Словарные пометы, основанные на номенклатуре функциональных стилей, обычно вносят дополнительную информацию о коммуникативном статусе слов — от наиболее общих функ-

ционально- и социально-ситуативных помет вроде «вульгарное», «сленг», «коллоквиализм», «жаргонизм» до таких индивидуально конкретных, как, например, «кент XVII века» или «жаргон торговцев Лондона 50-х годов XIX века» и т. п. Думается, что наиболее точной информацией обладают конкретные социально-функциональные пометы; именно такие пометы характерны для англо-американской просторечной лексикографии.

Экспрессивный стиль выделяется на основе определенных эмоционально-ситуативных критериев и определяется как традиционная совокупность языковых средств для экспрессивного уровня общения — нейтральный стиль, сниженный стиль (ср. [95, с. 46]. Используются и другие термины. Так, в концепции Р. Г. Пиотровского [87, с. 92 и след.] находим высокие стили, охватывающие торжественно поэтический и научный обиход; средние стили, включающие литературно-повествовательный и литературно-разговорный стили; низкие стили — просторечные. Дж. Кеньон указывает на два уровня — стандартный и субстандартный и на две функциональные разновидности — формальная и неформальная [171, с. 217 и след.]; Ю. Ханнерц говорит о высоком и низком, или формальном и неформальном стилях [160, с. 137]; В. Н. Ярцева пишет, что «стилевые вопросы тесно связаны с расчленением книжно-письменного и устно-разговорного типов речи» [141, с. 194]; Г. В. Степанов выделяет собственно-стратную дифференциацию языка: высший страт — низший страт, культурный уровень — некультурный уровень [106, с. 127].

Важно подчеркнуть, что стратное членение языка «не только афункционально, но и антифункционально» [106, с. 131]. Из этого положения следует, что при теоретическом противопоставлении высшего страта (культурная речь в устной и письменной формах) низшему страту (диалекты и просторечие) полностью исключается функционально-стилистическое членение и все сводится к дифференциации по экспрессивным стилям: высокий — нейтральный — сниженный. Данная теория стилистических дифференциаций, ведущая начало от античной риторики и теории стилей (см. [140, с. 26—46, 141, с. 165 и след.]), прочно вошла в теорию и практику отечественной лексикографии. Так, обычно выделяются три основных лексических пласта английского вокабуляра: нейтральная лексика или общепризнанная литературная лексика (характерная, очевидно, для нейтрального стиля), специальная литературно-книжная лексика с поэтизмами, архаизмами, терминами, варваризмами и авторскими неологизмами (характерная для высокого стиля), и, наконец, нелитературная лексика с профессионализмами, просторечием, диалектизмами, жаргонизмами, вульгаризмами и окказиональными образованиями (характерная для сниженного стиля). Такая лексикографическая дифференциа-

ция вокабуляра вполне логична и не вызывает критических замечаний за исключением трактовки нелитературной лексики.

Увлечение стилистическим аспектом иногда проявляется в тщательно продуманной и детальной номенклатуре эмоционально-ситуативных помет: «вежл.», «возвыш.», «груб.», «ирон.», «ласк.», «презр.», «пренебр.», «разг.-груб.», «усилит.», «эмоц.-усил.», «бран.», которые можно называть стилевыми оттенками. К сожалению, сниженные стилевые оттенки не имеют объективных эмоционально-ситуативных критериев: какой, например, формальный признак отличает «презр.» от «пренебр.», «бран.» от «груб.»? Как его обнаружить, если в зависимости от социальной ситуации общения, ролевых отношений коммуникантов, речевого контекста один и тот же нестандартный элемент может приобретать любой из перечисленных сниженных стилевых оттенков? В стилистической парадигматике обычно все выглядит логичным и убедительным, но стилистическая синтагматика вносит такие коррективы, что от стройных эмоционально-ситуативных парадигматических построений мало что остается для практических стилистических изысканий.

В этой связи стоит, по-видимому, прислушаться к словам И. Касареса [54, с. 156], который вспоминал случай, когда в одном слове один видный знаток языка улавливал пренебрежительную окраску, другой — доброжелательный и даже ласкательный оттенок. Подобные примеры — явление довольно частое, не говоря уже о стилистической оценке лексики прошлых эпох, где требуется осторожность даже при анализе оценки самых старых мастеров, так как их оценка может быть сугубо личной и совпадать или не совпадать с общепризнанной оценкой (ср. [54, с. 146 и след.]).

На некоторую условность стилистических помет в русских словарях указывает Ф. П. Филин [122, с. 7], подчеркивая, что «границы стилистических оценок в письменном и разговорном литературном языке далеко не во всем совпадут» [121, с. 21]. Г. Н. Скляревская пишет, что в стилистических оценках русских просторечных слов наблюдаются существенные колебания и разночтения, наиболее непоследовательно квалифицируется так называемое экспрессивное просторечие — разные типы метафорического осмысления и употребления слов [100, с. 18—19]; ср. также [29, 38, 55].

Мы полагаем, что при фиксации нестандартных элементов важнее показать их социальную природу, коммуникативный статус и функционирование в ареально-временных границах, чем дать эмоционально-экспрессивную оценку, тем более, что социально-функциональная помета обычно имплицитно включает в себя эмоционально-экспрессивную, но не наоборот. Иначе говоря, видимо, следует брать за основу не эмоционально-ситуативные критерии, а социально-ситуативные.

Таким образом, при стратном членении языка стилистиче-

ски маркированные просторечные образования, как и другие нестандартные слова, можно отнести к определенному экспрессивному уровню общения — сниженному стилю. В нашей концепции «низкие» коллоквиализмы и сленгизмы представляют собой лингвистические средства, принадлежащие сниженному стилю при стратном членении языка, и входящие в различные функциональные стили в зависимости от цели высказывания и способа выражения при функционально-стилистическом членении. К сниженному стилю относятся также вульгаризмы. Здесь предварительно заметим, что профессионально- и социально-детерминированные нестандартные элементы не обладают таким ведущим отличительным признаком, как этико-стилистическая сниженность. Их ведущий признак зависит от коммуникативного статуса — это функционирование в определенной социально обусловленной сфере общения, поэтому они могут принадлежать сниженному стилю только тогда, когда употребляются вне этой сферы общения, теряя свою социальную или профессиональную прикрепленность. В качестве жаргонизмов и арготизмов относить их к сниженному стилю можно только условно, как образования с определенной экспрессией — второстепенной отличительной чертой, зависимой от ведущего признака. Такова в кратком изложении взаимозависимость английских нестандартных слов и стилей, функциональных и экспрессивных, как она понимается в данной работе.

Само собой разумеется, мы не входим в полемику по нерешенным вопросам теории стиля, отметим только, что до настоящего времени, как подчеркивают многие лингвисты, проблема стиля (функционального, экспрессивного, индивидуально-авторского) в англистике остается малоизученной и дискуссионной, поскольку при выделении стилей используются неодинаковые классификационные критерии (например, ученые смешивают эмоционально-ситуативные, функционально-ситуативные и социально-ситуативные параметры), не говоря уже о разном понимании стиля в различных направлениях отечественной и зарубежной лингвостилистики, социолингвистики и поэтики.

§ 2. Языковая сущность экспрессивного просторечия («низкие» коллоквиализмы и сленгизмы)

К сожалению, ни в зарубежной, ни в советской лингвистике нет до сих пор достаточно отчетливого терминологического выражения и однозначной сущностной характеристики разговорной речи, состоящей из ряда разновидностей и пластов разного социального и стилистического функционирования и назначения (ср. [8, 94, 98—99, 193, 241]). Что же касается английского языка, то мы можем констатировать только наличие существенных различий как в общей терминологической харак-

теристике различных форм существования английской разговорной речи, так и в принципиальной оценке их коммуникативного статуса.

С одной стороны, вся проблематика стратификации (см., например, отечественные пособия по лексикологии и стилистике) сводится к выделению определенных пластов (слоев). В нашем случае вычленяется так называемая нелитературная лексика и фразеология (диалектизмы, сленгизмы, жаргонизмы, вульгаризмы и т. д.). Каждому пласту приписываются определенные стилистические функции, которые фиксируются в лексикографических пособиях в виде функционально-стилистических помет. Таков традиционный подход к рассмотрению языковых форм вне пределов литературного стандарта, при котором, к примеру, вся английская нестандартная лексика подразделяется на «низкие» коллоквиализмы, общие сленгизмы, специальные сленгизмы (жаргонизмы, кентизмы) и вульгаризмы. С другой стороны, помимо вышеуказанных лексических пластов выделяются формы существования просторечия, у которых находят статус языковых микросистем, входящих в макросистемы, скажем, социальные диалекты, арго (кент), профессиональные и корпоративные (групповые) жаргоны, городские полудиалекты типа «кокни» и «скауз», «внелитературное просторечие», под которым понимают фонетически, грамматически и лексически «неправильную» с точки зрения литературного стандарта речь необразованных или малообразованных людей. Особняком стоят территориальные диалекты, которые ничего общего с просторечием не имеют.

По нашему мнению, английское лексическое просторечие как сложная, иерархически представленная макросистема национального языка включает в себя и определенные лексические пласты экспрессивного просторечия, и языковые микросистемы социально-профессионального просторечия.

В советской лингвистике существует два взаимоисключающих взгляда на сущность русской нестандартной лексики. 1. Просторечная лексика относится к лексике литературного языка, так как просторечие понимается как разговорно-бытовая лексика в широком смысле слова и противопоставляется книжной лексике. Отсюда целый ряд ученых считают, что просторечие а) либо тождественно с разговорно-бытовой лексикой, либо является ее частью; б) входит в лексику литературного русского языка; в) противопоставляется диалектной лексике. 2. Просторечие противопоставляется литературному языку и квалифицируется как отступление от общепризнанной литературной нормы, как нелитературная речь. Отсюда другие ученые считают, что а) следует различать разговорную лексику литературного русского языка и просторечие; б) просторечная лексика остается за пределами литературного языка; в) просторечие противопоставляется как разговорной и книж-

ной лексике литературного языка, так и диалектной лексике (ср. [50]).

Когда В. М. Жирмунский писал, что разные формы существования языка в буржуазном обществе образуют пирамиду, сходящуюся в унифицированной письменной норме национального языка, он не выделял специально просторечие, но его понимание мещанских говоров близко к пониманию просторечия в широком смысле слова: «Основание пирамиды образуют крестьянские говоры, в мещанских говорах пирамида сужается; в разговорном языке господствующего класса, более или менее унифицированном в соответствии с письменной формой, она сходится, насколько это возможно на данной стадии развития национального языка» [47, с. 96].

Выделяя английское лексическое просторечие как словарную базу для разновидностей разговорной речи, мы рассматриваем его как одну из форм существования национального языка. В этом отношении просторечие ничем не отличается от других компонентов языка как лексико-семантических систем. Более того, с точки зрения современной социолингвистики nonstandard English так же логичен и избирателен, как standard English, и является нормой.

Подчеркнем теперь основное отличие традиционной в русистике трактовки термина «просторечие» от принятого в нашей работе родового термина «английское лексическое просторечие». Так, в русистике под просторечие подводят систему фонетических, морфологических, лексических, фразеологических и синтаксических элементов нелитературной речи, говоров, разговорной формы литературного языка, профессиональной речи, противоречащих литературной норме, т. е. это языковые явления всех уровней. Такое понимание традиционно, используют его и советские англисты. На наш взгляд, просторечие — это языковая среда, или вариант обиходно-разговорного языка, реально функционирующий и противопоставленный другим вариантам. Мы не занимаемся изучением всех уровней такого варианта обиходно-разговорного языка. Наша задача намного скромнее: показать особенности нестандартной лексики двух просторечий, которые мы объединяем под общий термин «лексическое просторечие». Это просторечие как сложная лексическая система занимает определенное место в социально-стилистической иерархии компонентов национального языка. В пределах этой системы наблюдается повышенная вариативность лексики различных подсистем, которые мы рассматриваем как совокупность стилистических средств литературного языка, профессиональных и социальных сфер речи, как лексико-семантический «свод» нестандартной лексики, противопоставленной стандартной лексике и лексике территориальных диалектов.

Лексическое просторечие в нашем понимании — это сово-

2 Зак. № 92

105865
ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

купность лексических парадигм, которые как бы объединяют и связывают все компоненты просторечия, образуя внутреннюю парадигматику этих компонентов, тем самым как бы образуя внутреннюю парадигматику данного просторечия.[1]

Экспрессивное просторечие и социально-профессиональное просторечие — явления разного плана, и их необходимо четко различать при теоретическом описании социально-стилистической дифференциации вокабуляра национального языка. Однако по нашим наблюдениям в различных сферах бытового общения, особенно в фамильярно-разговорной речи элементы данных просторечий связаны последовательными взаимозависимостями и обычно сосуществуют. Более того, именно устная, фамильярно-разговорная речь является той средой, в которой происходит непосредственная конфронтация элементов лексического просторечия.

Вслед за отечественными русистами мы выделяем в литературном языке кодифицированные и некодифицированные разновидности [8, 27, 32, 39, 50, 55, 94, 99, 120—123]. К кодифицированной разновидности относим литературный стандарт в его книжно-письменной и устно-разговорной формах, к некодифицированной — экспрессивное просторечие, о котором подробно скажем ниже. Заметим, что включение экспрессивного просторечия в литературный язык — вопрос дискуссионный: есть и другая точка зрения [136, с. 174 и след.].

Согласно нашей концепции к стилистически маркированным (сниженным) образованиям в литературном языке мы относим тот фрагмент лексики, который в традиционной англо-американской терминологии определяется как сленгизмы общего сленга и «низкие» коллоквиализмы — два фиксируемых в словарях лексических пласта с размытой границей между ними [250—258] . Данный фрагмент общенациональной лексики подводим под видовой термин «экспрессивное просторечие», являющееся функционально-стилистической категорией — определенной совокупностью стилистических средств разговорной речи литературного языка (ср. в русистике [57, с. 9; 58, с. 61]). Эти пласты в теоретически представленной модели компонентов лексического просторечия как родового понятия занимают, видимо, промежуточное положение между лексикой литературного стандарта — основного компонента литературного языка и внелитературными формами речи.

Оба пласта отличаются от нейтральной лексики литературного стандарта этико-стилистической сниженностью разного качества: от шутливо-иронической, непринужденной экспрессии обиходного общения до уничижительной экспрессии и резкости

---

[1] В данной книге не проводится классификации компонентов лексического просторечия (сленгизмов и «низких» коллоквиализмов), поскольку она подробно изложена в книгах [124] и [128].

отрицательной эмоциональной оценки сугубо фамильярного общения. Сближает их с лексикой литературного стандарта прежде всего то, что они также общеприняты и общепонятны в пределах определенного временного отрезка в границах определенной коммуникативной общности. Противостоят они литературному стандарту как особые средства сниженной речи, характерные для разговорно-бытового стиля литературного языка и для других обиходно-разговорных форм национального языка.

Заметим, что лексические средства этико-стилистической сниженности обычно имеют оценочно-уничижительное употребление и общую отрицательную экспрессию (ср. в русистике [57, с. 182]), однако качественно отличную от бранной и непристойной: слова не воспринимаются как вульгарные дисфемизмы, а придают речи колорит фамильярности, хотя, конечно, существуют пограничные случаи, когда многое зависит от сферы употребления конкретного слова, осложненного социальными значениями, эмоциональной и стилистической окраской, контекстом, жанром произведения и многими экстралингвистическими факторами.

Мы специально не касаемся вопроса ухудшения или улучшения значений слов в диахронической плоскости, так как это увело бы в область исторической стилистики, совершенно не разработанной в отечественном и зарубежном языкознании.

Следует особо подчеркнуть, что нестандартные элементы литературного языка имеют определенный коммуникативный статус и языковую ценность прежде всего как общепринятые экспрессивные средства стилистически сниженной речи, отражающие в какой-то мере функционально-стилистическое варьирование словарного состава национального языка. При этом они имеют все основные признаки разговорности, отмеченные еще Ш. Балли [7, с. 325—327]: отражение психологии среднего носителя языка и ситуаций повседневной жизни, спонтанный характер выражения, эмоциональность, конкретность, образность, фамильярность.

Таким образом, выделяя лексику английского экспрессивного просторечия, мы имеем в виду прежде всего ее особенности функционально-стилистической вариативности в границах литературного языка. Данная вариативность, видимо, качественно отличается от социально-функциональной вариативности арготизмов и жаргонизмов, поскольку основными признаками экспрессивной лексики выступают общеупотребительность и этико-стилистическая сниженность.

Этико-стилистическая сниженность в нашем понимании — это эмфаза (эмоциональная, оценочная, экспрессивная или аффективная), употребляемая в речи для создания определенного стилистического эффекта. Сущность каждого такого эффекта крайне разнообразна и зависит от многих причин, в том числе

я от экстралингвистических. Под углом зрения психологии речи наиболее полное описание данного вопроса в англистике дали еще в начале века американские лингвисты Ф. Секрист и А. Мелвил. Ф. Секрист писал, что употребление стилистически сниженных элементов открывает для писателя неограниченные возможности обогащения текста произведения за счет «более богатого и энергичного лексикона». Они могут использоваться с целью создания комического эффекта, для придания атмосферы непринужденности общения, ради новизны и желания быть остроумным, реалистичным, естественным, несентиментальным, неромантичным, принимающим жизнь как она есть [214, с. 415].

А. Мелвил указывал на различные виды профанации, на выражение неодобрения, отвращения, фамильярности, насмешки, угрозы, презрения, преувеличения, большого удивления, замешательства и смущения, на подчеркивание разных степеней опьянения, резкого отрицания чего-либо, настойчивости и назойливости [188].

Само собой разумеется, можно найти еще целый ряд причин, вызывающих употребление стилистически сниженной лексики, если рассматривать их с точки зрения социолингвистики и лингвостилистики (ср., например [67]).

Мы исходим из положения, что норма в том или ином виде присутствует во всех формах существования языка, в том числе норма характерна и для экспрессивного просторечия. Такую норму назовем стилистической нормой второго уровня. Таким образом, если, взяв за основу аксиологический аспект нормы [105, с. 9], считать, что норма первого уровня, т. е. литературная норма, — «это некоторая совокупность коллективных реализаций языковой системы, принятых обществом на определенном этапе его развития за правильные и образцовые» [95, с. 196], то норма второго уровня — это некоторая совокупность изменений в традиционных способах отбора, своеобразное социально-стилистическое варьирование языковых явлений, не принятых обществом на определенном этапе его развития за правильные и образцовые с потенциальными возможностями стать таковыми или исчезнуть из употребления.

Итак, норма как «совокупность правил, устанавливающих списки социально приемлемых вариантов и конкретизирующих социальные условия их употребления» [133, с. 168], характерна для всех формаций национального языка. Такое понимание нормы исключает как несостоятельную теорию отклонений от стандарта, в которой все отклонения предаются анафеме и фактически не изучаются.

Стабильная, кодифицированная норма литературного стандарта представляет собой тот нейтральный фон, без которого невозможно восприятие стилистической сниженности нестан-

дартной лексики вообще (ср. в русистике [39, с. 109]). Норма первого уровня разговорно-бытового стиля литературного языка противостоит стилистической норме второго уровня. Обе нормы сосуществуют в пределах литературного языка и образуют в совокупности общую стилистическую норму социально и локально незамкнутого повседневного речевого общения. Здесь наблюдается многоаспектное существование нормы, поскольку в структуре данной нормы, по-видимому, возможны следующие виды варьирования: а) преобладание нормы первого уровня над нормой второго уровня, б) сосуществование обеих норм на паритетных началах, в) преобладание нормы второго уровня над нормой первого уровня. Такой вариативностью владеют все носители литературного языка (ср. [9, с. 34—36]).

В зависимости от данных видов варьирования можно различать, по крайней мере, три функционально-стилистические разновидности разговорной речи литературного языка: а) литературно-разговорную речь в сферах официального и бытового общения, б) обиходно-разговорную речь и в) фамильярно-разговорную речь в сфере бытового общения. Наши дедуктивные положения подтверждаются конкретными наблюдениями и фактическим материалом, так как мы понимаем, что «абстрактные рассуждения о норме, какими бы остроумными они не казались, лишенные языкового материала, бесперспективны» [94, с. 124].

Согласно своему коммуникативному статусу, языковой природе и конкретным социальным ситуациям общения лексика экспрессивного просторечия обычно функционирует в обиходно-разговорной и фамильярно-разговорной разновидностях речи, которые, по-видимому, являются основными источниками экспрессивной нестандартной лексики (ср. в русистике [57, 88, 130, с. 154]). Подчеркнем, что здесь не может быть диглоссии, поскольку экспрессивное просторечие не подменяет ни кодифицированных форм литературного языка, ни внелитературных разновидностей национального языка.

Исходя из сказанного, предложим рабочее определение термина «экспрессивное просторечие»: это компонент функциональной системы литературного языка с нормой второго уровня, включающий в себя наддиалектную, стилистически сниженную лексику с экспрессией непринужденности или уничижительности, общеизвестную и общеупотребительную в сферах повседневного речевого общения и обозначающую бытовые явления, признаки и процессы. Экспрессивное просторечие — это средство общепринятой разговорной разновидности речи с эмоционально-оценочной нагрузкой.

В функциональной системе русского литературного языка также выделяют экспрессивное просторечие. Русское общелитературное просторечие как средство сниженной речи (ср. [57,

67, 94, с. 115; 122—123]) приблизительно соответствует английскому экспрессивному просторечию в нашей концепции.

§ 3. Вульгаризмы и их коммуникативный статус

В сферах внелитературной речи и литературного языка особняком стоят вульгаризмы — лексический слой с непристойной экспрессией. Вульгаризмы можно рассматривать — как и элементы экспрессивного просторечия — под углом их этико-стилистической сниженности, хотя эта сниженность качественно отлична от других нестандартных слов. Вульгаризмы — это лексический слой, существующий с древнейших времен. Лингвистическая интерпретация вульгаризмов вполне оправдана и достойна внимания языковедов (ср. [14—15]). Однако определенные этические нормы общества оказывают влияние и на лингвистов: работ, трактующих проблему вульгаризмов, очень мало [158, 170, 208, 216, 218], в отечественной англистике их почти нет [124, 129]. Рассматривая вульгаризмы в одной главе со сленгизмами, мы как бы выступаем против распространенного даже среди языковедов взгляда на вульгарную сущность сленгизмов и сленговую сущность вульгаризмов, которые якобы придают им одинаковую экспрессию и предопределяют к ним одинаковое отношение (и то и другое «словарный мусор»). Лингвистам, разделяющим этот взгляд, стóит прислушаться к мнению американских лексикографов, которые подчеркивают, с полным на то основанием, что сленг вообще далек от вульгарных коннотаций, в нем существуют табу, как в литературной речи, и много эвфемизмов [153, с. 70—86; 248, 253, 254, 255, 256].

Если ввести понятие «глубина» сниженности для стилистически маркированных нестандартных слов, то по этическому параметру величина глубины для них будет различной в зависимости от качественной сущности экспрессии [101, с. 101; 42, с. 49].

Наименьшей глубиной обладают «низкие» коллоквиализмы с экспрессией непринужденности, наибольшей — вульгаризмы с непристойной экспрессией, которые мы будем рассматривать как самые аффективные элементы языка.

Вслед за Л. Блумфилдом среди вульгаризмов будем различать неприличные и непристойные формы: «Неприличные языковые формы произносятся только при известных ограниченных обстоятельствах: говорящий, который нарушит эти ограничения, будет пристыжен или наказан... Неприличные формы относятся чаще всего к определенным сферам значения, и нередко параллельно с ними существуют формы с тем же прямым значением, но без оттенка непристойности...» [13, с. 161 и след.]. Далее Блумфилд отмечает, что в английском языке существует строжайшее табу на ряд языковых форм, значение

которых связано с экскреторной функцией, а также на некоторые формы со значением продолжения рода — такие формы он называет непристойными. В обществе строгость запрета колеблется «от мягких правил приличия до безусловного и полного табу». В отличие от неприличных все непристойные формы имеют ученые медицинские и правовые термины, обычно латинские, и стилистически нейтральные синонимы. Таким образом, можно сделать следующее уточнение нашего понимания сущности вульгаризмов: все оскорбительные, бранные слова и грубые проклятия мы относим к неприличным формам; к непристойным формам — нецензурные слова и выражения.

В истории английского общества можно выделить два периода, когда под влиянием религиозной морали и ханжеской благопристойности «очищались» произведения Шекспира и других драматургов его эпохи (в первую очередь от богохульств и неприличных форм). Это век воинствующих пуритан — гонителей всего, что создала эпоха Ренессанса. Затем влияние пуритан было преодолено, но в XIX веке наступила так называемая викторианская эпоха с ее снобизмом, ханжеством и слащавой добропорядочностью, когда даже самые отдаленные иллюзии и ассоциации, возникающие в связи с употреблением слов литературного стандарта, вызывали запрет и появление все новых и новых эвфемизмов. Под влияние викторианского речевого пуризма попали даже крупные английские писатели (У. Теккерей, Ч. Диккенс, Т. Гарди, Д. Конрад), не говоря уже о писательницах (Э. Гаскелл, Д. Элиот, сестры Ш и А. Бронте), в произведениях которых почти полностью отсутствуют бранные слова и богохульства. Отметим, что политическая платформа викторианского пуризма была настолько значительной, что оказала решающее влияние и на взгляды ведущих лексикографов конца XIX века: даже в таком первоклассном словаре регистрирующего типа, как Большой Оксфордский словарь английского языка (БОС), отсутствовали вульгаризмы-табу. В этом отношении выгодно отличается Толковый словарь живого великорусского языка, изданный И. А. Бодуэном де Куртенэ, поскольку он считал, что «неприличия исследователь языка не знает, и все слова для него одинаково приличны. Никакой кастрации и ханжества!» [14—15, с. 161].

Совершенно справедливо исследователи английских вульгаризмов отмечают, что «четырехбуквенные слова» принадлежат не к кенту, сленгу или диалекту, а к древнейшему компоненту английского вокабуляра; они упрекают создателей БОС в ущербном пуризме [158, 208, 218].

В 60-е годы XX века в связи со все большим проникновением вульгаризмов в художественную англо-американскую прозу — своеобразной дисфемизацией — появились работы зарубежных англистов, в которых делаются попытки социолингвистического анализа этого лексического слоя (см., напр. [158,

208, 218]). В эти же годы лингвисты специально подчеркивают характерную черту современной прозы — насыщенность текста вульгаризмами, включая и строжайшие табу для произведений любых жанров литературы предыдущих эпох [208, с. 167 и след.; 198, с. 70; 216, с. 105]. Подобная дисфемизация прослеживается также в англо-американской прозе 70-х — начала 80-х годов [153, с. 70—86; 256].

Предметно-логическое значение вульгаризмов-табу может быть передано либо медицинским или правовым термином, либо выражением, частично сохраняющим характер термина, либо литературно-стандартным выражением, которое является эвфемизмом, стилистически нейтральным синонимом вульгаризма-табу, а также заместителем профессионально детерминированного термина, либо вульгаризмом-табу, или дисфемизмом. Если термин, выражение, частично сохраняющее характер термина, и эвфемизм при употреблении в речи и литературе сохраняют свое прямое предметно-логическое значение, то вульгаризм-табу — и это особенно важно подчеркнуть — обычно теряет прямое предметно-логическое значение и используется прежде всего из-за своей отрицательной коннотации (ср. [213, с. 155—156]). Непристойная коннотация не исчезает с потерей предметно-логического значения или с употреблением вульгаризма-табу в роли интенсификатора с некоторым его семантическим опустошением, она сохраняется в звучании слова, в его внешней форме. Это яркий пример звукового символизма, конечно, подмеченный не только лингвистами, но и писателями.

Вульгаризмы-табу обычно получают в речи синонимы-эвфемизмы, в художественном тексте — авторские эвфемизмы-неологизмы.

Общеизвестно, что еще на стадии первобытных суеверий и боязни заклинаний, веры в магическое действие слова появляются древнейшие эвфемизмы, сохранившиеся в какой-то степени и поныне. От этих традиционных эвфемизмов с мерцающим отголоском древней веры в магические силы слова следует отличать современные эвфемизмы, о которых Б. А. Ларин [65, с. 119] пишет, что они порождаются либо лживой моралью (дом терпимости, публичный дом), либо ужимками жеманности (собака подняла ножку, она в интересном положении), либо буржуазным лицемерием (свободный мир) (ср. [154]).

Если за основу классификации современных эвфемизмов взять их социальную природу, то их можно разделить на: а) общеупотребительные эвфемизмы национального литературного языка, б) классовые и профессиональные эвфемизмы, в) семейно-бытовые (классификация Б. А. Ларина). Все синонимы-эвфемизмы к вульгаризмам-табу следует, видимо, включить в разряд бытовых эвфемизмов, для которых в разговорной речи характерно ограничение кругом представлений из об-

ласти физиологии. Общеизвестные бытовые эвфемизмы необходимо отличать от авторских эвфемизмов, обычно сленгизмов, при их более широком узусе или окказиональных неологизмов, характерных только для конкретного писателя, в случае единичного употребления.

Общеизвестные бытовые эвфемизмы как заместители вульгаризмов-табу постепенно получают вульгарную (непристойную) коннотацию, т. е. «деградируют»; в этом случае появляются эвфемизмы к бывшим эвфемизмам, иногда своеобразный синонимический ряд, если рассматривать список данных слов в диахронии. Так, вульгаризм-табу со значением 'ягодицы' получают следующие эвфемизмы-сленгизмы, которые постепенно «деградируют» и замещаются: (XVII в.) bum, rump; (XVIII в.) bottom, buttocks; (XIX в.) backside, posterior; (XX в.) fanny, behind. Последние два эвфемизма еще настолько далеки от «деградации», что используются в дамском журнале и в речи женщин: Sup-hose Panty supports tummies and behinds as firmly as legs ... (Vogue, p. 48). Any time I want to have a bunch of chippies sitting on the edge of a desk ... get your fanny off the desk (Gardner, p. 9).

По нашему мнению, среди бытовых эвфемизмов, замещающих вульгаризмы-табу, следует выделить псевдоэвфемистические выражения, сохраняющие вульгарную коннотацию за счет скабрезных аллюзий и ассоциаций. Такие выражения характерны для городских социальных диалектов типа кокни и скауз, а также для социально-этнического диалекта негров США, носители которых вообще отличаются грубоватым юмором и любовью к полупристойным шуткам.

По семантической структуре бытовые эвфемизмы и псевдоэвфемистические выражения представляют собой употребление слов и выражений в переносном смысле на основании сходства, аналогии, в результате ассоциации по смежности; однако в отличие от истинного метафорического и метонимического употреблений слов и словосочетаний литературного стандарта бытовые эвфемизмы, замещающие вульгаризмы-табу, имеют целью не образное представление действительности, а прикрытие нескромных мыслей, намерений и явлений жизни. Псевдоэвфемистические выражения, наоборот, употребляются в первую очередь тогда, когда хотят иносказательно говорить непристойности.

Примерами развернутых псевдоэвфемистических выражений в художественном тексте могут служить скабрезные каламбуры Фальстафа в хронике «Генрих IV»; а реплики Яго в трагедии «Отелло» — примеры синонимов-эвфемизмов и окказиональных авторских неологизмов (см. подробнее [197]).

Если вернуться к классификации эвфемизмов Б. А. Ларина [65], то к (а) общеупотребительным эвфемизмам национального литературного языка следует, видимо, отнести выражения,

частично сохранившие характер терминов, к (б) классовым и профессиональным эвфемизмам — медицинские (правовые) термины, к (в) семейно-бытовым эвфемизмам — стилистически нейтральные и стилистически сниженные синонимы-эвфемизмы. За пределами данной классификации остались окказиональные авторские неологизмы-эвфемизмы, характерные только для художественной палитры того или иного автора, и псевдоэвфемические выражения, которые, пожалуй, с некоторой натяжкой можно отнести к семейно-бытовым эвфемизмам.

При семантическом опустошении или «семантическом изнашивании» (термин Ж. Вандриеса [22, с. 201]) вульгаризмы-табу функционируют только в просторечии и не связаны с литературным стандартом из-за отсутствия стилистически нейтральных синонимов-эвфемизмов. Однако у семантически опустошенных, выступающих в роли интенсификаторов исходных вульгаризмов-табу могут быть стилистически сниженные синонимы-эвфемизмы, внешняя форма которых представляет «завуалированную» форму вульгаризмов-табу или начинается с тех же звуков, что и вульгаризмы-табу. Так, вместо общеизвестного глагола-табу в функции интенсификаторов используются морфологические формы «завуалированных» глаголов (примеры заимствованы из статьи Б. Шпитцбардта [216, с. 110]): good fuggin guys; no fuggin good; I am fugged up with it; Fug it, get it later и т. п.

Стилистически сниженные синонимы-эвфемизмы получают в просторечии также вульгаризмы-табу, употребляемые как интенсификаторы. Например, в экспрессивном просторечии британского ареала вульгаризм-табу bloody имеет такие начинающиеся с того же звука (звуков) эвфемизмы, как blasted, bleeding, blooming, blistering, blowed, bally; ср.: bleedin' drunk, blooming slow, a blistering idiot, you be blowed, no bally fear, bally well, all bally fine и т. д. и т. п. Таких синонимов-эвфемизмов много на страницах американской и британской военной прозы 40-х и начала 50-х годов XX века, позднее эти эвфемизмы уступили место вульгаризмам-табу. Подобное явление происходит и в живой разговорной речи: опрос, проведенный нами в 1965—1966 годах среди студентов и преподавателей некоторых английских университетов (в городах Ливерпуле, Лидсе, Манчестере и Гулле), среди служащих и рабочих Ливерпуля, подтверждает нашу гипотезу о том, что проникновение вульгаризмов-табу в художественную литературу в какой-то мере отражает современную тенденцию бо́льшей свободы в использовании тех же вульгаризмов в повседневном общении, т. е. в дисфемизации речевых сфер общения. Если в 20-х годах О. Есперсен указывал на тенденцию говорить на «завуалированном языке», что приводило к появлению все новых и новых сленгизмов-эвфемизмов к вульгаризмам-табу [170, с. 420—430], то в 70-х годах эта тенденция не так замет-

на. В зарубежной англистике, однако, можно найти взаимоисключающие взгляды по вопросу проникновения вульгаризмов вообще в живую разговорную речь XX века: Э. Стертевант указывает на рост табуирования все большего числа слов [219, с. 103], что, по нашим наблюдениям в Англии в 1965—1966 годах, не соответствует речевым фактам. О. Есперсен, наоборот, уже в начале XX века отмечает уменьшение табуирования по сравнению с предыдущей эпохой [167, с. 259]; (ср. [158, с. 1]).

Непристойную коннотацию имеют многие богохульства и проклятия с упоминанием религиозных терминов, профанация которых с точки зрения церковной морали является смертным грехом. Л. Блумфилд [13, с. 161] пишет, что религиозные термины употребляются только в серьезной речи, нарушение этого правила грозит говорящему остракизмом. Это иногда приводит к курьезам: например, Э. Стертевант вспоминает случай, когда мальчик на вопрос о теме проповеди заменил слово «дьявол» словосочетанием «хозяин ада» [219, с. 108]. Однако в Англии 60-х и 70-х годов подобные богохульства в связи с ослаблением влияния церкви потеряли свою непристойность.

Богохульные проклятия функционально близки междометиям и выступают как своеобразные стилистически сниженные усилительные формы для выражения определенных эмоций, чаще всего отрицательных, под влиянием каких-то стимулирующих раздражителей. Подобно междометиям, некоторые богохульства иногда отклоняются от исходной фонетической модели, превращаются в структурно отмеченные образования, например, God love me — blimey; god blind me — gorblimey; Christ kill me — crikey; for Christ sake — for Chrissake.

Вульгаризмы-интенсификаторы можно разделить на две основные группы: А) интенсификаторы — семантически опустошенные вульгаризмы-табу в определенных синтаксических позициях (обычно в функции пре- и постпозитивного определения, обстоятельства образа действия, меры и степени, после вопросительных местоимений и наречий, как своеобразные усилительные инфиксы в составных и фразовых глаголах и т. д.); Б) интенсификаторы — семантически опустошенные религиозные термины (слова и словосочетания), выступающие в тех же синтаксических позициях, что и интенсификаторы группы А. К некоторым из интенсификаторов обеих групп можно найти стилистически сниженные синонимы-эвфемизмы, о чем уже упоминалось ранее, но выделялись только «завуалированные» формы, которые настолько близко стоят к вульгаризмам, что, пожалуй, нельзя решить, к какому пласту следует их относить: к сленгизмам или к вульгаризмам. Здесь мы подходим к спорным случаям нашей классификации, поскольку определение степени грубости субъективно.

Так, популярный в кокни вульгаризм-интенсификатор груп-

ны Б bloody получает «завуалированный» эвфемизм bleedin'. А. Силлитоу использует его как своеобразный усилительный инфикс в богохульстве, тем самым увеличивая заряд интенсивности всего выражения: в данном случае функционально близкое междометиям богохульное проклятие — вульгаризм-табу вместе с инфиксом bleedin': She squealed out: "Christ All-bleedin' mighty! Somebody got me that one!" (Sillitoe, p. 130). Другие «завуалированные» эвфемизмы того же вульгаризма-интенсификатора в двух нижеприведенных примерах выступают как сленгизмы — элементы экспрессивного просторечия британского ареала: Bertie made a gesture of disgust. "What a bally idiot I am". (Johns, p. 35). The bystander. He aint a tec. He's a blooming busybody: that what he is (Shaw, p. 14).

Особняком стоят интенсификаторы (преимущественно прилагательные), которые не принадлежат к вышеуказанным группам и не являются эвфемизмами. Отнесение их к вульгаризмам или сленгизмам экспрессивного просторечия — довольно сложный вопрос, так как определение степени их грубости (имеют ли они непристойную коннотацию или только уничижительную и резкость оценки) выходит за рамки объективных критериев. Ограничимся примером: "Get your lousy knees off my chest", I told him. I was almost bawling, I really was. "Go on, get offa me, ya crumby bastard" (Salinger, p. 64).

Следует отметить еще один спорный и вряд ли разрешимый вопрос: рассмотрение вульгаризмов в диахроническом плане, т. е. определение вульгарной лексики и фразеологии в текстах, скажем, эпохи Дж. Чосера или У. Шекспира. Лингвисты по этому поводу высказываются неопределенно: все сводится к предположению, что многие современные вульгарные выражения во времена У. Шекспира и К. Марло принадлежали к литературному стандарту [142, с. 12] или что слова, имеющие в настоящее время неприличную коннотацию, могли быть вполне приличными в период создания того или иного текста [224, с. 157]. Такие предположения вполне достоверны, если принять во внимание природу и сущность эпохи Ренессанса, когда «забавная, веселая и веселящая плоть, не знающая никакой нравственной узды физиология — самый естественный источник комического для человека Возрождения» [86, с. 72], выносилась на подмостки театров и воспринималась как нечто вполне естественное. Отсюда можно утверждать, что даже самые скабрезные эпизоды в «Кентерберийских рассказах» Дж. Чосера (в соответствующем словесном оформлении) или полупристойные каламбуры и шутки шекспировских персонажей принимались их современниками совершенно иначе, чем в последующие века, все это надо учитывать при анализе таких текстов.

Мы не рассматриваем и другой, вряд ли разрешимый вопрос: построение синонимических рядов эвфемизмов в зависи-

мости от их степени «смягчения» вульгарной коннотации замещенных слов-табу, так как подобная градация не имеет объективных критериев. Поэтому ограничимся разделением эвфемизмов на два класса: стилистически сниженных и стилистически нейтральных. Вряд ли плодотворной была бы попытка отграничить выделенные нами псевдоэвфемистические выражения от выражений, созданных словесной игрой с целью комического эффекта и имеющих неприличный подтекст, так как в том и другом случае иносказательно говорят непристойности.

§ 4. Экспрессивная нестандартная лексика в художественной литературе: создание комического

Наши наблюдения над употреблением нестандартной лексики как эстетически значимой категории в художественной литературе дают основание говорить, по крайней мере, о трех основных приемах создания комического с помощью элементов лексического экспрессивного просторечия. При первом приеме автор намеренно включает в речевую характеристику персонажа (персонажей) экспрессивный элемент, образующий «стилистический слом» (термин Ю. М. Лотмана [70, с. 331]) и тем самым создающий внезапный комический эффект (сатирический, иронический, юмористический). Вторым приемом создания комического служит авторское комментирование стилистически сниженных слов; стилистические сломы отсутствуют, комический эффект всецело зависит от того, что находит читатель вне речевых характеристик персонажей, в самом авторском повествовании, или в последующих репликах персонажей, комментирующих какое-то раннее высказывание с нестандартной лексикой: здесь комический эффект как бы специально задерживается. Наконец, третьим приемом создания комического выступает «субъективно-комическое» (термин В. Дибелиуса [44, с. 129]). Субъективно-комическое наиболее ярко проявляется в словесных дуэлях персонажей. Пока длится такая дуэль, ощущается комическое напряжение, отличное от комического эффекта протяженностью во времени. Проиллюстрируем каждый прием создания комического одним примером. Так, стилистически несовместимые сочетания в речи определенного персонажа всегда создают эффект неожиданности, без которой нет ни комического образа, ни комической ситуации. При резкой смене фонов, — когда литературный стандарт, выполняющий функцию общего фона в художественном тексте, внезапно меняется на просторечие с его стилистически маркированным фоном, — происходит стилистический слом. Стилистический слом в его классической концентрации можно обнаружить в сатирической повести Ивлина Во: “We had a Loved One last month who was found drowned. He had been in the sea a month and they identified him by his wristwatch. They

fixed that stiff", said the hostess, disconcertingly lapsing from the high diction she had hitherto employed, "so he looked like it was his wedding day" (Waugh, p. 127).

Довольно удачно этот слом передан в переводе: «В прошлом месяце к нам поступил утонувший Незабвенный. Труп его находился целый месяц в океане и был опознан только по ручным часам. Наши так обработали этого жмурика, — сказала моргпроводница, небрежно отбрасывая высокий стиль, которого она до сих пор строго придерживалась, — что он у нас стал ровно жених».

При втором приеме комический эффект зависит обычно от авторского комментирования: The way I met her, this Doberman pinscher she had used to come over and relieve himself on our lawn, and my mother got very irritated about it. She called up Jane's mother and made a big stink about it. My mother can make a very big stink about that kind of stuff (Salinger, p. 92—93). Здесь внимание читателя как бы специально задерживается на стилистически сниженном элементе. Комментирование варьируется в зависимости от замысла и авторского стиля.

Классическим примером комического напряжения могут служить фальстафовские сцены в обеих частях хроники «Генрих IV». Здесь комизм создается не только за счет комических ситуаций и комических характеров по их внешнему виду, но главным образом за счет создания субъективно-комического. В эту форму выражения комического мы включаем остроумие персонажей, игру слов, каламбуры, шутки, представляющие чисто субъективные построения и находящиеся в резком противоречии с объективным положением вещей, парадоксы, литературные аллюзии и пародии, наконец, все нестандартные слова, словосочетания и речения «из глубин речи и образной системы народа» [132, с. 251]. Так, комическое напряжение в известной сцене из хроники «Генрих IV» (ч. 1, акт 2, сц. 4) программируется прежде всего за счет субъективно-комического, созданного своеобразной словесной дуэлью между принцем Генрихом и Фальстафом. Речевая ткань фальстафовского фона наиболее сложна в самой знаменитой сцене (ч. II, акт 2, сц. 4). Реплики, которыми обмениваются Фальстаф, Долль Тершит, миссис Куикли, Пистоль, принц Генрих и Пойнс, представляют собой миниатюрные словесные дуэли, создающие комическое напряжение помимо комизма ситуации и характеров. Именно здесь Шекспир показывает себя тонким знатоком современного ему просторечия и противопоставляет его словесной казуистике риторических фигур, выспренной манере вырождающегося эвфуизма в пародийно измененных в устах Пистоля цитатах из трагедий Пиля и Марло: Doll Tearsheet. A pox damn you. You muddy rascal! Is that all the comfort you give me? Falstaff. You make fat rascals, Mistress

Doll. Doll Tearsheet. I make them! Gluttony and diseases make them; I make them not. Falstaff. If the cock helps to make the gluttony, you help to make the diseases, Doll. We catch of you, Doll, we catch of you; grant that, my poor virtue, grant that. Doll Tearsheet. Yes, joy, — our chains and our jewels. Falstaff. Your brooches, pearls, and ouches! For to serve bravely is to come halting off, you know, to come off the breach with his pike bent bravely, and to surgery bravely; to venture upon the charged chambers bravely. Doll Tearsheet. Hang yourself, you muddy conger, hang yourself! (Shakespeare, 2HIY, p. 526).

Перебранка между Фальстафом и Долль Тершит переходит в любовные объяснения, особенно комичные в устах этих персонажей, — Долль утешает разъяренного Фальстафа, прогнавшего Пистоля: Falstaff. A rascal! to brave me! Doll Tearsheet. Ah, you sweet little rogue, you! Alas, poor ape, how thou sweatest! Come, let me wipe thy face. Come on, you whoreson chops. Ah, rogue! i'faith, I love thee. Thou art as valorous as Hector of Troy, worth five of Agamemnon, and ten times better than Nine Worthies. Ah, villain! Falstaff. A rascally slave! I will toss the rogue in a blanket. Doll Tearsheet. Do, an thou darest for thy heart. An thou dost, I'll canvass thee between a pair of sheets (Ibid., p. 528).

Долль Тершит знает себе цену и в присутствии престарелого любовника обрушивается на его пьяного прапорщика, которого когда-то хорошо принимала: Pistol. Then to you, Mrs. Dorothy; I will charge you. Doll. Charge me! I scorn you, scurvy companion. What! you poor, base, rascally, cheating lack-linen mate! Away, you mouldy rogue, away! I am meat for your master. Pistol. I know you, Mistress Dorothy. Doll. Away, you cut-purse rascal! you filthy bung, away! by this wine, I'll thrust my knife in your mouldy chaps, an you play the saucy cuttle with me. Away, you bottle-ale rascal! you basket-hilt stale juggler, you! — Since when, I pray, you, sir? — God's light, with two points on your shoulder? Much! Pistol. God let me not live but I will murder your ruff for this (Ibid., p. 527).

До ссоры Долль с Пистолем Фальстаф развлекался скабрезными каламбурами, на которые Долль и миссис Куикли реагируют довольно игриво, но когда в игру с каламбурами включается Пистоль и с упоением цитирует исковерканные отрывки из популярных для того времени трагедий, то дело кончается крупным скандалом. Комизм реплик Фальстафа, Пистоля и миссис Куикли заключается в игре слов, создающих непристойный подтекст, который все отлично понимают: Falstaff. Welcome, Ancient Pistol. Here, Pistol, I charge you with a cup of sack; do you discharge upon mine hostess? Pistol. I will discharge upon her, Sir John, with two bullets.

Falstaff. She is pistol-proof, sir; you shall not hardly offend her. Hostess. Come, I'll drink no proofs nor no bullets: I'll drink no more than will do me good, for no man's pleasure. I (Ibid., p. 527). Затем происходит словесная перепалка Пистоля с Долль, начало которой цитировалось выше.

В миниатюрных словесных дуэлях, создающих комическое напряжение всей сцены, Шекспир так распределяет нестандартные элементы, что запрограммированные автором стилистические сломы — ругань Долль и напыщенные тирады Пистоля — прием бурлеска, когда подчеркивается контраст между содержанием высказывания и его формой, лишь оттеняют мастерское построение реплик Фальстафа.

Элементы экспрессивного просторечия широко используются в диалогической речи персонажей при неофициальном, непринужденном и обычно фамильярном общении. Эмоционально-экспрессивная роль нестандартной лексики, выраженная в этико-стилистической сниженности, определяет функционально-стилистическую специфику данных диалогов как одну из типических черт живой разговорной речи. В этой связи интерес представляют работы немецкого лингвиста К. Тильке [222—223], в которых дается детальное описание экспрессивного просторечия (согласно нашей терминологии) в английской прозе и поэзии 1919—1937 годов. К. Тильке показывает нестандартную лексику в генетическом, формально-грамматическом и семантическом аспектах. На наш взгляд, однако, излишняя детализация фактического материала за такой короткий отрезок времени и отсутствие обобщающих теоретических заключений и конкретных выводов снижают общелингвистическую ценность данных трудов. Эти же недостатки можно обнаружить в работах некоторых англо-американских филологов, изучающих нестандартную лексику в произведениях того или иного писателя (см., напр. [143, 172, 203, 228]).

При изучении вульгаризмов в художественном тексте существенным моментом выступает анализ изменений в социально-экспрессивной окраске слов исследуемого просторечного пласта. При этом подчеркнем, что мы разделяем точку зрения тех лингвистов, которые считают, что ссылки на бо́льшую или меньшую степень грубости (экспрессии) трудно признать убедительными [32, 100]. Это легко доказать при анализе вульгаризмов в художественном тексте, где все зависит от замысла автора, жанра произведения, речевых характеристик персонажей как синтеза социально-типических и индивидуально-характерологических языковых фактов, описываемых событий, субъективных восприятий читателя и других факторов. Проиллюстрируем сказанное примерами из художественной литературы с вульгаризмом bloody.

Во времена Шекспира данное прилагательное имело четкое предметно-логическое значение (кровавый, кровожадный, кро-

воточащий, окровавленный) и не было стилистически сниженным или вульгарным, что явствует из его употребления в пьесах великого драматурга: But, lords, in all our bloody massacre,| I muse we met not with the Dauphin's grace (Shakespeare, 1HYI, p. 598). O blood-bespotted Neapolitan,| Ooutcast of Naples, England's bloody scrouge (Shakespeare, 2HYI, p. 658). Все 227 зафиксированных у Шекспира примеров подтверждают это.

С тем же предметно-логическим значением употреблялось прилагательное и позднее, в XVII—XVIII веках. Как наречие (*очень, ужасно*) использует это слово Свифт в письме к Стелле (цит. по: [158, с. 18]).

В просторечии британского ареала, по-видимому, из адвербиального употребления богохульства by our Lady → bloody возникло прилагательное вульгаризм-интенсификатор, омонимичное наречию (*очень, ужасно*). Как пишет О. Есперсен, прилагательное bloody стали заменять литературными прилагательными bleeding, blood-stained, sanguinary, ensanguined [167, с. 259] для того, чтобы избежать двусмысленности: литературное прилагательное bloody и фонетически идентичное прилагательное — вульгаризм-интенсификатор, ставшее таким в начале XIX века [250, с. 66]. В БОС читаем, что bloody к 40-м годам прошлого столетия получило современное непристойное коннотативное значение, стало вульгаризмом-табу; по нашему мнению, тем самым изъяв из литературного стандарта как омонимичное наречие (*очень, ужасно*), так и омонимичное прилагательное в значениях 'кровавый, окровавленный; ужасный, отвратительный'.

В викторианскую эпоху прилагательное и омонимичные ему богохульство и наречие были отнесены к самым грубым вульгаризмам. Это определило их статус в литературе XX века.

В пьесе Б. Шоу «Пигмалион» вульгаризм bloody произносит женщина: его произносит Элиза Дулиттл. На премьере (апрель 1914 года) весь зал с замиранием сердца ожидал эту непристойность, шокировавшую избранную публику. Это отлично понимал и сам автор: как видно из ремарок, он создавал подобное же смятение на подмостках. Именно в женской речи вульгаризмы наименее предсказуемы: Freddy. (*opening the door for her*). Are you walking across the Park, Miss Doolittle? If so — Liza (*with perfectly elegant diction*). Walk! Not bloody likely (*Sensation*). I am going in a taxi (*She goes out. Pickering gasps and sits down. Freddy goes out on the balcony to catch another glimpse of Eliza*). Mrs. Eynsford Hill (*suffering from shock*). Well, I really can't get used to the new ways (Shaw, p. 42). Далее Б. Шоу на обыгрывании вульгаризма показывает нарушение речевого этикета Кларой Хилл, девицей из светского общества, воодушевленной примером Элизы: Clara (*all smiles*). I will. Goodbye. Such non-

sense, all this early Victorian prudery! Higgins (*tempting her*). Such damned nonsense! Clara. Such bloody nonsense! Mrs. Eynsford Hill *(convulsively)*. Clara! (Ibid., p. 43).

Проникнув в литературу, вульгаризм все же сначала требует особых «комментариев» в речи персонажей, особенно женщин: She spoke comfortably. "That's the one thing we are sure of, unless we're all going to look bloody fools. Excuse my French, it's the whisky" (Allingham, p. 156). Poor old blighter! I liked him because he was so bloody, if you see what I mean (Ibid., p. 172).

Однако к середине XX века вульгаризм bloody становится чуть ли не единственным в Англии чисто усилительным элементом для дисфемизации — придания оскорбительного колорита эмоционально окрашенной речи персонажей. Повторение этого вульгаризма делает речь ограниченно тупой и нудно оскорбительной, что иногда используется авторами для создания «речевого портрета». Приведем пример «обращения» отца к сыну в современном британском романе: "By bloody hell, I'll give bloody what if you don't stop saying what, what, my lad! You know bloody well what!" (Waterhouse, p. 73). Не отстают от мужчин и женщины, в этом случае, однако, дисфемизация усиливается. Например, вот как обращается к герою романа его приятельница, уличавшая его в неверности: "Don't bloody shout at me, you gormless get! Or I'll knock your bloody eyes out" (Ibid., p. 89).

К непристойным вульгаризмам-табу следует отнести некоторые богохульства, о которых в нашей англистике нет исследований, хотя с лингвистической точки зрения это довольно интересное явление, которое можно проследить на материале художественной литературы. Уже в «Кентерберийских рассказах» Чосера находим исходные выражения будущих богохульств:

"By Goddes precious herte", and "By his nayles",
And "By the blode of Crist, that it is in Hayles,
Seven is my chaunce, and thyn is cink and treye!"
"By Goddes armes, if thou falsly playe,
This daggere shal thurgh-out thyn herte go!"

(Chaucer, P., p. 196).

Чосер непосредственно указывает на грубость и профанацию этих исходных для богохульств-табу выражений:

Hir othes been so grete and so dampnable,
That it is grisly for to here hem swere;
Our blissed lordes body they to-tere;
Hem thoughte Jewes rente him noght y-nough;
And ech of hem at otheres sinne lough (Ibid., p. 197).

Дж. Чосер пользуется разными по структуре богохульствами, от самых простых типа by God до таких сложных, как

by the lord that called is Seint Jame. Так, в небольшом рассказе продавца индульгенций встретились такие богохульства, как by Goddes precious herte, by his nayles, by the blood of Crist that is in Hayles, by Goddes armes, for the love of Crist, by Seinte Marie, (to) Goddes digne bones, by Goddes dignitee, by God, by the hooly sacrament, Goddes precious dignitee, o Lord, by the croys which that Seint Eleyne fond. Все они широко употреблялись как во времена Чосера, так и позднее, видимо преимущественно для выражения неодобрения, реже — одобрения кого-то или чего-то.

В эпоху Шекспира [144, с. 568 и след.] было более 200 богохульств, в которых слово God стояло в притяжательной форме, причем иногда притяжательная форма сокращалась до морфемы -s, или вместо God использовались другие слова: God's blood, God's body, God's wounds; 'sdeath, 'slife, zounds; Cock's, Gogs, Ods. Наша сплошная выборка из трагедии «Гамлет» дает следующие богохульства (приводим по ходу действия пьесы): O God! God!; Heaven and earth!; For God's love; By heaven; O all you host of heaven!; by Saint Partrick; in faith; God willing; By the mass; 'Sblood; God's bodykins; 'Swounds; by the rood; By Gis and by Saint Charity; By cock; By the Lord. Некоторые (in faith, by the mass, 'sblood) встречаются не один раз, другие представлены единичными случаями.

В 1606 году специальный акт парламента под нажимом пуритан строго запретил все богохульные выражения и клятвы с упоминанием бога, святого духа, Христа и троицы, так как подобные выражения к тому времени стали считаться крайне непристойными и получили ярлык «табу» [167, с. 255 и след.; 189, с. 312 и след.]. Это яркий пример влияния религии на общественно-речевую практику, на литературу той эпохи. Позднее началось «облагораживание» всех произведений Шекспира и его современников. Так, уже в издании 1623 года в трагедии «Гамлет» заменены God на Heauen (Heaven), 'swounds (God's wounds) — come, 'sbloud (God's blood) — why. Редакторское «облагораживание» произведений Шекспира в конечном счете привело к тому, что после издания шекспировского First Folio в изданиях первой половины XVIII века осталось только одно богохульство by Jove [189, с. 311].

Позднее появились «завуалированные» (фонетически искаженные) богохульные выражения Lummy! — God love me! Blimey! Gorblimey! — God blind me! Crikey! — Christ kill me!, из которых первое сейчас употребляется довольно редко, остальные два, особенно, второе, популярны в кокней, вне пределов Лондона. Встречаются они в современной художественной прозе для создания комического эффекта: The great white face expanded with astonishment. "Lummy, that's putting the clock back", he said at last (Allingham, p. 125). The lips of a more emotional man would have made it "Gorblimey!" (Wode-

house, G., p. 76). "Crikey!" said Mr. Campion with a sort of awe. "Did he touch Bulimias?" (Allingham, p. 187).

Как видно из примеров, «завуалированные» богохульства здесь выступают как средство литературной стилизации. Они поддерживаются авторским комментарием, оправдывающим их употребление именно в данных ситуациях. Отметим, что «завуалированные» богохульства характерны только для британского ареала просторечия, в американском ареале такие синтаксически обособленные междометные образования восходят к временам Чосера и Шекспира и ничем не отличаются от богохульств тех далеких времен. Так как с точки зрения религии и морали такие богохульства считаются крайне непристойными, они в определенных ситуациях вызывают психологический эффект — резкий протест против их употребления. Это иногда обыгрывается в художественном тексте для создания комического эффекта. Так, Холден Колфилд за свои выражения сразу же получает строгое предупреждение от партнерши по танцам, глупенькой провинциалки: That annoyed me, for some reason. "Oh, Christ. Don't spoil it", I said. "I'm twelve, for Chrissake. I'm big for my age". "Listen. I toleja about that. I don't like that type language", she said. "If you're gonna use that type language, I can go sit down with my girl friends, you know" (Salinger, p. 26).

Обычные богохульства Холдена имеют сравнительно слабые формы for God's sake, God, goddam. Непристойные проклятия вроде for Chrissake, Jesus, Jesus Christ характерны для Экли и Стрэдлейтера, Холден их употребляет только в крайне напряженных моментах, он почти никогда не использует for Chrissake в обычной ситуации. Эта тонкая градация богохульств не учтена в русском переводе, где в основном все сводится к выражениям «черт побери», «черт с ним/ней» и т. д. и т. п. Так, Сэлинджер создает комический эффект, вкладывая в уста набожного Экли непристойные богохульства, тем самым вызывая конфликт между экстралингвистической ситуацией (набожность Экли) и его излюбленными речевыми штампами — богохульными выражениями (лингвистический контекст). Этот «слом» — характерный прием бурлеска в переводе как-то приглушен: "What the hell's matter with you?" he said. "I was asleep, for Chrissake". (Salinger, p. 13) '«Кой черт тебя укусил?», — говорит. — «Я только что уснул»'. "Listen", he said. "I don't care what you say about me or anything, but if you start making cracks about my goddam religion, for Chrissake"... "Relax", I said, "Nobody's making any cracks about your goddam religion". (Ibid., p. 13—14) '«Знаешь что», — говорит, — «можешь болтать про меня что угодно, но если ты начнешь острить насчет моей религии, черт побери...» «Успокойся», — говорю, — «никто твою религию не трогает, черт с ней»'.

Отсутствие эквивалентной передачи вульгаризмов-бого-

хульств в переводе объясняется, по нашему мнению, прежде всего неразработанностью проблемы вульгаризмов в нашей англистике и отсутствием специальных лингвистических работ в этой области.

Таким образом, в современной художественной литературе можно встретить богохульные междометные выражения от самых простых типа Oh, hell ("Oh, hell, if I may use the expression. Why?" (Wodehouse, G., p. 11)) до довольно сложных в структурном отношении образований вроде: "Damnandblastitsonofabitchofaskylight!" she said passionately (Brown, p. 66).

В середине XX века богохульства уже не вызывают столь резкого протеста против их употребления, что легко проследить по литературе. Так, по нашим наблюдениям, Сэлинджер употребляет «стертое» hell в различных конструкциях и выражениях как популярный интенсификатор: what the hell, where the hell, how the hell, who the hell, when the hell, why the hell, when in hell; scare the hell out of, annoy the hell out of, bang the hell out of, fascinate the hell out of, etc.; sit way the hell up, sit right the hell on, run right the hell across, slide way the hell down, stand way the hell up, etc.; the hellaya (the hell do you), the hellja (the hell did you), the hellya (the hell are you); helluva (hell of a); и т. д. и т. п. Этот же вульгаризм входит как второй элемент в компаративную фразеологическую единицу, но выступает в ней в качестве чисто эмфатического компонента, так как, по нашему мнению, здесь нет никакого сравнения, что показывают примеры с прилагательными: sad as hell, innocent as hell, bourgeois as hell, blue as hell, gay as hell, quiet as hell, careful as hell, cute as hell, modest as hell, close as hell, rusty as hell, envious as hell, seductive as hell, old as hell, funny as hell, dark as hell, stupid as hell, touchy as hell, icy as hell, serious as hell, sore as hell, nervous as hell, cold as hell, playful as hell, suave as hell, hot as hell, sorry as hell, young as hell, lumpy as hell, beautiful as hell, cool as hell, etc.

Несколько реже, чем hell, встречается богохульство damn; оно также в качестве «стертого» интенсификатора выступает в разных конструкциях и словосочетаниях, создавая комизм текстового фона: как определение — damn window, doorway, subject, phone booth, door, taxi, bar, place, bus, museum, date, car, note, lake, school, breath, thing, gloves, bags, toenails, drivers, theater tickets, pants, Broadway, etc.; как обстоятельство меры и степени — so damn nervous, absent-minded, lonesome, touchy, peculiar, skinny, sad, sleepy, dizzy, nice; very damn playful, pretty damn sure, too damn hot; damn well, more, much, etc.; как обстоятельство образа действия вместе с наречием near — damn near fell down, dropped dead, cried, fell over, broke, blew the roof off, killed, got killed, yelling, bawling; в глагольных фразах — be worth a damn, give a damn, give much of a damn и т. д. и т. п.

Популярным интенсификатором в создании комического выступает goddamn. Этот вульгаризм может быть определением: goddamn tie, movie, game, play, post, closet, carrousel, house, cave, side, school, piece of paper, curb, hand, head, eyes, prince, microphone, memory, bicycle, place, park, infirmary, schoolteacher, foils, pillow, thing, cemetry, check, funeral, hair, piano, waiter, phone, business, desire, door, minor, years, picture, hat, point, skates, cars, general, word, bathroom, conversation, operation, traffic, moviestars, fourth grade, honor; superior attitude, mystery program, shower curtains, toilet kit, hunting hat, checkered vests, gray hair, red hunting hat, secret fraternity, golden locks; stupid useless conversations, stupid sad old initials; обстоятельством меры и степени: goddamn cool, noisy, stupid, dark, friendly, long, late, right, etc.

Обильное употребление богохульств в художественном тексте предопределяет их «стертость», они теряют непредсказуемость и семантически опустошаются, превращаясь в «пустые» формы.

Таким образом, следует, видимо, считать, что богохульства, подобно литературным словам, попадают под правило-парадокс структуры текста: чем чаще встречается в тексте слово, тем меньше оно приносит информации. Наиболее частые слова являются наиболее семантически опустошенными, происходит «семантическое изнашивание» слов (термин Ж. Вандриеса [22]).

ГЛАВА II

СОЦИАЛЬНО-ДЕТЕРМИНИРОВАННАЯ НЕСТАНДАРТНАЯ ЛЕКСИКА

§ 1. Языковая сущность арго (кента) и жаргонов

Включение арго и жаргонов как своеобразных нестандартных социально-замкнутых и кастово-ограниченных микросистем словоупотреблений — социолектов особого функционального назначения в просторечную незамкнутую макросистему — вопрос дискуссионный. Мы анализируем их, исходя из тесной лексико-семантической и этимологической связи арготизмов и жаргонизмов с элементами экспрессивного просторечия (ср. [233, 235—239, 245, 248—252]).

Отметим, что в национальном языке арготизмы и жаргонизмы, отражающие в какой-то мере социальное варьирование словарного состава, так же как и «низкие» коллоквиализмы, сленгизмы и вульгаризмы, противопоставлены элементам литературного стандарта. Таким образом, мы выделяем первичную социолингвистическую дихотомию: вся нестандартная лексика противостоит стандартной. В свою очередь, в границах нестандартной лексики также наблюдается дихотомия: стилистически сниженная лексика противостоит социально-детерминированной. Однако границы их размыты, и на стыке образуется, по-видимому, просторечный интержаргон — «основной источник и „склад" различных жаргонных и арготических элементов» [99, с. 30].

Социальная детерминированность и специфика функционирования выступают как основные отличительные признаки арготизмов и жаргонизмов, поэтому вариативность данной лексики в разных формах существования национального языка качественно отличается от функционально-стилистической вариативности экспрессивной лексики, рассмотренной в первой главе.

Интержаргонный слой лексики, детально исследованный на материале русского языка Л. И. Скворцовым [98—99], можно обнаружить также в английском языке. Вероятно, здесь мы наблюдаем новое качество у исконных арготизмов и жаргонизмов — потерю социальной и профессиональной замкнутости и кастовой ограниченности функционирования при сохранении

этико-стилистической сниженности, придающей речи окраску отличную от окраски, которую создают слова экспрессивного просторечия. В данном случае интержаргонная лексика, возможно, образует словарную основу качественно нового и своеобразного социального стиля речи — интержаргонизированного стиля, характерного прежде всего для сферы фамильярно-разговорного общения. По-видимому, в этой сфере происходит конфронтация обоих просторечий. В американской литературе классическим примером использования данного стиля может служить повесть Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи». Такой стиль можно определить как социальный, но функционирующий в границах литературного языка.

К сожалению, английский интержаргонный слой лексики еще не подвергался детальному анализу ни в советской, ни в зарубежной лингвистике (ср. в русистике [71, 72, 84]).

Разделяя понятия «арго (кент)» — «арготизмы (кентизмы)», «жаргон» — «жаргонизмы», мы уделяем внимание в равной степени как социолектам, так и их лексическим системам, хотя комплекс проблем социолектов очень сложный и требует специальных работ (ср. [27, с. 17—27; 47—49, 73—76]).

Социолекты и их лексические системы можно рассматривать как сравнительно устойчивые и нормализованные формы существования языка.

Исследовать социолект можно в двух планах: во-первых, как компонент стратификационной вариативности языка, т. е. в неразрывной связи и сопоставлении с историей определенной социальной группы, одной из характерных черт которой является социальная диглоссия; во-вторых, как компонент состояния языка, т. е. в неразрывной связи и сопоставлении с компонентами литературного языка: литературным стандартом и экспрессивным просторечием.

В научной литературе вместо термина «социолект» можно найти термин «специальный язык», под который подводится не только определенная система терминов той или иной профессии, но и «та менее устойчивая и более живая часть его лексического запаса, которая существует исключительно в устной речи профессионалов и, — весьма условно, в грубом первом приближении, — может быть охарактеризована как „профессиональное арго"» [117, с. 163]. Само собой разумеется, что независимо от того, исследуем мы терминологию или жаргонизмы определенной профессии, или и то и другое как единое целое, для нас все это будет за семью печатями, пока мы не постигнем в деталях основные технические, научные или производственные отрасли этой профессии, поскольку языковой факт здесь связан так прямо и неразрывно с фактом техническим, что разорвать эту связь можно только искусственно. Подчеркнем, что возникновение и существование профессиональных жаргонов определяется в первую очередь чисто экстралингви-

стическими причинами: социальными и ситуативными условиями (ср. [133, с. 100]). Несколько иначе обстоит дело в корпоративных жаргонах, где много словесной игры, искусственной криптологии (ср. [28]), а общебытовой словарь превалирует над производственным лексическим ядром, что вполне объяснимо, поскольку корпоративные жаргоны не связаны непосредственно с той или иной профессией (ср. [66]).

Многочисленные арго антиобщественных групп также иногда подводят под термин «специальные языки». Для них в отличие от жаргонов характерно: а) отражение одного и того же типа мышления (ср. [69, с. 53—55]), б) общность производственного лексического ядра и возможность интернационального общения (ср. [100, с. 134—136]). Так, Э. Клееман приводит рассказ итальянского судебного психиатра и антрополога Ломброзо о взаимопонимании жуликов разных стран Европы, собравшихся в 1815 году в оккупированном союзниками Париже [176, с. 240]. Этот, на первый взгляд, неправдоподобный факт в какой-то степени объясняется, по-видимому, наличием функционального сходства этих арго, единым типом мышления и общностью производственного ядра, не говоря уже о многочисленных заимствованиях (ср. [220, с. 10]), что, по нашему мнению, предопределяет типологическое сходство арго различных языков. Мы, однако, не касаемся этой проблемы, поскольку сопоставительное изучение иноязычных арго выходит за рамки книги (см. [37, с. 359—538]).

Основываясь на стратификационной классификации социальных вариантов речи, предложенной В. Д. Бондалетовым, Б. А. Серебренников дает такую социальную дифференциацию языка: 1) профессиональные лексические системы, 2) групповые или корпоративные жаргоны, 3) жаргоны деклассированных, 4) условные языки [97]. На конкретном английском материале в нашей концепции стратификационной классификации социальная дифференциация языка несколько видоизменена. Мы выделяем: 1) профессиональные лексические системы, 2) профессиональные жаргоны, 3) корпоративные жаргоны, 4) кент (арго) деклассированных.

Основными особенностями профессиональных лексических систем, которые мы включаем в лексику литературного языка, являются: а) определенная практическая необходимость, б) точность значений (однозначность терминов), в) использование только в деловых стилях, г) отсутствие экспрессии и вообще любых коннотативных оттенков, д) фиксация в специальных словарях научных или технических терминов.

В корпоративные жаргоны включаем так называемые условные языки, поскольку корпоративные жаргоны наряду с кентом ведут свою родословную от древних условных языков — жаргонов нищих, бродячих торговцев и преступников, для которых уже тогда была характерна диглоссия. Английская действи-

тельность в отличие от русской не способствовала возникновению и распространению всяческих отхожих промыслов и коробейничества, поэтому нет и условных языков вроде языка офеней, шерстобитов и других странствующих ремесленников и торговцев (ср. [16—17, 97]).

В отличие от профессиональных жаргонов, тесно связанных с профессиональными лексическими системами, с одинаковой для тех и других основной коммуникативной функцией, «корпоративные жаргоны являются своего рода общественной забавой, языковой игрой, подчиненной принципам эмоциональной экспрессивности...» [47, с. 112]. Здесь сказывается не столько деловая потребность, сколько стремление к экспрессии и игре словами: отсюда эмотивная функция выступает как основная (ср. [28, 61, с. 124; 110, с. 53; 165, с. 306; 195, с. 369]).

Несколько слов о непосредственных корреляциях между социальной дифференциацией и интеграцией общества и языка, его стратификационной вариативности. Определенный интерес в этом отношении представляет схема В. П. Тимофеева [114, с. 14], предложенная им для социальной дифференциации и интеграции современного общества и русского языка. Автор выделяет производственные коллективы в широком смысле этого термина, военные, коллективы спортсменов и учащихся, которые подводятся под термин «социально-профессиональные общности», далее выделяются антисоциальные неизолированные сообщества и преступные изолированные сообщества с тайным (условным) словарем (арго). Специфические слова других групп понимаются как профессиональное просторечие, которое следует отличать от общего просторечия как стилистической категории. При некоторой модификации данную схему можно применить в нашей социолексикологической интерпретации социально- и профессионально-детерминированных форм существования английского языка.

Так, согласно нашей вариативной стратификации английского лексического просторечия все профессиональные жаргоны и профессиональные лексические системы в социально неоднородной коммуникативной общности распадаются по различным производственным коллективам (рабочие в промышленности, транспорте, сельском хозяйстве, сфере обслуживания, служащие и профтехперсонал); все корпоративные жаргоны распадаются по военным коллективам (пехотинцы, артиллеристы, танкисты, летчики, моряки), коллективам спортсменов и учащихся (студенты, школьники, аспиранты) и другим группам с общими интересами за пределами их профессий. Антисоциальные сообщества (как неизолированные, так и изолированные) употребляют различные виды арго (кента). В отличие от экспрессивного просторечия как этико-стилистической категории литературного языка, совпадающего по своей сущности с общим просторечием В. П. Тимофеева, все профессио

нальные, корпоративные жаргоны и различные виды кента (разные арго) можно подвести под объемный родовой термин «социально-профессиональное просторечие» как речевую социально-профессиональную категорию национального языка. Таким образом, мы конструируем бинарную оппозицию «экспрессивное просторечие :: социально-профессиональное просторечие». При таком рассмотрении можно теоретически представить следующую стратификацию национального языка: литературный стандарт граничит с экспрессивным просторечием, которое в свою очередь соприкасается с социально-профессиональным; внелитературное просторечие (грамматические и фонетические неправильности), городские говоры и территориальные диалекты противостоят литературному языку и входят наряду с литературным стандартом, экспрессивным и социально-профессиональным просторечиями в общенародный язык, позднее, в эпоху становления нации — в национальный язык.

§ 2. Генезис и коммуникативный статус арго (кента)

Вся история специальных «языков» (арго, кента) неразрывно связана с историей антисоциальных групп, противопоставленных легальному обществу «как более или менее одинаковым собственным мировоззрением и взглядом на самих себя, так и одинаковым к ним отношением сталкивающихся с ними добропорядочных и благонамеренных людей» [14, с. 161].

Про основную функцию такого «языка» — функцию конспиративной коммуникации (говорения среди своих) как главного его отличия от других компонентов просторечия пишут многие исследователи, подчеркивая, что первоначальной причиной создания арго (кента, хермании, ротвельша, блатной музыки) была необходимость в условном, понятном только для определенной обособленной группы «языке» [165, с. 328; 220, с. 5]; (ср. также [155—156, 159, 192]). По нашим наблюдениям, это не совсем так, поскольку при таком узком рассмотрении, по сути дела, все сводится к какому-то секретному коду для обмана чужих, т. е. специально созданному для скрытия коммуникации. Мы полагаем, что носители кента обладали диглоссией — использовали кент как второй «язык», что коммуникативный статус и общественная релевантность такого «языка» намного сложнее, даже если его скрывают, как, например, арго мафии в США.

Как мы уже говорили, свою родословную английский кент ведет от так называемых условных языков средневековых нищих, бродячих торговцев и преступников, для которых характерны «субкультуры» (ср. [186]). Поэтому при анализе генезиса кента большое значение имеет изучение поведения конкретных носителей данного «языка» в социально неоднородной коммуникативной общности начиная с времен позднего средне-

вековья и кончая серединой XX века, а также их «субкультур», враждебных доминантной культуре легального общества.

Прежде всего стоит определить место кента в структуре речи его носителей: ограничен ли он стратификационной или ситуативной вариативностью? Оказывается, что «каждая обособленная группа заключает в себе потенциальные возможности к развитию своего условного языка, возникающего параллельно, или, лучше сказать, налагающегося пластом на тот разговорный язык, который объединяет данную группу с остальной массой...» [109, с. 114]. Обособлению от остального населения в данном случае способствовала также подвижность носителей кента прошлых эпох, их постоянное бродяжничанье: бродячие нищие, бродячие торговцы и ремесленники, бродячие воры и мошенники. Здесь наблюдается стратификационная вариативность, поскольку каждый из бродячей массы тех времен узнавал друг друга не только по внешнему виду, но и по манере разговора, жестам, по особому лексикону, присущему той или иной социальной группе и придающему ей некую гомогенность. Поэтому наряду с эзотерической функцией существует функция пароля, которая на первый взгляд несовместима с функцией конспиративной комуникации, если подходить к кенту как к социально-коммуникативной системе, с точки зрения стороннего наблюдателя. Однако эти функции могут сосуществовать и дополнять друг друга: эзотерическая лексика и фразеология любого развитого воровского арго (в нашем случае — кента) с кинесикой и сверхсегментными особенностями, хотят ли этого носители арго или не хотят — независимо от их желания, непонятна для непосвященных и выступает для них как секретный код. При этом элементы арго плюс жесты как для посвященных, так и для непосвященных, являются особыми сигналами — паролем, несущим для первых языковую печать принадлежности к преступному миру, для вторых — предостережение. В этом состоит двойственная природа арго, на которую лингвисты иногда не обращают должного внимания (ср. [110]).

Совершенно не случайно поэтому самые первые словари и глоссарии (XVI век) представляли собой всевозможные «предупреждения» и «предостережения» (см. [196]). Например, Г. Бауманн аннотирует 14 таких предостережений [237, с. 37—79]: "Caveat", "Discovery", "The English Rogue", "The Catterpillers", "A Warning for Housekeepers", "Dictionary of the Canting Grew", "A New Canting Dictionary", "Scoundrel's Dictionary", "Liber Vagatorum", "Der niederdeutsche Liber Vagatorum", "Der niederrheinische Liber Vagatorum", "Das alteste Zigeunerisch", "La vie genereuse", "Desordenada codicia". Таким образом, основная функция арго — функция пароля для своих неразрывно связана с функцией предупреждения для чужих, а функция конспиративной коммуникации, закрываю-

щая доступ в данную социальную группу извне, зависит от наличия/отсутствия тайного характера пароля для своих. Именно в этом проявляется особенность диглоссии арготирующих. В то же время вряд ли правы те лингвисты, которые полностью отрицают тайный характер арго (кента) и в какой-то степени его условное, искусственное происхождение (например, [47, 68—69, 92, 98, 136, 148—150, 186]), так как следует иметь в виду, что в позднее средневековье и в эпоху Возрождения в Германии, Франции, Италии, Испании и Англии преступный мир получил свою корпоративную организацию, традиции, ритуалы и законы криминальных «субкультур» и свой тайный «язык». По-видимому, арго обладало и сверхсегментными чертами. До нашего времени дошли памятники древнего арго, настолько отличающегося от литературного стандарта, более того, от литературного языка тех эпох, что, без всякого сомнения, напрашивается вывод об использовании какого-то тайного, условного «языка», существующего только среди корпораций нищих, бродяг, воров и других антиобщественных групп. Так, великий французский поэт Франсуа Вийон, очень близкий к кокильярам — корпорации бродяг и воров, написал на их арго семь баллад — ярких примеров социальной вариативности речи, до сих пор не вполне расшифрованных (их не понимали уже в начале XVI века); сохранились документы процессов кокильяров и нищих бродяг в ряде французских городов в XV веке [205, с. 13—46]. То же самое можно сказать в отношении английского кента XVI века. Анализ словарика кента У. Хармана (данный Г. Бауманном) — убедительное доказательство условности английского воровского арго того времени. Это образец социальной вариативности речи.

«Предупреждение» У. Хармана состоит из трех частей: 1) перечисления прозвищ и кличек для профессиональных нищих, бродяг и воров; 2) списка кентизмов (всего 114 слов и выражений); 3) диалога на воровском арго с переводом на литературный язык (см. [237, с. XLI и след.]). Заметим, что вся лексика имела имманентное арготическое употребление. Мы приводим только начало диалога.

При сопоставлении подлинника с литературным переводом прослеживается внутренняя связь кента с общенародным языком; также очевидно, что коммуниканты обладают диглоссией, характерной для арготирующих:

Vpright man. Bene Lightmans to thy quarromes, in what lipken hast thou lypped in this darkemans, whether in a lybbege or in the strummel? *(God morrowe to thy body, in what house hast thou lyne in all night, whether in a bed, or in the strawe?)*

Roge. I couched a hogshead in a Skypper this darkemans *(I layd me downe to sleepe in a barne this night)*.

Vpright man. I towre the strummel trine vpon thy

nabchet and Togman (*I see the strawe hang upon thy cap and coate*).

Roge. I saye by the Salomon I will lage it of with a gage of benebouse; then cut to my nose watch (*I sweare by the masse, I will washe it of with a quart of good drynke; then saye to me what thou wylt*) и т. д.

Эта связь заключается в том, что кент заимствует весь грамматический инструментарий и функционирует по законам грамматики общенародного языка. Так, грамматический остов отрывка диалога выглядит следующим образом: (AN) to thy (N), in what (N) hast thou (V) ed in this (N), whether in a (N) or in the (N)? I (V) ed a (N) in a (N) this (N). I (V) the (N) (V) vpon thy (N) and (N). I (V) by the (N) I will (V) it of with a (N) of (AN); then (V) to my (NN) (A — adjective, N — noun, V — verb). Не подлежит сомнению, что кент представляет собой вторичную лексико-фразеологическую систему и в своем классическом виде (пример У. Хармана) почти полностью замещает первичную лексико-фразеологическую систему литературного стандарта в конкретной социальной ситуации. Следует заметить, что У. Харман записывал то, что слышал и видел сам, поэтому его «Предупреждение» было очень популярным и неоднократно переиздавалось в 1566, 1567, 1573 гг.

Высокую оценку труду У. Хармана дают многие лингвисты и лексикографы (см., например [144, с. 565; 191, с. 663—665; 196, с. 45—46; 230, с. 493; 237, 245]).

Другим примером социальной вариативности того времени служат «предостережения» английского писателя и драматурга Роберта Грина ("Notable Discovery of Coosnage, now daily practised by sundry lewd persons called Come-catchers and Crosse-biters", "Groundworke of Conny-Catching, the manner of their Pedlar French, and the means to understand the same", "The Defence of Cony-Catching", "The Black Books Messenger" (см. [237]). Памфлеты Р. Грина и работу У. Хармана знали У. Шекспир, Бен Джонсон, Т. Деккер и другие драматурги той эпохи. В настоящее время примерами фиксации элементов социальной вариативности речи являются словари арго (например, [238, 243, 249, 256, 258]) и глоссарии кентизмов в журнале "American Speech".

Итак, древнее арго (кент) в своем классическом виде являлось для сторонних наблюдателей той эпохи тайным, секретным «языком» арготирующих, что, по нашему мнению, повлияло на взгляды тех исследователей, которые признавали за воровским арго (в нашем случае кентом, под который мы подводим различные арго преступного мира), только функцию конспиративной коммуникации, определяющую секретный характер арго (см., например [157, 159, 165, 176, 177, 186, 187, 248 и другие]).

Подчеркнем, что в нашей концепции древний кент возник

и развивался как специальный или условный «язык» — это его примарный признак. Эзотеричность кента и его криптолалический характер с точки зрения непосвященных (!) — секундарный признак. При изучении кента, как и других иноязычных арго, ни тот ни другой признак, по-видимому, не следует возводить в абсолют, как делали и делают некоторые социолингвисты в отечественном и зарубежном языкознании.

Анализ фактического материала, изучение особенностей диглоссии арготирующих и детальное знакомство с литературой вопроса английского, немецкого, французского и русского арго в плане диахронии приводят нас к выводу, что наиболее радикальной теорией является теория о постепенном рассекречивании антисоциальных «языков» [145, с. 766; 210, с. 42], а также сужение сфер использования диглоссии, которую назовем социальной, поскольку они не могли полностью замещать лексико-фразеологическую систему литературного стандарта и тем более общенародного языка. Кентизмы — существительные, глаголы и прилагательные обычно выступали как вкрапления на общем фоне фамильярно-разговорной речи; классические примеры вроде диалога, приведенного Харманом, встречаются довольно редко. Данная тенденция, как мы покажем ниже, существует и в наше время: многие исконные кентизмы переходят в экспрессивное просторечие.

Можно проследить и другую тенденцию, назовем ее интегрально-дифференциальной: образование своеобразного криминального интержаргона, или интердиалекта, при дальнейшем обособлении различных видов кента — эзотерических лексиконов, обычно социально ограниченных.

Возникновение и распространение английского кента в XVI веке как социолекта особого назначения было обусловлено определенными социальными причинами (экономическими и политическими) эпохи становления нации, причинами, которые создали в какой-то степени изолированные от легального общества различные социальные группы, подвергавшиеся гонениям, с враждебными доминантной культуре субкультурами. Очевидно, что эти антиобщественные группы обладали рядом социально-психологических стимулов, способствовавших созданию и развитию кента. Из них главные: 1) социальная защита — желание объединиться и противопоставить себя «легальному» обществу; 2) необходимость что-то скрывать от посторонних и криптолалический инстинкт; 3) стимул наименьшего речевого усилия — стремление к краткости выражений и упрощению лексико-фразеологической системы языка как проявление определенного типа языкового мышления; 4) желание придать речи эмоциональную окраску.

Наконец, изучение кента в диахроническом плане позволяет сделать вывод о существовании в кенте двух противоположных тенденций, на первый взгляд, взаимоисключающих друг друга:

nabchet and Togman (*I see the strawe hang upon thy cap and coate*).

Roge. I saye by the Salomon I will lage it of with a gage of benebouse; then cut to my nose watch (*I sweare by the masse, I will washe it of with a quart of good drynke; then saye to me what thou wylt*) и т. д.

Эта связь заключается в том, что кент заимствует весь грамматический инструментарий и функционирует по законам грамматики общенародного языка. Так, грамматический остов отрывка диалога выглядит следующим образом: (AN) to thy (N), in what (N) hast thou (V) ed in this (N), whether in a (N) or in the (N)? I (V) ed a (N) in a (N) this (N). I (V) the (N) (V) vpon thy (N) and (N). I (V) by the (N) I will (V) it of with a (N) of (AN); then (V) to my (NN) (A — adjective, N — noun, V — verb). Не подлежит сомнению, что кент представляет собой вторичную лексико-фразеологическую систему и в своем классическом виде (пример У. Хармана) почти полностью замещает первичную лексико-фразеологическую систему литературного стандарта в конкретной социальной ситуации. Следует заметить, что У. Харман записывал то, что слышал и видел сам, поэтому его «Предупреждение» было очень популярным и неоднократно переиздавалось в 1566, 1567, 1573 гг.

Высокую оценку труду У. Хармана дают многие лингвисты и лексикографы (см., например [144, с. 565; 191, с. 663—665; 196, с. 45—46; 230, с. 493; 237, 245]).

Другим примером социальной вариативности того времени служат «предостережения» английского писателя и драматурга Роберта Грина ("Notable Discovery of Coosnage, now daily practised by sundry lewd persons called Conie-catchers and Crosse-biters", "Groundworke of Conny-Catching, the manner of their Pedlar French, and the means to understand the same", "The Defence of Cony-Catching", "The Black Books Messenger" (см. [237]). Памфлеты Р. Грина и работу У. Хармана знали У. Шекспир, Бен Джонсон, Т. Деккер и другие драматурги той эпохи. В настоящее время примерами фиксации элементов социальной вариативности речи являются словари арго (например, [238, 243, 249, 256, 258]) и глоссарии кентизмов в журнале "American Speech".

Итак, древнее арго (кент) в своем классическом виде являлось для сторонних наблюдателей той эпохи тайным, секретным «языком» арготирующих, что, по нашему мнению, повлияло на взгляды тех исследователей, которые признавали за воровским арго (в нашем случае кентом, под который мы подводим различные арго преступного мира), только функцию конспиративной коммуникации, определяющую секретный характер арго (см., например [157, 159, 165, 176, 177, 186, 187, 248 и другие]).

Подчеркнем, что в нашей концепции древний кент возник

и развивался как специальный или условный «язык» — это его примарный признак. Эзотеричность кента и его криптолалический характер с точки зрения непосвященных (!) — секундарный признак. При изучении кента, как и других иноязычных арго, ни тот ни другой признак, по-видимому, не следует возводить в абсолют, как делали и делают некоторые социолингвисты в отечественном и зарубежном языкознании.

Анализ фактического материала, изучение особенностей диглоссии арготирующих и детальное знакомство с литературой вопроса английского, немецкого, французского и русского арго в плане диахронии приводят нас к выводу, что наиболее радикальной теорией является теория о постепенном рассекречивании антисоциальных «языков» [145, с. 766; 210, с. 42], а также сужение сфер использования диглоссии, которую назовем социальной, поскольку они не могли полностью замещать лексико-фразеологическую систему литературного стандарта и тем более общенародного языка. Кентизмы — существительные, глаголы и прилагательные обычно выступали как вкрапления на общем фоне фамильярно-разговорной речи; классические примеры вроде диалога, приведенного Харманом, встречаются довольно редко. Данная тенденция, как мы покажем ниже, существует и в наше время: многие исконные кентизмы переходят в экспрессивное просторечие.

Можно проследить и другую тенденцию, назовем ее интегрально-дифференциальной: образование своеобразного криминального интержаргона, или интердиалекта, при дальнейшем обособлении различных видов кента — эзотерических лексиконов, обычно социально ограниченных.

Возникновение и распространение английского кента в XVI веке как социолекта особого назначения было обусловлено определенными социальными причинами (экономическими и политическими) эпохи становления нации, причинами, которые создали в какой-то степени изолированные от легального общества различные социальные группы, подвергавшиеся гонениям, с враждебными доминантной культуре субкультурами. Очевидно, что эти антиобщественные группы обладали рядом социально-психологических стимулов, способствовавших созданию и развитию кента. Из них главные: 1) социальная защита — желание объединиться и противопоставить себя «легальному» обществу; 2) необходимость что-то скрывать от посторонних и криптолалический инстинкт; 3) стимул наименьшего речевого усилия — стремление к краткости выражений и упрощению лексико-фразеологической системы языка как проявление определенного типа языкового мышления; 4) желание придать речи эмоциональную окраску.

Наконец, изучение кента в диахроническом плане позволяет сделать вывод о существовании в кенте двух противоположных тенденций, на первый взгляд, взаимоисключающих друг друга:

а) тенденции постепенного рассекречивания кентизмов и перехода их в интержаргонизированный стиль, в городские полудиалекты (например, кокни) и в лексическое экспрессивное просторечие в качестве сленгизмов, т. е. постепенное усвоение кентизмов разговорной речью, что примерно соответствует понятию жаргонизированная или интержаргонная лексика в концепции Л. И. Скворцова [99, с. 30 и след.]; б) тенденции дальнейшего обособления, интеграции и дифференциации различных локально прикрепленных арготических лексических систем.

Для иллюстрации первой тенденции типична история таких древних кентизмов, как pal 'приятель', bamboozle 'обмануть'. Данные слова в одних памятниках могут функционировать в качестве арготизмов (кентизмов), в других, более поздних, — как сленгизмы. В качестве кентизмов они выступают в произведениях Дж. Гея и Ч. Диккенса, что подтверждается пометами просторечных словарей: Polly. Oh, how I am troubled! Lucy. Bumbouzled, and bit! (Gay, p. 14). A new pal ... where did he come from? — Greenland (Dickens, p. 176).

Если принять во внимание, что bamboozle потерял социальную детерминированность и превратился в сленгизм в самом конце XIX века, а pal — после первой мировой войны, то логично предполагать, что в следующих примерах из произведений Г. Честертона и П. Вудхауза указанные просторечные элементы уже не являются кентизмами, так как они утратили свой главный отличительный признак — социальную обусловленность, вошли в общее употребление, сохранив, однако, стилистическую сниженность: Any sham lawyer could bamboozle me, but he couldn't bamboozle you; because you're a lawyer yourself (Chesterton, p. 49). Does he always call you mate? Not invariably. Sometimes chum or pal or cocky (Wodehouse, G., p. 154—155).

История просторечной лексемы с неустойчивой орфографической формой gon(n)of, gonoph, gonif, gonef, gnof(f) (churl, fellow, simpleton, thief) 'мужлан, простак, вор' — характерный пример действия тенденции «засекречивания». Как сленгизм (ср. East Frisian' gnuffig'-coarse, ill-mannered [151, с. 147]) gnof элемент 'мужлан, простак' существовал уже во времена Дж. Чосера: здесь налицо стилистическая окраска: Whilom ther was dwellynge at Oxenford|A riche gnof, that gestes heeld to bord, | And of his craft he was a carpenter (Chaucer, M., p. 212).

Однако позднее, по-видимому под влиянием древнееврейского заимствования ganov 'вор' появился с тем же значением из идиш кентизм ganef, который получил еще одно значение — 'мошенник'.

Английский кент начал фиксироваться в словарях, составленных уже в начале XVI века, в то время как первые толковые словари литературного стандарта появились лишь в нача-

ле XVII века, хотя интерес к вопросам культуры родного языка прослеживается в XVI столетии и не затихает до наших дней (о языковой ситуации Англии XVI—XVIII веков подробно пишет В. Н. Ярцева [141, с. 149—210], а также Л. П. Ступин [111]). И в других странах Европы словари воровского и нищенского арго предшествовали литературным толковым словарям. Так, первый немецкий словарь ротвельша появился около 1490 года, во Франции — глоссарий воровского арго — в середине XV века, примерно в то же время в Италии и Испании.

Хотя в древнем кенте можно обнаружить много цыганизмов, кент и романи (язык английских цыган) ничего общего не имеют, кроме английского грамматического инструментария. По-видимому, английские цыгане были преимущественно билингвами.

В средние века мир деклассированных с их враждебными доминантной культуре субкультурами имел сложную иерархию, отражавшую социальное расслоение тогдашнего легального общества [230]; при этом верхний слой этой иерархии представлял из себя «интеллигенцию» воровской общины, которая внесла в арго «много идей и слов высокой европейской культуры» [64, с. 119]. Отсюда широкое использование семантической деривации: многочисленные примеры на метафорическое, метонимическое, синекдохическое употребление слов и выражений литературного стандарта зафиксированы уже в ранних словарях просторечия. Деформация элементов родного языка арготирующих и заимствованных из «экзотических» языков, не известных легальному обществу, необходимы для создания эзотерической лексики: в средневековой Европе такими «экзотическими» языками были древнееврейский и цыганский, в Англии XVI века — цыганский. В Англию в самом начале XVI века проникли с континента цыгане и влились в массы бродячих нищих, пауперов и других деклассированных. В том, что воровское арго и язык цыган — идентичные понятия, были уверены ученые-лингвисты того времени. Так, мы обнаружили в старинном справочнике (издан во Франкфурте-на-Майне в 1755 году) такое заглавие "Beytrag zur Rotwellischen Grammatik, oder: Worter Buch, von der Zigeuner-Sprache". Историки Англии считают, что цыгане появились на Британских островах в 1505 году, в 1542 году вышел в свет трактат о чужеземных странах и языках Борда, в котором впервые для англичан приведены 13 англо-цыганских выражений (приветствие, просьбы дать вина, хлеба, мяса, яблок, груш и др.) типа Oeue me fleshe! Da mai masse! [177, с. 91]. Как замечает У. Харман, лет за тридцать до года издания его «Предостережения» (т. е. в 30-х годах XVI века) организованные в гильдии бродячие нищие, воры и цыгане начали использовать жаргон, совершенно незнакомый легальному обществу [237]. В дальнейших словарных «предупреждениях» и справочных пособиях по кенту

XVII—XVIII веков данное положение принимается за аксиому, встречается оно в XIX веке.

На самом деле, конечно, все обстояло гораздо сложнее. Многие засекреченные кентизмы появились в общенародном языке задолго до XVI века: это в первую очередь заимствования из кельтских языков (валлийского и ирландского); из среднеанглийских территориальных диалектов, из французского языка (особенно во время Столетней войны), из средневековой латыни. Только в XVI веке, когда воровство и мошенничество стали «наукой и искусством» и изучались так же детально и прилежно, как, скажем, алхимия и риторика, а в преступный мир вошли цыгане, среди кентизмов появились заимствования из романи. Так, Дж. Хоттен среди самых ранних цыганизмов приводит такие общеизвестные сейчас слова, как bamboozle, bosh, daddy, gibberish, mammy, pal, slang [245, с. 10—11]. Помимо цыганизмов в кент XVI—XVIII веков входят заимствования из испанского, голландского, итальянского, немецкого, французского, кельтских языков, из лингва франка и идиш, из древнегреческого и латинского языков, из различных «экзотических» языков и т. д. (см. также [73—76]).

Итак, арготирующие обладали особым видом диглоссии, которую мы определяем как социальную. Особенность этой диглоссии состояла прежде всего в том, что арго (кент) как социолект особого назначения был противопоставлен в общенародном (позднее национальном) языке обиходно-разговорной или фамильярно-разговорной речи без социальной прикрепленности. Социальная вариативность языка в данном случае и проявлялась в наличии этой диглоссии. Поскольку каждый социолог обладает собственной нормой, то в отличие от социальной нормы первого уровня, которая характерна для социальных разновидностей литературного языка, диалектные нормы определим как социальные нормы второго уровня (ср. дихотомию «стилистическая норма первого уровня :: стилистическая норма второго уровня»). Обе нормы сосуществуют в пределах национального языка и образуют в совокупности общую социальную норму повседневного речевого общения, в структуре которой, видимо, возможны следующие виды варьирования: а) норма первого уровня преобладает над нормой второго уровня; б) обе нормы сосуществуют на паритетных началах, в) норма второго уровня преобладает над нормой первого уровня. Вероятно, такая вариативность свойственна всем носителям социальной диглоссии. В первом случае мы имеем дело с незначительно арготизированной речью в социодиалектном общении, во втором — с речью значительно арготизированной, наконец, в третьем — с употреблением арго (кента). По-видимому, в последнем случае и проявляется социальная диглоссия в чистом виде (ср. [9]).

Норма сферы социодиалектного общения противостоит,

с одной стороны, норме сферы повседневного речевого общения, а с другой — норме непринужденно-профессионального общения, о которой речь пойдет далее (см. § 4).

§ 3. Арготизмы (кентизмы) в художественной литературе как социальные индикаторы текста

Рассмотрим теперь роль кентизмов в художественном тексте. Первые примеры кента как социально значимой категории в литературе зафиксированы в XVI веке. Это начальная стадия фиксации социальной вариативности речи. В более ранний период, во времена Дж. Чосера, кентизмы почти не засвидетельствованы, можно только сожалеть, что Дж. Чосер так и не написал фабльо из жизни лондонского дна тех дней (см. [211, с. 272]).

Именно в конце XVI века стал популярным жанр плутовского романа, повести, рассказа в Италии, Испании, Франции, Германии и Англии; позднее появилось множество «мемуаров» бывших преступников. Здесь социальная вариативность речи дана как ситуативная. И в том и в другом случае для придания повествованию определенного криминального колорита, типизации речевых портретов персонажей и их социальных ролей использовались древние арготизмы, которые вводились в текст в зависимости от ситуации, а затем нередко давались в виде приложения — глоссариев для неосвященных (ср. [147]). Это был внетекстовый способ семантизации кентизмов. В Англии шекспировского времени были наиболее популярны четыре жанра легкого чтения: рассказы фривольного характера (в духе «Декамерона»), юмористические фабльо, биографические разоблачительные памфлеты и плутовская новелла [229, с. 127]. Кентизмы встречались во всех жанрах, особенно в двух последних. В памфлетах они придают повествованию достоверность, в новеллах — комедийность.

Самые ранние примеры кента XVI века зафиксированы в небольших популярных для того времени стихотворных текстах ("The Hye Way to the Spyttel Hous", 1530—1540; "Fraternitye of Vacabondes", 1565), опубликованных до «Предостережения» Хармана, до произведений Шекспира и его современников (см. [196, 237]).

Взаимодействие художественно-литературного языка и языка разговорного было типичной чертой XVI века. Как заметила в своем исследовании В. Н. Ярцева, Г. Уайльд в результате тщательного анализа различных письменных документов как литературного, так и нелитературного характера пришел к заключению, что «следует подчеркнуть теснейшую связь между разговорным литературным языком и языком английской литературы: „Язык, на котором Шекспир говорил, был тем языком, на котором он писал"» [141, с. 93—94].

В произведениях Шекспира, особенно в фальстафовских сценах, встречаются зависимые от социальной ситуации кентизмы того времени, которые автору, по-видимому, были известны как из популярных «Предостережений», так и из памфлетов Р. Грина и собственных наблюдений. Здесь можно выделить два способа семантизации. Шекспир по ходу действия или (1) не дает никаких пояснений, надеясь на компетенцию театральной публики, или (2) раскрывает предметно-логическое значение кентизма семантическим повтором, т. е. текстуально:

(1) Gadshill. Sirrah, if they meet not with Saint Nicholas' clerks, I'll give thee this neck (Shakespeare, 1HIV, p. 487). Poins. O, 'tis our setter; I know his voice (Ibid., p. 488). Falstaff. There is no remedy; I must cony-catch; I must shift (Shakespeare, MW, p. 56).

(2) Falstaff. I am glad I am so acquit of this tinderbox; his thefts were too open; his filching was like an unskilful — he kept not time. Nym. The good humour is to steal at a minute' rest. Pistol. 'Convey' the wise it call. 'Steal' foh! A fico for the phrase! (Ibid., p. 56).

В последнем примере вводятся литературные пояснительные синонимы к кентизмам filching 'кража' и convey 'воровать': социосемантический повтор.

Однако Шекспир употребляет кентизмы довольно редко (ср. [144, с. 565]), несколько чаще они встречаются в комедиях Бена Джонсона, в которых даются живые лондонские зарисовки тех времен. Из шекспировских кентизмов назовем blue bottle, nuthook, shoulder-clapper 'судебный пристав'; conveyer, lifter, prig, rampallian, tame cheater 'вор, жулик, мошенник'; doxy, drab, punk 'проститутка'; clack-dish 'нищий'; cog, coney catch, cony-catch 'обмануть'; costard, sconce 'голова'; crack-hemp 'виселица'; limbo-patrum 'тюрьма'; geck, zani 'дурак'; leno 'сводник'; fustilarian 'негодяй'; pickers and stealers 'руки'; pickaxes 'пальцы'; bawcock, Corinthian 'гуляка'; silly cheat 'карманное воровство' и т. д. В одной из комедий Бен Джонсон использует кентизмы hook, ram, catchpole 'судебный пристав'; fawn 'осведомитель'; pilcher 'грабитель'; punk 'проститутка'; twang 'говорить' и другие (см. [172, с. 115—117]).

Обычно кентизмы встречаются в произведениях драматургов XVI—XVII веков как вкрапления на общем нейтральном фоне литературного стандарта, как один из приемов социальной характеристики персонажей через их речевые особенности. Именно на нейтральном фоне арготизмы выполняют эту функцию. Диалоги, подобные харматовскому, не встречаются; только в воровских песенках можно обнаружить почти полную заменяемость всех знаменательных слов. Такие песенки — яркие примеры социальной вариативности речи. Одной из самых ранних публикаций следует считать «гимн» нищих и воров, приведенный Т. Деккером в сатире «Лондонский глашатай»

(1609 г.). У. Миддлетон и Т. Деккер написали комедию из жизни преступного мира Лондона; в комедии целые диалоги даются на кенте, вероятно, для создания криминального колорита пьесы (The Roaring Girle, or Moll Cutpurse). Приведем первый куплет шутливой песенки из этой комедии (цит. по [237, с. XLV]):[1]

A gage of ben Rom-bouse,	Кружка хорошего вина
In a bousing ken of Rom-vile	в трактире Лондона
Is Benar than a Caster, Peck,	лучше, чем одежда, мясо,
Pennam, lap or popler	хлеб, пахта или крупа,
Which we mill in deuse-a-ville.	которые мы воруем в деревне.*

В популярных пьесах английских драматургов тех времен кентизмы публично рассекречивались, выходили из употребления или становились сленгизмами. Приведем четверостишие, которое позднее включалось во все словари кента XVII—XVIII веков как стихотворный пример секретного кода с четкой социальной прикрепленностью:

Bing out, bien Morts, and toure and toure,
Bing out, bien Morts, and toure;
For all your duds are bing'd awast;
The bien cove hath the loure.

Дж. Хоттен отмечает, что уже в середине XIX века едва ли кто понимал этот куплет, поскольку кентизмы вышли из употребления, и сопровождает его дословным переводом на литературный стандарт: Go out, good girls, and look and see, Go out, good girls, and see; For all your clothes are carried away, And the good man has the money [245, с. XVI]. В современном просторечии существуют два из восьми исконных кентизмов — cove, duds.

Через 30 лет после работы Р. Хэда «Английский жулик» (The English Rogue, 1622), из которой заимствован первый куплет, появилась комедия «Веселые нищие» У. Броума, имевшая шумный успех в середине XVII века (A Jovial Crew, or the Merry Beggars, 1652). В пьесе была популярная для своего времени песенка:

This is bien, bowse,	Хорош напиток,
This is bien, bowse,	хорош напиток,
Too little is my skew,	но слишком мала посудина;
I bowse no lage, but a whole gage	воды не пью, но целую кружку
Of this I'll bowse to you.	напитка я выпью за тебя.*

Из шести исконных кентизмов в просторечии XX века существуют два: омонимичные существительные и глагол — boose, booze, bouze, bouse, bowze — опять пример на неустойчивость орфографической формы (напиток; спиртное; пить, выпивать).

[1] Перевод, помеченный звездочкой, здесь и далее сделан автором данной главы.

Сопоставительный анализ воровских и нищенских песен из произведений XVII века и подобных песенок из словарей кента XVIII века позволяет говорить о сравнительно ограниченном лексиконе, повторяющемся из песни в песню и, в свою очередь, заимствованном из «предостережений» XVI — начала XVII веков.

Ограниченный лексикон популярных воровских песен и реплик персонажей придает определенный колорит пьесе, создает общую социальную атмосферу, он понятен зрителю, что успешно используют многие писатели, вводя кентизмы без каких-либо пояснений. Кентизмы встречаются помимо упомянутых драматургов в комедиях Т. Шэдуэлла, У. Уичерли, У. Конгрива, в произведениях С. Батлера, Д. Дефо, Г. Филдинга, С. Ричардсона, Дж. Смоллетта, Вальтера Скотта, Д. Г. Байрона, Б. Литтона, Ч. Диккенса, У. Эйнсворта, У. Теккерея и многих других литераторов XVII—XIX веков, которые уделяли большое внимание отражению речевых особенностей различных представителей социальных слоев.

Когда же автор не уверен, что читатель поймет значение кентизма, поскольку кентизм еще засекречен, то он обычно его поясняет. Самый простой способ раскрытия значения — сноска, т. е. внетекстовой способ семантизации. Так, Б. Литтон в предложении "His bingo[1] was unexceptional, and for his stark-naked[2], it was voted the most brilliant thing in nature (Lytton, p. 79) поясняет [1] Brandy, [2] Gin.

Другой способ раскрытия предметно-логического значения кентизма — текстуальная семантизация — употребление литературного синонима (своеобразный семантический повтор или комментирование от автора): Near to these hopeful youths sat a fence, or receiver, bargaining with a clouter, or pick-pocket, for a suit, or, to speak in more intelligible language, a watch and seals, two clocks, commonly called watch cases and a wedgelobb otherwise known as a silver snuff-box (Ainsworth, p. XIV).

Иногда роль разъясняющего синонима к кентизму выполняет сленгизм, который ранее был арготизмом. Так, общеизвестный уже во времена Шекспира рассекреченный кентизм shoulder-clapper в XIX веке воспринимался как сленгизм экспрессивного просторечия, и это умело обыгрывает У. Эйнсворт, раскрывая значение двух кентизмов в реплике персонажа: "But where are the lurchers?" asked Wood. — "The traps", responded a bystander. — "The shoulder-clappers", added the lady (Ibid., p. 11).

Семантические повторы в репликах персонажей — обычный прием пояснения кентизма в пьесах (ср. вышеприведенный пример из «Виндзорских насмешниц», в котором Фальстаф, Ним и Пистоль вспоминают Бардольфа). Иногда персонажи наряду с разъясняющим литературным синонимом произносят часть

синонимического ряда из кента, как, например, в комедии Шэдуэлла (цит. по [106, с. 58]): Cheatly. My lusty rustic, learn, and be instructed. Goal is, in the language of the witty, money; the ready, the rhine. Thou shalt be rhinocerical, my lad, thou shalt. Belfond. Admirable, I swear! "coal, ready, rhino, rhinocerical". How much shall I have?

Если сноски и авторское комментирование преследуют только раскрытие предметно-логического значения кентизма, то семантический повтор в репликах персонажей (в диалогической речи) в какой-то степени несет определенную стилистическую нагрузку. Это, в основном, функция усиления, которая наиболее четко проявляется в репликах с использованием нескольких синонимов кентизмов, и функция нарастания, когда повторяются (как в последнем примере) части синонимических рядов. Ср. также реплику Дромио из шеспировской «Комедии ошибок», где синонимический ряд начинается с литературного элемента и заканчивается кентизмом: Dromio. A fiend, a fairy, pitiless and rough; A wolf, nay worse, a fellow all in buff; A back-friend, a shoulder-clapper (Shakespeare, CE, p. 128).

Иногда автор специально задерживает внимание зрителя или читателя на кентизме не семантическим повтором, а пространным пояснением в речи персонажей, как например, в пьесе Б. Шоу «Пигмалион»: The Bystander (*Explaining to the note taker*). She thought you was a copper's nark, sir. The Note Taker. (*With quick interest*) What's a copper's nark? The Bystander (*Inapt at definition*) It's a — well, it's copper's nark, is you might say. What else would you call it? A sort of informer (Shaw, p. 12).

Кентизмы как социальные индикаторы употребляют не только преступники (нижеприведенные примеры из романов Б. Литтона и Ч. Диккенса), но и полицейские (примеры из произведений А. Конан Дойля и М. Аллингем), т. е. мы имеем прямой метод семантизации: He'll crack a crib in Scotland one week, and be raising money to build an orphanage in Cornwall the next (Conan Doyle, p. 186). ...Whose was the corpse? The shopkeeper's? — No. Just some poor silly trying to crack a crib (Allingham, p. 9). We was a going to crack a swell's crib (Lytton, p. 117). The crib's barred up at night like a jail; but there's one part we can crack safe and softly (Dickens, p. 295).

В вышеприведенных примерах нет ни семантического повтора, ни пояснения, поскольку у авторов не возникло сомнений в компетенции читателя; используется рассекреченный кентизм, известный из популярной в начале XIX века воровской баллады, в которой говорится:

I mean to crack a crib to-night
But, pals, don't crack on me.

Общеизвестно, что в первой половине XIX века одним из самых популярных жанров был воровской роман; представители нью-гейтского направления (Б. Литтон и У. Эйнсворт), а также В. Скотт и Ч. Диккенс довольно часто используют кентизмы, как рассекреченные, так и эзотерические. В. Теккерей в «Ярмарке тщеславия» пародирует стиль воровских романов, употребляя рассекреченные кентизмы с придуманными им самим псевдокентизмами, тем самым создавая комический эффект. (Подлинные кентизмы приводятся в скобках с переводом на литературный стандарт): "Mofy! Is that your snum?" said a voice from the area, "I'll gully the gag and bimbole the clicky in a snuffkin". "Nuffle your clod, and beladle your glumbanions", said Vizard, with a dreadful oath. "This way, men; if they screak, out with your snickers, and slick!" (Thackeray, p. 74).

(gully — to dupe, swindle; gag — smth placed in the mouth to silence, a joke; click — a girl, a sweetheart; clod — a copper coin; snicker — a glandered horse; slick — to despatch rapidly, get done with).

Вполне естественно, что в русском переводе авторские квазикентизмы не переданы (ср.: Теккерей В. Ярмарка тщеславия. М., 1968, с. 74—75). Вообще передача кентизмов с одного языка на другой — проблема не столь уж сложная, так как общность тематики и полное совпадение «профессионального» ядра арго разных языков дает возможность в большинстве случаев создать эквивалентные глоссарии; это дает переводчикам возможность использовать «терминологию» преступного мира без особых затруднений, если учитывать местный колорит некоторых арготизмов. Так, при переводе на английский язык романа Э. Сю «Парижские тайны» за основу взяли специальный глоссарий оригинала, предназначенный для французского читателя, и подыскали английские эквиваленты (кентизмы) парижскому воровскому арго (ср. оригинал "Les mysteres de Paris" (Paris, 1842—1843) и перевод "The Mysteries of Paris" (London, 1845—1846)).

Сейчас бóльшая часть словаря кента XVI—XIX веков устарела и представляет интерес в первую очередь для историка английского просторечия и специалиста по исторической стилистике. Первый обратит внимание на относительную устойчивость кентизмов: ведь некоторые из них существовали столетиями, да и теперь употребляются в качестве сленгизмов экспрессивного просторечия. Второй, возможно, заинтересуется словесными каламбурами с кентизмами, создающими комический эффект: "Toby or not toby — that is the question. This is the one line in all the old plays worthy the attention — I forget the rest" (Lytton, p. IV). Интерес для стилиста представят также «говорящие» имена и фамилии, омонимичные кентизмам. Так, один из персонажей в романе «Оливер Твист» фигу-

рирует под именем Тоби Крекит (ср. toby — to rob smb. on the highway — Toby; to crack it (a crib) — Crackit).

Если рассекреченный кентизм продолжает употребляться в литературе с тем же предметно-логическим значением, мы имеем дело со сленгизмом экспрессивного просторечия, если он приобретает новое значение — это новый кентизм с дополнительной информацией. Так, шекспировский кентизм blue bottle 'судебный пристав' стал сленгизмом в британском ареале «полицейский» и существует в этом качестве сейчас как экспрессивный синоним: I'll tell you. I must begin by saying that this bluebottle has trouble with his feet (Wodehouse, G., p. 136). Шекспировский кентизм punk 'проститутка' в результате семантической деривации получил в американском просторечии десять новых предметно-логических значений, став кентизмом в одних и жаргонизмом в других, полностью утратив первоначальное значение (см. [256, с. 411]). Например, в значении 'мелкий хулиган, шпана' он несет дополнительную социальную экстралингвистическую информацию: "He was a good-looking little punk", Joe said easily (Brown, p. 23). "You're five hundred clams to me, punk!" he said tightly (Ibid., p. 27).

Кентизмы используются авторами для создания комического эффекта. Это происходит чаще в том случае, если кентизмы употребляют персонажи, весьма далекие от преступного мира. Диссонанс возникает за счет сочетания несочетаемого. Здесь социальная природа кентизмов вступает в конфликт с социальной сущностью экстралингвистической ситуации, в результате возникает социально-стилистический слом, характерный для бурлескной литературы, когда просторечные элементы в тексте совершенно не соответствуют теме высказывания и экстралингвистической ситуации. При незнании кента запланированный автором комический эффект не воспринимается читателем, не обращает на него внимания студентов и несведущий преподаватель на занятиях по интерпретации текста, что безусловно обедняет и искажает замысел автора.

Приведем две совершенно разные экстралингвистические ситуации, определяющие наличие или отсутствие данного эффекта. В американской детективной повести социальному положению персонажа (хозяйка «забегаловки») вполне соответствует ее речевая характеристика; здесь нет никакого социально-стилистического слома; налицо сниженный, реалистический колорит реплики персонажа: "Hey!" her shout persued me into the street. "Give me another three bucks and the joint's yours!" (Brown, p. 63). Совершенно иная ситуация в юмористической повести П. Вудхауза. Дама из респектабельного американского общества обращается с вопросом к английскому джентльмену, владельцу старинной родовой усадьбы; при этом социальное положение дамы и ее речевая манера образуют диссонанс, со-

здающий юмористический эффект: Are you the fellow who owns this Mellingham Hall joint? — I do own Mellingham Hall (Wodehouse, G., p. 36).

Итак, арготизмы в художественном тексте, скорее, принадлежат к области функционально-стилистического варьирования. В отличие от сленгизмов, вульгаризмов и «низких» коллоквиализмов арготизмы приобретают этико-стилистическую сниженность обычно в речи тех литературных персонажей, которые далеки от антиобщественных групп и вообще преступного мира; в этом случае своей непредсказуемостью на нейтральном фоне литературного стандарта они вызывают своеобразный социально-стилистический эффект.

§ 4. Профессиональные жаргоны и их коммуникативный статус

Рассмотрим языковую природу, общественную релевантность и особенности профессиональных жаргонов, которые в русистике обычно подводятся под термин «профессиональное просторечие». Это, по мнению А. Н. Кожина, специальная языковая среда, ограниченная рамками какой-нибудь профессии и расположенная между терминологической лексикой и общелитературным просторечием [59] (в нашей интерпретации — лексическим экспрессивным просторечием). Исходя из этого положения, профессиональное просторечие противостоит, с одной стороны, терминологической (специальной) речи, с другой — общелитературному просторечию.

Особый интерес представляет оценка языковой природы профессиональных жаргонизмов в сравнении с корпоративными жаргонизмами и арготизмами на английском материале (ср. [166, 258]). Трактовки жаргонизмов и их коммуникативного статуса в различных школах и направлениях даются по-разному и зависят как от устойчивых традиций той или иной национальной лингвистики, так и от конкретного эмпирического материала. Все это, конечно, затрудняет практическое рассмотрение и теоретическую интерпретацию жаргонизмов. Поэтому наше определение дается в сопоставлении с мнением других исследователей.

В немецкой лингвистической литературе корпоративные и профессиональные жаргоны иногда обозначаются термином Sondersprache [201], который понимается довольно широко. Под этот термин подводят заумный «язык» школьников, жаргоны студентов, солдат, моряков, врачей, юристов и т. д.; при этом термин «жаргон» заменяют термином «язык» (ср. Pennälersprache, Burschensprache, Studentensprache, Soldatensprache, Gaunersprache, Bettlersprache, Verbrechersprache, Berufssprache, Teenagersprache, Twensprache) или «сленг» [40, с. 132].

Советские исследователи корпоративных жаргонов разли-

гают «чистый, предельно суженный жаргон» и «жаргонизированную лексику» [71, с. 7 и след.; 98, с. 7 и след.]. Если чистый жаргон можно представить только теоретически, то жаргонизированная лексика является основой для построения определенных стилевых разновидностей речи или социально-речевых стилей. По нашему мнению, жаргонизированная лексика русского языка примерно соответствует сленгизмам экспрессивного просторечия в английском языке. Другой термин Л. И. Скворцова для данной лексики — «жаргонизированное просторечие» (сленг) — является, по-видимому, синонимом к нашему термину «экспрессивное просторечие», так как и в том и в другом случае имеются в виду одни и те же слои нестандартной лексики.

В. Н. Портянникова [89—91], изучая молодежные жаргоны ФРГ и ГДР, выделила молодежный жаргон в его крайне уродливой форме и в виде отдельных лексических единиц в литературной речи. Вслед за Л. И. Скворцовым она принимает только жаргон во втором проявлении, поскольку такие жаргонизмы увеличивают арсенал выразительных средств языка и благоприятствуют тенденции к повышению коммуникативной четкости словарных единиц. По нашему мнению, такая оценка языковой природы жаргонизированной лексики вполне оправданна. Не вызывает возражений и определение общественной релевантности профессиональных жаргонизмов как слов и выражений оценочного характера, передающих отношение данного коллектива к предметам труда и быта, выступающих стилистически сниженными дублетами терминов, профессионализмов и слов литературного языка [91, с. 245]. Однако утверждение автора, что жаргонная лексика является только экспрессивно-оценочными или эвфемистическими дублетами к словам литературного языка, нуждается в радикальном уточнении. Дело в том, что жаргонизмы, подобно терминам, могут обозначать специфические понятия, которые требуют в литературном стандарте не синонимического толкования, а описательных дефиниций.

Подчеркнем, что те жаргонизмы, которые на правах экспрессивных синонимов к терминам той или иной профессии являются как бы их дублетами, подобно стилистическим синонимам, вообще получают свою сигнификативную сущность только благодаря значениям того нейтрального слова, с которым сосуществуют. Так, в авиации jet plane, parachute как профессиональные термины имеют экспрессивные синонимы-жаргонизмы: *jet plane* — blast furnace, blow job, blow-torch, can, firecan, flame thrower, flute, jetjob, pipe, speed burner, squirt job; *parachute* — bailer, brolly, chute, life insurance, overcoat, umbrella [238, с. 709—710]. Знание терминов и их синонимов-жаргонизмов мы рассматриваем как профессиональную диглоссию.

Мы взяли самый простой случай, когда термины общеизвестны и, строго говоря, уже перестали быть узкоспециальными терминами. Их экспрессивные синонимы-жаргонизмы, однако, за редким исключением, вряд ли понятны за пределами авиации, хотя в отличие от кентизмов здесь нет ни специального кодирования, ни засекреченной лексики и фразеологии. Если же жаргонизмы получают профессиональную открепленность, то они становятся межжаргонными словами.

Профессиональные жаргонизмы, подобно кентизмам, могут сделать речь непонятной для стороннего наблюдателя. Например, жаргон британских военных летчиков во время второй мировой войны труден был даже для англичан, служивших в других родах войск. Об этом пишет видный английский стилист Дж. Вэллинз, приводя подлинный отрывок такого жаргона: "Recently I heard the chairman of a meeting (himself an ex-R. A. F. officer) address a hall full of other ex-R. A. F. men like this:

The erk who was D I-ing the kite didn't have a clue, and his oppo told him he'd better get weaving or Chieffy would tear a large strip off him. Then Corp came up in a flat spin with the gen that Groupy wanted the kite in an hour. The erk muttered that 'he wasn't carrying the can for anybody, that he wasn't Joe, that he couldn't care less about scrambled eggs, and that anyway he was browned off.

That was jargon. They understood it and those of us who were not in the R. A. F. could at least grasp its general meaning" [227, с. 150].

При конкретном анализе подобных отрывков прежде всего возникает вопрос: что это? пример чистого жаргона — отражение профессиональной диглоссии или отдельные жаргонизмы в ткани литературно правильной речи? И каковы критерии разграничения, если они имеются, чистого жаргона от жаргонизированной лексики? Здесь, по нашему мнению, все зависит от насыщенности речи жаргонизмами. Если жаргонизмы настолько частотны, что затрудняют восприятие этой речи вообще, превращая ее в тарабарщину для непосвященных, — это чистый жаргон, или использование профессиональной диглоссии; если же непосвященные понимают эту речь и воспринимают жаргонизмы как нечто эмоционально-экспрессивное, предметно-логическое значение которого легко угадывается, то здесь — отдельные вкрапления-жаргонизмы в ткань литературно правильной речи, которую можно определить как жаргонизированную фамильярно-обиходную речь. Заметим, что в отличие от Л. И. Скворцова и В. Н. Портянниковой мы считаем заслуживающим лингвистического исследования и описания жаргона как в первом, так и во втором проявлениях. Особый интерес также представляет описание интержаргонного слоя лексики, но этого вопроса мы не затрагиваем.

Вышеприведенный отрывок будем считать примером узкого жаргона, отражением профессиональной диглоссии, исходя из насыщенности жаргонизмов и его эзотерической сущности для непосвященных. В данном отрывке 16 жаргонизмов: слов, словосочетаний и фраз, существующих наряду со стандартной терминологией и характеризующих определенную профессию — специальность военных летчиков в определенный отрезок времени. Из авторитетных словарей [238, 250] (значения приводятся по словарям Э. Партриджа, Л. Берри и М. Ван ден Барка) узнаем, что erk — a new R. A. F. recruit; kite — an airplane; not have a clue — to be ignorant; oppo — a senior officer; get weaving — to respond (immediately) to an order; Chieffy — a Flight Sergeant; tear a strip off — to reprimand; Corp — a Corporal; in a flat spin — muddled, confused; the gen — information, instruction; Groupy — a Group Captain; carry the can — to accept the blame; Joe — a name for anyone in the Service; scrambled eggs — any officer from Group Captain upwards; be browned off — to be depressed, disgusted. В словарях нет пояснений к выражению D I-ing; оно, по нашему мнению, образовано по конверсии от сокращения D—I 'учащийся, проходящий военную подготовку (военно-учетная категория)' (см. [234, с. 150]), что вполне совпадает по значению с общим контекстом отрывка. Здесь жаргонизмы выступают ритуально, как бы подчеркивая общность военной профессии и вытекающую отсюда корпоративность в настоящее время. В данном случае бывший профессиональный жаргон для ветеранов войны, служивших в королевских военно-воздушных силах, превратился в корпоративный жаргон, что, кстати, характерно и для других военных жаргонов, которые только в определенный отрезок времени (к примеру, солдатские жаргоны первой и второй мировых войн) можно относить к профессиональным. Они успешно фиксировались как во время войны, так и в непосредственно следующие за войной мирные годы.

Следует заметить, что, если французским и английским солдатскими жаргонами первой мировой войны занимались видные лингвисты Л. Сенеан [209] и Э. Партридж [250], то о солдатских жаргонах второй мировой войны до сих пор нет ни одного солидного исследования, хотя были попытки собрать фактический материал по проблеме «язык и война» [194, 221, 259]. Французский солдатский жаргон не получил употребления из-за поражения Франции в начале второй мировой войны. Британский и американский военные жаргоны с узкой коммуникативностью были преимущественно жаргонами летчиков и моряков из-за специфики ведения военных действий. Отсюда преобладание в послевоенной жизни англичан и американцев слов и выражений, заимствованных в первую очередь из этих жаргонов. Так, из жаргона английских военных летчиков в разговорную речь вошли такие общепонятные слова и

выражения экспрессивного просторечия, как bale out, bloke, chow, smashing, twerp (twirp), everything under control, gone for a Burton, sad apple, watch your step [251, 252]; из жаргона моряков — banger, big eats, brassed off, buy white horses, career boy, come undone, Liverpool weather, on the Baron, oppo [244]. Из американских военных жаргонов в послевоенном экспрессивном просторечии засвидетельствованы: arm-chair general, armored cow, army chicken, bamboo juice, barber bait, B-girl, big-time operator, big wheel, bitch box, black market, cat beer, chow hound, chow time, civvies, leatherneck, left-handed [256]. Военные жаргонизмы возникали и после второй мировой войны, во времена военных действий американцев в Корее и Вьетнаме (см., к примеру, списки жаргонизмов в [247, 256]).

Особняком среди военных жаргонов стоит военный профессиональный жаргон НАТО, в который входит примерно 5000 слов и выражений, созданных с учетом наиболее точного восприятия и понимания приказов. Отличие профессионального жаргона НАТО от англо-американских жаргонов второй мировой войны весьма существенно: даже общепризнанный британский жаргонный фонетический алфавит почти полностью не совпадает с алфавитом, введенным НАТО, в котором учтены новые факторы и тенденции ведения современного боя и разноязычный контингент вооруженных сил (ср. [199, с. 199 и след.]).

Анализ солдатских жаргонов приводит нас к выводу о возможности перехода профессиональных жаргонизмов в корпоративные; при этом у жаргонизмов их основная коммуникативная функция оттесняется на второй план эмотивной функцией, занимающей первый план, а также возникает профессиональная открепленность. Бывший офицер британских военно-воздушных сил, монолог которого приводит Дж. Вэллинз, имеет в виду прежде всего эмоционально-экспрессивную ритуальность, объединяющую его с аудиторией, и социальную маркированность, которая вызывает ту давнишнюю атмосферу военных лет. Эмоционально-экспрессивная ритуальность и социальная маркированность создаются не общим контекстом рассказа о незадачливом новобранце, а коннотациями жаргонизмов, их социальными созначениями плюс имплицитным напоминанием слушателям о давней профессиональной диглоссии.

Вместе с тем мы не обнаружили примеров перехода корпоративных жаргонизмов в профессиональные, хотя и те и другие могут выходить за пределы первоначальной сферы употребления и какое-то время находиться в интержаргонном слое, а в переносном значении, связанном по ассоциации с первоначальным, становиться элементами экспрессивного просторечия литературного языка. Так, профессиональный жаргонизм sweater 'потник для лошадей' (зафиксированный в словарях в 1828 г.) в результате семантической деривации получает

значение 'фуфайка для спортсмена' (значение в словаре 1856 г.) и функционирует как сленгизм, а в начале 80-х годов XIX века проникает в литературный стандарт в своем современном значении. По-видимому, какое-то время это слово находилось в интержаргонном слое. Заметим, что «свитер» стал общеизвестным русским словом, вытеснившим более старое слово «фуфайка». Другой, более курьезный случай произошел с корпоративным жаргонизмом blazer, который также, видимо, функционировал в интержаргонном слое лексики. Это слово из студенческого жаргона Кэмбриджа постепенно превратилось в сленгизм экспрессивного просторечия со значением 'спортивная куртка' для всех школ и университетов Англии. Недавно слово проникло в русский язык в форме «блайзер», или «блейзер». Сейчас бывший корпоративный британский жаргонизм выступает как элемент русского литературного стандарта.

О профессионализмах существует обширная литература. Х. Касарес [54, с. 287—302] посвящает разбору профессионализмов главу, выделяя ремесленную терминологию, терминологию свободных искусств, промышленности и науки. Как и другие зарубежные исследователи (ср. [166]), Э. Партридж и Г. Менкен не различают профессиональные лексические системы и профессиональные жаргоны, а в жаргонах не отличают профессиональных от корпоративных, однако они подробно разбирают системы и жаргоны и приводят интересные для нашего анализа примеры [191, с. 652—786; 196, с. 159—264].

Остановимся на понятии «жаргонный термин». Характерным признаком жаргонного термина выступает его особенность дефиниции: так, каждый жаргонный термин требует описательного толкования, а не синонимического определения, что характерно обычно для жаргонизмов. Описательные толкования жаргонных терминов, напоминающие дефиниции обычных терминов, и выделяют их из общей массы жаргонизмов. Таким образом, в плане номинации жаргонный термин отличается от жаргонизма.

Интересны по своей этимологии полные тонкого юмора и иронии жаргонные термины из мира искусств. Например, из театрального жаргона к жаргонным терминам можно отнести такие слова и словосочетания, как *acting lady* — an incapable actress (from poor acting of the great majority of society women and girls that go on the stage); *chair warmer* — a good-looking actress doing little on the stage except to be there; *toga play* — a play on a classical theme; *yell play* — a farce in which the poor plot has to be "carried" by the laughter raised by the numerous jokes [196]; жаргонные термины из кинематографа: *sheik* — a romantic lover; *cobra* — a girl powerfully aphrodisiacal; *vamp* — a more mature woman skilled at conquering and wrecking men; *tear-bucket* — an eldery actress playing heartbroken mothers; *finger-wringer* — a star given to emoting;

baddie — an actor playing villains; *bumpman* — a performer who undertakes dangerous stunts [191, p. 703—704].

Для профессионалов сцены и экрана вышеприведенные жаргонизмы являются профессиональными жаргонными терминами, так как они в плане номинации — единственные заместители несуществующих в этих профессиях специальных терминов с тем же предметно-логическим значением различных амплуа. Это еще раз доказывает ошибочность положения тех исследователей, которые признают за жаргонизмами единственную роль: быть только стилистически сниженными дублетами [89—91] или выступать как «паразитарная лексика» [68, с. 354; 108, с. 80]. Во всяком случае, в английском языке это не подтверждается, что очень существенно.

Профессиональные жаргонизмы имеют общее с корпоративными то, что и те и другие — результат своего рода общественной забавы, языковой игры, подчиненной принципам эмоциональной экспрессивности (см. [47, с. 119]), и это можно проследить не только среди жаргонизмов в роли стилистически сниженных дублетов, но и среди жаргонизмов в роли терминов.

§ 5. Корпоративные жаргоны и их коммуникативный статус

Из корпоративных жаргонов особый интерес для исследователя представляют молодежные жаргоны с широкой коммуникативностью (жаргоны школьников, студентов, подростков, противопоставляющих себя взрослому поколению и т. д.). Особо подчеркнем, что у носителей жаргонов была корпоративная диглоссия. Так, древним немецким студенческим жаргоном до середины прошлого века был «язык» буршей [177]. Этот «язык» охватывал всю жизнь студентов во всех ее формах и проявлениях, на нем даже написаны литературные произведения. Свои традиции, отраженные в литературе, имеют социально-детерминированные и локально ограниченные корпоративные жаргоны студентов Оксфорда и Кэмбриджа, аристократических школ Итона, Винчестера, Рэгби и Хэрроу.

Как «язык» буршей, так и жаргоны привилегированных учебных заведений Англии отличаются от современных молодежных жаргонов во многих отношениях. Лексика древних (традиционных) жаргонов отражала в основном две стороны жизни школяра: неприятную, связанную с учением, и приятную, связанную с беззаботной жизнью и всяческими проказами во внеурочное время. Таким жаргонам свойственны многочисленные заимствования из древних языков (латинского, греческого), остроумная игра слов, псевдонаучная терминология, широкое использование метафор и метонимии (см., например, студенческий и школьный лексикон в словарях просторечия Э. Партриджа [250—251]). В этих жаргонах раскрывается пси-

хология, мировоззрение и социальное положение студента и школьника, его интересы, различные увлечения и отношения в замкнутом мужском коллективе, характерной чертой которого было также наличие корпоративной диглоссии.

Эзотерическая лексика для мистификации преподавателей и наставников обычно не имеет ничего общего с кентом. Это искусственно созданная словесная заумь крипто-игрового характера, напоминающая «словоформы» в «Джэбберуокки» Льюиса Кэрролла. Не случайно так удачно вписались в грамматическую рамку этого стихотворения школьные жаргонизмы, значения которых для непосвященных, как и в случае с маленькой Алисой, могут вызвать лишь какие-то странные, полуосознанные «идеи». Приведем первый куплет «Джэбберуокки» (I) и шутливого школьного стихотворения (II):

I. *Twas* brilling, *and the* slithy toves
Did gyre *and* gimble *in the* wabe;
All mimsy *were the* borogoves,
And the mome raths *outgrabe*...
II. *Twas* banco, *and the* keelie hoips
Did snook *and* waffle *in the* pupe;
All pruffy *were the* ostiars,
And the home-bugs outglope ... [237, с. LXXII].

В отличие от знаменитого стихотворения данный куплет имеет точный литературный перевод: «Была вечерняя самоподготовка, и городские бездельники писали сочинение и зубрили в классной комнате; старшеклассники были все нахально придирчивы, а приходящие ученики расхвастались...». На наш взгляд, это пример, отражающий наличие корпоративной диглоссии среди школьников.

Современные молодежные жаргоны обычно не имеют истории, они сменяют друг друга, их лексикон очень подвижен; так, в США за последние 25—30 лет возникли три молодежных жаргона: популярный жаргон битников уступил место жаргону хиппи, позже появился жаргон «панков». Жаргон битников в какой-то мере получил отражение в американской литературе 50-х годов (сочинения Д. Керуака и его последователей), заинтересовал он и филологов (см. [198, с. 88]). Жаргоны хиппи и «панков», возможно, ожидает такая же участь. Заметим, что жаргоны битников, хиппи и «панков» выражают своеобразный речевой протест против истэблишмента американского общества наживы и социальной несправедливости. У носителей этих жаргонов нет корпоративной диглоссии, поскольку они характеризуются узкой коммуникативной нагрузкой и не заменяют литературного языка.

Лексикон битников был очень ограничен (по нашим подсчетам, не более сотни слов и выражений), но эта ограниченность восполнялась сверхсегментными особенностями. Некоторые наиболее употребительные жаргонизмы меняли полностью или

частично предметно-логические значения в зависимости от ударения, интонации и общего контекста высказывания. По-видимому, определенную роль играла также кинесика. До жаргона битников самым популярным молодежным жаргоном в США был так называемый джайв, о происхождении которого Г. Менкен писал, что это смесь негритянского говора Гарлема, жаргона наркоманов, арго мелких преступников и студенческого жаргона [191, с. 707]. Термин «джайв» с нераскрытой этимологией может означать: 1) особый стиль джазовой музыки; 2) жаргон музыкантов этого стиля джаза, а в более расширенном понимании 3) жаргон поклонников этого стиля и вообще молодежный жаргон определенного периода; 4) пустую болтовню.

«Джайв» и жаргон битников имеют много общего как в тематике, упрощенной грамматике и лексиконе, так и в естественном стремлении молодежи сделать свою речь более яркой и выразительной и, главное, отличной от речи старшего поколения. В этом заключается основная психологическая причина возникновения подобных жаргонов, обладающих наибольшей степенью экспрессивности.

Приведем по четыре синонимических ряда из этих жаргонов со значениями 'отличный парень', 'хорошая девушка', 'нечто превосходное' и 'неприятный тип'. Жаргонизмы в качестве семантических дериватов и сложные слова по способам образования совершенно идентичны, совпадают исходные понятийные значения: именно в этом видна преемственность жаргонов. Ср.: 'отличный парень' в «джайве» (1) и в жаргоне битников (2) : (1) hep-cat, hopcat, hepper, hepster, jiver, alligator, rug-cutter, (2) cool-cat, sharp cat, hipster, beatnik, beat, man, beard; 'хорошая девушка' — (1) chick, hepchick, witch, drape, mouse, spook, (2) chick, chicken, hipchick, hen, pigeon, birdie, quail, slick chick; 'нечто превосходное' — (1) hep, jivy, killer-diller, murder, Dracula, (2) hip, cool, far-out, with it, grrovy, chichi, crazy, mad, weird; 'неприятный тип' — (1) droop, fumb, gleep, cold cut, sad apple, sloop, (2) square, downbeat, coon, gone goon, squarehead, drip chick, yuck. Заметим также, что для этих жаргонов была характерна полисемия большинства слов, особенно глаголов.

По своей тематике и функционированию к американским молодежным жаргонам близок молодежный жаргон ФРГ, описанный в ряде исследований (см., например [89—91, 195, 204, с. 136—144]). Американский студенческий жаргон — понятие теоретическое, поскольку почти каждый университет или колледж имеет свой, отличный от других, лексикон, что, кстати, характерно и для Англии. Наряду с этим существует общий молодежный интержаргонный слой лексики.

В тезаурусе Л. Берри и М. Ван ден Барка приводятся ряды синонимов для обозначения понятий и явлений студенческой

жизни [238]. Анализ этого своеобразного лексикона позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, современный английский студенческий жаргон в отличие от древних, традиционных жаргонов школяров почти не имеет заимствований из латинского, греческого и других языков, мало псевдонаучных слов и утонченных метафорических и метонимических употреблений, превалируют структурно отмеченные образования: корневые слова, дериваты, сложные слова и фраземы, создающие в какой-то степени эзотерическую лексику и фразеологию; метафорическое и метонимическое употребление слов и выражений литературного стандарта более прямолинейно и обычно имеет подчеркнутую уничижительность и резкость оценки. Во-вторых, в современном английском студенческом жаргоне много заимствований из молодежных жаргонов битников, наркоманов, «джайва», из различных воровских арго (американских разновидностей кента), из жаргонов спортсменов самых популярных в США игр (бейсбола, баскетбола, американского футбола), из лексиконов профессионалов боксеров, автогонщиков и жокеев.

Если существование того или иного профессионального жаргона зависит в первую очередь от социальной значимости той или иной профессии, ее изоляции, различной в зависимости от множества объективных и субъективных причин, начиная, скажем, с секретности/общедоступности, престижности/непрестижности и кончая особенностями психологического склада мышления людей, занятых в данной профессии (ср. [182, 198, 240, 246, 258]), то существование того или иного корпоративного жаргона, обычно кратковременное, целиком зависит от капризов моды, смены увлечений молодежи какими-нибудь популярными социальными и антисоциальными явлениями и т. п. Корпоративные жаргоны — по преимуществу жаргоны молодежные, именно они служат основной базой для общего интержаргонного слоя лексики. Возрастной ценз также определяет их сущность, поскольку именно молодежи присущи в первую очередь своеобразный языковой максимализм и стремление расширить арсенал выразительных средств вне рамок традиционных стилистических канонов; известно, что в речи старшего поколения такая лексика встречается реже (ср. в русистике [71, 72]). В англистике возрастная дифференциация вокабуляра остается до сих пор вне поля зрения лингвистов, как советских, так и зарубежных.

При желании можно провести детальную стратификационную классификацию жаргонизмов, объединенных в многочисленные жаргоны. Так, в Англии XIX века Дж. Хоттен (он употребляет термин «сленг») находит сленг Белгравии (фешенебельного района Лондона), военных, моряков торгового флота, парламентариев, денди, званых вечеров и официальных приемов, Оксфорда и Кэмбриджа, закрытых школ, религии, юрис-

пруденции, театра, живописи, науки, государственных служащих, фондовой биржи, торговцев, ремесленников и рабочих различных специальностей, жокеев, боксеров, прислуги, улицы [245, с. 43—63]. В XX веке в той же Англии Э. Партридж выделяет жаргон (он употребляет термин «сленг») завсегдатаев пивных, рабочих, торговцев, жаргон коммерции (связанный с рекламой), журналистов и литературной критики, издателей и наборщиков, юриспруденции, медицины, религии, парламентских и политических деятелей, закрытых школ и университетов, салонов, живописи, театра и др. [196, с. 148 и след.].

Совершенно прав был Г. Менкен, приводя множество примеров из различных жаргонов США и подчеркивая, что каждая профессия, занятие, развлечение, хобби имеет свое собственное арго (в нашем понимании жаргон), и совершенно невозможно даже проиллюстрировать их всех хотя бы единичными примерами [191, с. 731]. Такова, на наш взгляд, стратификационная вариативность жаргонов.

Носители профессиональных жаргонов, по нашему мнению, обладают профессиональной диглоссией, отличной от диглоссии арготирующих. Особенность профессиональной диглоссии состоит в том, что жаргон (вернее, лексико-фразеологическая система) противостоит профессиональной лексической системе и сосуществует с ней. При этом кроме жаргонизмов — синонимов терминов данной профессии — можно обнаружить систему профессиональных терминов, которые в литературном языке не имеют аналогов. Здесь норма терминологически замкнутой профессиональной лексической системы, которую мы определяем как профессиональную норму первого уровня, находится в оппозиции к норме жаргона, которую определяем как профессиональную норму второго уровня.

Данная норма качественно отлична от стилистической нормы второго уровня (нормы экспрессивного просторечия) и социальной нормы второго уровня (нормы кента), поскольку первые две противостоят аксиологическим нормам литературного стандарта и социальных разновидностей литературного языка в сферах обиходно-бытового и фамильярно-бытового общения, в то время как профессиональная норма второго уровня обычно функционирует в сфере непринужденно-профессионального общения.

Обе профессиональные нормы сосуществуют и образуют в совокупности профессиональную норму повседневного непринужденно-профессионального общения. По-видимому, здесь также наблюдается многоаспектное существование нормы, поскольку в ее структуре возможны следующие виды варьирования: а) преобладание нормы первого уровня над нормой второго уровня, б) сосуществование обеих норм на паритетных началах, в) преобладание нормы второго уровня над нормой первого уровня. Подобная вариативность характерна для всех

носителей профессиональной диглоссии. Поэтому можно говорить о литературно-профессиональной речи, обиходно-профессиональной и фамильярно-профессиональной речи, или жаргоне. Пожалуй, в последнем случае и наблюдается профессиональная диглоссия в чистом виде.

Корпоративная диглоссия, на наш взгляд, по своему характеру близка социальной диглоссии, поскольку лексико-фразеологическая система корпоративного жаргона не противостоит терминологически замкнутой профессиональной лексической системе, она сосуществует прежде всего с лексико-фразеологической системой литературного языка. Если предположить, что каждый корпоративный жаргон имеет свою норму, то она, видимо, противостоит аксиологическим нормам литературного стандарта и социальных разновидностей литературного языка, которые не обладают профессиональной прикрепленностью или узкоспециальной терминологией. Поэтому мы выделяем норму корпоративного общения — корпоративную норму, которая по своей сущности напоминает социальную норму второго уровня.

§ 6. Жаргонизмы в художественной литературе как социальные индикаторы текста

Способы семантизации жаргонизмов в литературном тексте почти ничем не отличаются от описанных выше приемов семантизации кентизмов (см. § 3). Например, в тексте можно найти непосредственный перевод — социосемантический повтор, который дается в речи персонажа: "Hop in my kemp and let's take off for the casbah" ... "Beatnik lingo", he explained to the novice kindly. "Translated, it means get in my car and we're off for Lover's Lane" (Zugsmith, p. 29).

Иногда писатель дублирует жаргонизм другим, более известным, например, солдатский жаргонизм второй мировой войны семантизуется жаргонизмом первой мировой войны: I reckon they were kept too long in action. They're all bombnutty. They called it shell shock in World War One (Fuller, p. 40).

Предметно-логическое значение жаргонизмов в авторском повествовании раскрывается через широкий контекст, литературные синонимы предшествуют солдатским жаргонизмам: He saw a soldier climb up on the tank and begin to eat something out of a can ... He fired. The Krauthead dropped his chow, grabbed his cheast, and fell off the tank to the ground (Carther, p. 77).

Чаще всего, однако, предметно-логическое значение того или иного жаргонизма разъясняется через экстралингвистическую ситуацию (ср. пресуппозицию в концепции Г. В. Колшанского [60]). Очевидно, что в приведенных ниже примерах воен-

ный летчик имеет в виду бензин и рекогносцировку, а в реплике гробовщика речь идет о гробе: If you'll fill me up with juice I'll claw my back to Zufra and have a dekko round the jolly old date palms (Johns, p. 105). In case you want a quick box-up at any time? Well, you know best (Allingham, p. 74).

Насыщенность речи персонажей жаргонизмами служит иногда для создания диссонанса между манерой речи и конкретной ситуацией, в результате которого образуется гротеск всей сцены. Так, нарочито грубые обороты, характерные для светского жаргона довикторианской эпохи, производят комический эффект в устах молодых дипломатов и дам на великосветском балу (цит. по [175, с. 254]): "Pardie, you're a provoking little slut — that you are". "Bona verba, bona verba, precor; upon my word, you gentleman of the Foreign Office give yourself pretty airs". "You shall dance, — you devil". "Oh, you coaxing humbug, you will always have your own way — La, Fitztruckle! Don't pinch my arm quite blue — Gad-a-mercy, boy".

Итак, жаргонизмы в художественном тексте на общем нейтральном фоне литературного стандарта обычно несут определенную социальную и стилистическую нагрузку, в этом ничем не отличаясь от кентизмов. Они также принадлежат области функционально-стилистического варьирования. Употребление жаргонизмов требует от писателя большого такта и мастерства, чему служит примером повесть Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи», написанная на своеобразном интержаргоне американских школьников конца 40-х годов XX века.

Если передача кентизмов с одного языка на другой — проблема не такая уж сложная, поскольку общность тематики и полное совпадение «профессионального» ядра разных арго дают возможность создавать почти эквивалентные глоссарии, то при передаче жаргонизмов с одного языка на другой возникают большие трудности, усугубляемые в нашей переводческой деятельности тем, что жаргонизмы всегда были вне поля зрения советских англистов (ср. также [135, с. 231—238]). Отсюда — многочисленные искажения и неточности в переводах. Укажем на две наиболее распространенные ошибки при передаче английских жаргонизмов на русский язык, которые иногда грубо искажают оригинал.

Первая — незнание предметно-логического значения жаргонизма и попытка вывести это значение из микроконтекста, обычно неудачная. Например, в романе Дж. Брейна «Путь наверх» (М., 1960, с. 178) переводчики не знали двух военных жаргонизмов английских летчиков, своеобразных эвфемизмов со значением 'погибнуть'. В переводе читаем: «„Заработал ленточку за Рур". Мы, младшие чины, называли это „схватить медальку". „Заработать ленточку" — так говорили журналисты». В оригинале говорится о гибели летчиков во время войны, так что поистине, где надо «за упокой» — поют «во здра-

вие»!. Ср.: "Went for a Burton over the Ruhr". We noncoms used to say got the chopper. Going for a Burton was journalist's talk (Braine, p. 83). Между прочим, вышеприведенные жаргонизмы второй мировой войны стали уже давно общеизвестными, и сейчас их следует относить к сленгизмам экспрессивного просторечия литературного английского языка.

Вторая ошибка — незнание предметно-логического значения жаргонизма и попытка заменить его описательной дефиницией, основанной на предполагаемом знании экстралингвистической, обычно весьма далекой от оригинала ситуации, т. е. попросту неправильной. Например, в романе Дж. Керуака «На дороге» („Иностранная литература", 1960, № 10, с. 188) дается жанровая зарисовка — уличный джаз битников, при этом автор использует несколько выражений столь популярного в те годы жаргона. К сожалению, переводчик имеет о джазе и битниках очень туманное представление. В переводе читаем: «Печальный ударник, похожий на нашего белого хипстера на Фолсом-стрит в Сан-Франциско, с совершенно идиотским видом смотрел в одну точку широко открытыми глазами и жевал резинку. У него дергалась шея: он то вскидывал голову, как немецкий солдат на ученьи, то качал ею в полном самозабвении». В оригинале нет ни «с совершенно идиотским видом смотрел в одну точку широко открытыми глазами», ни «как немецкий солдат на ученьи» (??). Ср.: "The sad drummer, like our white hipster in Frisco Folsom Street, completely goofed, staring into space, chewing gum, wide-eyed, rocking the neck with Reich kick and complacent ecstasy" (Kerouac, p. 198). Очевидно, переводчица не знала, что ударник был наркоманом (completely goofed), а Вильгельм Рейх (не имеющий ничего общего с фашистским рейхом!) — автор популярной среди битников книги о сексе. Дальше — больше неточностей и неправильных ассоциаций: переводчик превратила контрабасиста, «бившего пятерней по струнам», в виолончелиста, «взмахивающего смычком», хотя общеизвестно, что в джазе битников, да и вообще в американском джазе, виолончель отсутствует, а чисто жаргонную фразу "Man, there's a cat who can really bend his girl!" (которая на русском лабужско-стиляжьем жаргоне звучит как «Смотри-ка, этот чудак железно лабает на своем ящике!») перевела как «Смотри, этот сукин сын любую девку в бараний рог согнет!» (??), не подозревая, конечно, что his girl в жаргоне битников может обозначать что угодно, только не особу женского пола, а глагол to bend — особую манеру игры в джазе.

Оставляя открытым вопрос о правомерности использования русских жаргонизмов для передачи иноязычных (об этом детально пишет К. И. Чуковский [131, с. 96 и след.]), следует все же подчеркнуть необходимость более детального знакомства переводчиков и преподавателей английского языка, особенно тех, кто ведет интерпретацию текста на старших кур-

сах, как с лексическим просторечием британского и американского ареалов вообще, так и с наиболее популярными жаргонизмами, встречающимися на страницах классической и современной литературы. Подобное знакомство составляет часть пресуппозиции второго вида, играющей «важнейшую роль в переводческой деятельности» [60, с. 75].

Отметим еще раз, что описанные нами нестандартные элементы (как элементы экспрессивного просторечия, так и социально-профессионального) в художественном тексте используются в противопоставлении стандартным элементам не только для создания комического эффекта или комического напряжения, но и для создания общей социальной и эмоциональной атмосферы, речевых портретов, как средство типизации речи отдельных персонажей или как средство индивидуализации речевой характеристики персонажа, а иногда как средство стилизации. На материале французского языка подобные явления подробно рассматриваются в работах Э. М. Береговской [11—12].

ГЛАВА III

СЕМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕСТАНДАРТНОЙ ЛЕКСИКИ

§ 1. Нестандартная лексика в системе общенационального языка

Являясь компонентом национального языка и отражая нормы второго уровня (некодифицированные нормы), нестандартная лексика, при всей своей подвижности и неустойчивости, формируется под воздействием тех тенденций языкового развития, которые покоятся на германской основе. В лексической системе языка это прослеживается прежде всего в том, что ее формируют корневые односложные слова. Генетически — это слова германского происхождения и реже слова, заимствованные из старофранцузского языка в XIII—XIV веках. Для носителей современного языка оба генетических пласта полностью слились, и разные источники происхождения таких слов, как town, stream, nose, breath и др. (германские) и city, river, air, face и др. (романские), на их функционировании в речевой деятельности никак не отражаются. Соответственно, характерная для современного английского словарного состава этимологическая неоднородность слабее всего отражается в просторечии и сильнее всего в языке научной прозы, формирование которого происходило под активным воздействием классических языков (латинский, греческий).

Тяготение к корневым частотным словам отразилось в том, что значительное количество просторечных единиц представлено словами простого морфемного состава нейтрального вокабуляра, включающими в свою смысловую структуру просторечные лексико-семантические варианты, которые возникают в результате различного рода переносов, по словарным данным, чаще метафорических и реже метонимических. Так, в результате метафорических переносов, основанных на сходстве по форме, у существительного stick (палка) развиваются значения 'сигарета с марихуаной' (см. с тем же значением сложные слова dope stick, dream stick, joy-stick, pimp-stick, а для 'сигареты' — cancer-stick), 'кларнет', 'столб, на котором крепится проводка', 'карандаш', 'авторучка', 'логарифмическая линейка' (см. также guess-stick, slip-stick), а метонимические переносы

дали такие варианты значения, как 'полицейский' (обычно вооруженный дубинкой), 'крупье' (по лопаточке на длинной ручке, с помощью которой крупье подвигает к выигравшему деньги или фишки). Такая прозрачность переносов прослеживается далеко не всегда. Менее всего она характерна для слов, относящихся к арго, так как в нем важную роль играет эзотерическая (засекречивающая) функция, а именно — вновь создаваемая просторечная единица должна быть понятна только узкому кругу посвященных. В семантической структуре stick мотивационные связи варианта 'зазывала или подставное лицо, задача которого состоит в том, чтобы привлечь внимание толпы к прилавку, кассе или игорному столу' (жаргон бродячих актеров и преступного мира) с исходным вариантом значения весьма слабые. В художественных текстах «скрытые» переносы обычно поясняются в самом изложении или сноске: I must explain that we were called *minute Men* because we always get away in a minute's time or less (из рассказа осужденного гангстера журналисту о деятельности банды, занимавшейся ограблением магазинов). См. также: Vallachi's *number operation* prospered to the extent that even he did not mind the additional "ice", or police pay-off which expansion entailed (Maas, p. 62, 159). В предложении речь идет о взятках, которые берут полицейские от гангстеров за незаконную деятельность в заведениях с игральными автоматами. Из авторской сноски: A contract is a common underworld term for an assignment to murder a designated victim (Ibid., p. 44). Приведенные в текстах арготизмы в словарях американского сленга не зарегистрированы.

Отражение в словарях преимущественно метафорических просторечных вариантов значения по сравнению с метонимическими, по всей видимости, объясняется тем, что метонимический перенос реже дает узуально закрепляющееся за словом значение, хотя в речевом общении он реализуется в большом количестве индивидуальных словоупотреблений, уместных в данной ситуации, когда именуемый объект одинаково понятен обоим участникам диалога.

Нестандартные лексемы, характеризуясь различной степенью этико-стилистической сниженности, могут быть представлены корневыми словами и словами, образованными по действующим в языке словообразовательным моделям. К корневым относятся непристойные слова германского или индоевропейского происхождения (четырехбуквенные слова или слова с запретительной пометой «табу») и заимствования из других языков, носителями которых были и продолжают быть иммигранты из различных стран мира, комплектовавшие рынок рабочей силой и социальную прослойку деклассированных элементов. Различия между британскими и американскими ареалами английского просторечия, в частности, проявляются в том, что в американском ареале процент заимствованных слов

значительно выше, чем в британском, поскольку социальные «низы» американского общества характеризуются большой этнической неоднородностью, и, соответственно, иноязычный вклад в некодифицированную лексику, особенно в жаргоны и арго, непрестанно растет. Часть таких заимствований остается в языке, и ее общественный статус возрастает, а часть исчезает или сохраняется в очень узких профессиональных коллективах. Эту особенность отмечает Г. Менкен, говоря о космополитическом характере американского варианта в целом, вобравшего в себя заимствования из еврейского, испанского (через языки стран Латинской Америки), немецкого, французского и даже хинди [190, с. 201]. Среди заимствований из идиш особую группу образуют слова с начальной фонемой (ʃ), отраженной графически буквосочетанием sch: schatchen 'сваха', schlemazel 'неудачливый', schlemiel 'кретин', schlep 'таскать (на себе)', schlock 'низкого качества (о товаре)', schmaltz 'слюнявость (т. е. избыточная сентиментальность)', schmo 'простофиля' и др. В американском ареале бифонемное сочетание schm- является характерным компонентом второго члена редупликативных образований: actor-schmactor, case-schmase, coat-schmoat, dancer-schmancer, fancy-schmancy, lesson-schmesson, music-schmusic, fire-schmire. Редупликативы такой структуры выражают презрительно-уничижительное отношение к тому объекту наименования, который обозначен первой основой.

Говоря об исконно германских истоках формирования нестандартной лексики нельзя не отметить следующие, присущие нестандартной словообразовательной системе свойства.

1. В нестандартном словопроизводстве очень широко используется словосложение; участвуют в нем преимущественно основы тех слов, которые входят в просторечный вокабуляр. По количеству сложные слова занимают второе место после слов простой структуры (983 и 705 соответственно).[1] Основной состав сложных по структуре слов представлен существительными, первый или второй компонент может входить в ряды однотипных образований: hot air 'пустая болтовня', hotbed 'кровать или номер с одной кроватью на двоих, работающих в разные смены', hotdog 'бутерброд с сосиской', hot grease 'неприятность', hothead 'горячая голова (о человеке), hot-pants 'сексуальный маньяк', hot potato 'трудная задача', hot-rod 'старый автомобиль, перемонтированный таким образом, что его скорость превышает ту, которую он имел при выпуске с завода', hot seat 'электрический стул', hotshot 'большая шишка (о человеке)', bean-eater 'житель Бостона', frog-eater 'француз', beef-eater 'англичанин', mud-eater 'солдат-пехотинец', maneater 'женщина-вамп', fire-eater 'пожарный', hay-eater 'фермер'. Се-

[1] Здесь и далее подсчет произведен автором данной главы по словарю Г. Вентворта и С. Флекснера [256].

рийные образования со вторым повторяющимся компонентом используются преимущественно в американском ареале. В нем они могут подвергаться частичной десемантизации и выступать с обобщенным значением. У сложных имен локального значения используются основы -house, -joint, -ally и другие; в сложных именах, обозначающих человека по роду занятий, склонностям, особенностям характера и поведения, — основы -bird, -boy, -bug, -dog и другие.

Как известно, словосложение используется в английском языке с древнейших времен и свойственно всей германской группе языков, поэтому то место, которое оно занимает в производстве нестандартных дериватов, отражает действие исконных тенденций языкового развития.

2. Второе место по количеству производных нестандартных единиц занимает прием транспозиции (505 единиц). В транспозицию мы включаем конверсию, субстантивацию и адъективацию. Наибольшее количество производных дает конверсия с обоими направлениями производности V→N и A→V (to horse 'надувать' (horse *n*), steal 'кража' (steal *v*), to sharp 'обсчитывать; надувать' (sharp *a*)). Для образования отыменных глаголов этот прием является практически единственным, так как продуктивные в современном английском языке глагольные суффиксы -ify/-fy, -ize, -ate представлены морфемами латино-греческого происхождения и только один из них (-ize) проник в разговорный язык американского ареала; -ify/-fy и -ate используются преимущественно в языке научной прозы.

Модель конверсии N→V исторически приняла на себя функцию ведущего приема образования деноминативных глаголов, поскольку транспозиция такого типа, в которой исходные формы мотивирующего и мотивированного слов совпадают, отражает основные направления развития морфологического строя английского языка.

3. Третье место по количеству производных слов занимает прием суффиксации (488 единиц), по моделям которой образуются существительные и прилагательные. И в данном случае весьма показательно то, что из этих моделей почти полностью исключены морфемы французского и латино-греческого происхождения. Среди германских суффиксов наиболее продуктивными и активными для образования существительных являются морфемы -er, -ie/-y, а прилагательных — -ie/-y, -sy и -ed. Другие исконные суффиксы используются при производстве просторечных слов в единичных случаях; суффиксы -er и -y в словопроизводстве существительных и прилагательных занимают первые места. Отличие американской нестандартной лексики от британской в этом плане состоит в том, что в американском варианте сформировалась своя просторечная подсистема суффиксов прилагательных и существительных

(-o, -ola, -nik, -roo/-eroo, -ino/-erino), британскому варианту в целом не свойственная. Некоторое исключение составляет чисто эмфатический суффикс -о (тип righto, boyo), часто оформляющий аббревиатуры (ammo — ammunition).

Общей для обоих ареалов нестандартной лексики является пассивность моделей префиксального словопроизводства. Единичные дериваты нашли отражение только в моделях с синонимичными префиксами un- (герм.) и de- (романск.). Окказиональные образования в разговорной лексической прослойке, как правило, встречаются в профессиональных жаргонах образованных слоев населения и молодежных жаргонах учащихся колледжей и университетов. Чем ниже этико-стилистическая отмеченность лексики языкового коллектива, тем менее вероятно появление в ней префиксальных нестандартных образований. Эта черта просторечного вокабуляра является чисто английской и в ней отражается продолжение действий тех тенденций, которые закладываются в язык в среднеанглийский период. Проявляются они в том, что во внутриглагольном словопроизводстве модели префиксации вытесняются глагольно-постпозитивными сочетаниями, а в системе существительных и прилагательных образующаяся лакуна, начиная с ранненовоанглийского, заполняется префиксами латино-греческого происхождения. Эти префиксы используются во внутриименном словопроизводстве, и значительная их часть терминологичная. Соответственно в современном английском языке на девять германских приходится более шестидесяти префиксов латино-греческого происхождения: ср. a- (в afire), be-, fore-, mis-, out-, over-, under, un- (в untie), un- (в unkind); a- (в assymetric), arch-, archi-, counter-, inter-, infra-, mono-, pre-, pro-, pseudo-, trans-, sub- и другие [184, гл. III].

4. Четвертое ранговое место занимают постпозитивные образования (213 единиц). В стандарте образование новых лексем с помощью постпозитивов, как правило, ограничивается системой глагола. Постпозитивные существительные возникают за счет транспозиции глаголов с постпозитивами (take off 'взлетать' → take off 'взлет'), а постпозитивные прилагательные образуются в результате адъективации причастий (shake up 'потрясать' → shook up 'возбужденный, счастливый'). В субстандарте в отличие от стандартных норм существительные могут быть самостоятельными образованиями с опорой на существительное (kiss-off 'легкий поцелуй'). Этот прием, возникший на английской почве, имеет долгую историю, свидетельствующую о том, что движущей силой языковой эволюции является речевая практика, в которой хранится и развивается то, что далеко не сразу проникает в письменную речь. Глагольно-наречные словосочетания (а постпозитив развивается из наречий) были достаточно широко представлены в древнеанглийском языке и отражены в памятниках письменности, в том чис-

ле и переводах с латинского; латинские префигированные глаголы могли передаваться в переводах простыми и префигированными глаголами, а также глагольно-наречными словосочетаниями. После норманского завоевания, сопровождавшегося длительным перерывом в письменных традициях, и до новоанглийского периода глагольно-постпозитивные сочетания, сохранявшиеся и развивавшиеся, по всей видимости, в устной речи, казалось бы находились на грани исчезновения и в литературных памятниках были представлены единичными образованиями. К современному периоду развития языка они проникают из устной речи в письменную, а XX век является свидетелем их бурного роста по количеству и расширения сферы действия на существительное, которое особенно в американском ареале начинает восприниматься как однословная единица номинации. Существительные с постпозитивом могут оформляться флексией множественного числа, в написании передаваться слитно или через дефис и выступать в атрибутивной функции: getaway, get-away и getaways 'побеги', getaway day 'последний день скачек'. Прилагательные обычно пишутся через дефис: a beat-up car 'потрепанная машина'.

5. На пятом месте стоят аббревиатуры (166 единиц), представленные самыми различными типами: а) усечение конечной части слова: biz[2] — business, sensay — sensational, situash — situation; усеченная часть слова может оформляться суффиксом: widdie — widow, ammo — ammunition; б) усечение начальной части слова: croot — recruit, fess — confess; в) усечение конечной и начальной частей слова: gate — alligator, tec — detective, script — prescription; г) буквенное усечение простого или сложного слова: C — банкнота в сто долларов (от century или римской цифры C, которая раньше печаталась на банкнотах этой стоимости); AA — antiaircraft gun; д) буквенное усечение словосочетания: BO — body odor, AWOL, a. w. o. l., awol — absent without leave (находящийся в самоволке; *армейск.*), snoff — saturday night only, friend, female (приятельница на выходной); е) словесное сокращение словосочетания (универбация): flats — flat-heeled shoes, kings — king-sized cigarettes.

Аббревиатуры в нестандартной лексике распространены очень широко, но узуально закрепляются в языке лишь немногие из них, а в акронимы типа awol, snoff переходят единицы. Особенно характерны они для молодежных жаргонов. Аббревиация как словообразовательный прием продуктивна и в стандартной лексике, но в ней ее функциональная нагрузка прямо противоположна той нагрузке, которую она несет в субстандарте. Аббревиатуры литературного стандарта носят официально деловой, научный или канцелярский характер, аббре-

[2] При усечении написание слова может меняться.

вниатуры в субстандарте экспрессивны своей краткостью, а иногда и неожиданностью, поскольку сокращениям подвергаются бытовые, а не официально-деловые, топонимические или терминологические слова.

Краткий обзор номинационных возможностей нестандартной лексики далеко не исчерпывает имеющегося в ее распоряжении резерва. В этот обзор не включен семантический аспект словообразовательного процесса, имеющего свою специфику. Более подробно просторечная номинация рассматривается в главе IV. В настоящей главе мы ограничиваем свою задачу определением той базы, на которой создается и развивается стилистически сниженная лексика. Эта лексика всегда контрастирует с речевым стандартом. Последнее можно проиллюстрировать следующим диалогом, в котором первая реплика, насыщенная «низкими» коллоквиализмами и жаргонизмами, резко контрастирует со второй репликой, имеющей подчеркнуто литературную форму:

"There's an idea in that", Henry said. "Here's some *mug* finds out Lady Penruddock has a string of *oyster fruit* worth *oodles of kale* and he does *hisself* a neat little box *job* and trots down to the *fence*. And the *fence* give the *belly laugh*. I would say something like that could get around the poolrooms and start a little idle chatter. So far, so *nutty*. But this *box man* is going *to dump them* beads in a hurry, because he has a three-to-ten on him even if they are only worth a *nickel* plus sales tax. Breaking and entering is the rap, Walter".

"However, Henry", I said, "there is another element in the situation. If this thief is very stupid, it will not, of course, have much weight. But if he is even moderately intelligent, it will. Mrs Penruddock is a very proud woman and lives in a very exclusive section of the city. If it should become known that she wore imitation pearls, and above all, if it should be even hinted in the public press that these were the very pearls her own husband had given her for her golden wedding present — well, I am sure you see the point, Henry" (Chandler, S., p. 17—18).

Социальный статус Генри, обитателя трущоб в Лос-Анджелесе, автор на протяжении всего рассказа передает с помощью его речевой характеристики. «Низкие» коллоквиализмы mug и oyster fruit во второй реплике представлены нейтральными синонимами thief и pearls. К этой же лексической прослойке относятся слова hisself вместо himself, little box job 'кража шкатулки', belly laugh 'отчаянный хохот', nutty 'бессмысленный', box man 'парень, укравший шкатулку', dump 'сбыть, избавиться', them вместо определенного артикля the, nickel 'пять долларов', rap, *зд.* 'то, что нужно сделать'. Арготизмы представлены словосочетанием oodles of kale 'куча денег' и существительным fence 'перекупщик краденого'.

§ 2. Центры синонимической аттракции в просторечии

Характерной чертой просторечия является вариативность наиболее полно проявляющаяся в семантической избыточности, за счет которой во многих случаях и создается экспрессивная окраска наименования. Обозначение одного и того же предмета, действия или их признаков двумя или более словами имеет смысл только в том случае, когда вновь возникающие наименования явлений действительности чем-то отличаются от уже существующих в языке. Если таких различий нет, то либо одно из них выйдет из языка, либо между ними произойдет смысловая дифференциация. Так, исторически экспрессивно сниженными в момент возникновения были такие сейчас вполне литературные слова, как honey 'дорогой, -ая', movie 'кинематограф'.

Специфика просторечия состоит в том, что в нем в процессе номинации главенствующую роль играет психологический фактор, позволяющий говорящему в условиях речевой раскованности эмоционально «самовыразиться». Сдерживающая сила норм речевого этикета в условиях бытового общения ослабляется, а степень морально-этической сниженности высказывания во многом будет определяться эмоциональным состоянием говорящего, его социальным положением в обществе, условиями, в которых протекает коммуникативный акт, и его участниками, а также речевой бравадой, свойственной молодому поколению. В стремлении найти наиболее адекватное вербальное отражение своих эмоций говорящий в условиях бытового общения может выходить за рамки стандартной лексики как недостаточно экспрессивной. Как правило, вновь создаваемая единица выступает синонимом к уже имеющемуся в языке слову или словосочетанию, и не единственным, но для индивидуальной речетворческой деятельности это не является препятствием. Скорее наоборот, готовые просторечные (внутристилевые) синонимы по мере употребления, часто диктуемого модой, семантически стираются, уступая место новым. Поэтому одной из наиболее характерных черт лексического просторечия является «подвижная синонимия», концентрирующая многочисленные ряды синонимов вокруг центров синонимической аттракции. Центры аттракции отражают те сферы жизни и деятельности языковых коллективов (или коллектива), в которых эмоциональная нагрузка высказывания диктуется материальными условиями быта, общей идеологией членов коллектива и индивидуальными нормами речевого поведения, заданного семейным воспитанием, образовательным цензом, общественным положением, возрастом и полом.

Центры синонимической аттракции могут быть общими для всех носителей языка. Как отмечает С. Ульманн [225, с. 150],

постоянным центром притяжения синонимов является идея смерти. Эта понятийная сфера отражена в различных языках обширным лексико-семантическим полем, в которое входят меж- и внутристилевые синонимы, при этом наибольшее количество синонимов группируется вокруг нейтральной доминанты die 'умирать': стандартные синонимы — perish, depart, pass away, expire; нестандартные синонимы — pop off, snuff out, check out, drop the cue, kick the bucket, sling one's hook, slip one's cable, go west, peg out и др. Аналогичное распределение межстилевых синонимов, указывающее на универсальность данного явления, наблюдается и в русском языке. Ср.: нейтральная доминанта ряда *умереть:* стандартные синонимы — *скончаться, угаснуть, почить, уйти в мир иной, приказать долго жить, отдать богу душу;* нестандартные синонимы — *загнуться, окочуриться, сдохнуть, околеть, отдать концы* и др.

Наряду с общеязыковыми центрами аттракции выделяются «горячие точки» просторечия, которые проходят через все его стратификационные прослойки. К ним, в частности, относятся такие понятийные сферы, как части человеческого тела и физиологические отправления человека, деньги и денежные обращения, алкогольные напитки (их потребители и состояние, возникающее в результате их потребления), наркомания, зрелищные мероприятия (эстрадная джазовая музыка и ее исполнители) и некоторые другие.

Словарь Г. Вентворта и С. Флекснера фиксирует более двухсот единиц номинаций для обозначения денег и денежных единиц. Несколько десятков синонимов входит в ряд с доминантой money: ammo, ballast, bark, beans, bucks, bones, change, dough, feed, jack, mazuma, moola, ochre, oday, rhino, rind, shekels, tlac, wampum и другие [256]. Многие из них сопровождаются пометами как жаргонизмы (преимущественно преступного мира): blunt, geedus, quiff, scrip. В ряд включаются слова и словосочетания, в которых наряду с общим выделяется специализированное значение для банкнот (green, cabbage, lettuce, scratch, stamps, hides) или монет (hardtrack, bullet, tin), наличных денег (dust, Oscar, the ready), их источник (boodle 'деньги, украденные из казенных', buscar 'деньги, взятые в долг', cherry pie 'неожиданные или заработанные на халтуре деньги') или целевого назначения (soap, sugar, cush 'деньги, предназначенные для взятки'). Этот список можно дополнить такими новыми образованиями, приводимыми в словарях К. Барнхарта [235—236]: frog hair 'деньги, предназначенные для проведения политических кампаний', drugola 'взятка, которую получают полицейские от торговцев наркотиками', hat 'взятка, даваемая должностному лицу с тем, чтобы избежать судебного дела'.

Как видно из приведенных примеров, количественный состав синонимического ряда находится в прямой зависимости

от социальной значимости обозначаемого объекта для общества в целом. Не случайным поэтому оказывается то, что доминанта money объединяет один из самых многочисленных синонимических рядов, включающих кодифицированную разговорную и некодифицированную нестандартную лексику. Конкурирующим с ним в английском и особенно американском просторечии выступает ряд с доминантой drunk 'пьяный'. Приводимый в приложении к словарю Г. Вентворта и С. Флекснера список включает 334 слова и словосочетания, при этом многие из них появились в период действия «сухого закона», а в их создании принял деятельное участие преступный мир, «организованно» производивший спиртные напитки или контрабандно ввозивший их в страну. В настоящее время этот ряд активно пополняется студентами американских колледжей, в лексиконе которых состояние «опьянения» может быть вызвано не только потреблением спиртного (buzz), но и наркотиков (drugs). Наиболее употребительными обозначениями состояния эйфории, возникающего под влиянием алкоголя или наркотиков, являются слова bagged, blitzed, bombed, bangoed, boxed, crushed, featured, flaked out, frozen, glazed и др. (см. список синонимов прилагательного drunk в приложении к словарю Г. Вентворта и С. Флекснера). В лингвистическом плане эта группа показательна тем, что в ней обозначается не качественный признак, а состояние, поэтому чаще ее комплектуют причастие II простых и отыменных глаголов или предложные словосочетания, характеризующиеся предикативными связями с субъектом, и реже прилагательные.

Избыточность, естественно, распространяется только на стилистически сниженную лексику. В ней она широко представлена, поскольку питательной средой для нее является бытовое общение. Соответственно, наши выводы по некоторым аспектам межстилевой синонимии не выходят за рамки стилистически сниженного и нейтрального вокабуляра и не имеют обобщающего в целом для языка характера. Проблемы межстилевой синонимии до настоящего времени в широком аспекте еще не рассматривались. Совершенно очевидно, что возвышенная, поэтическая лексика, обозначающая положительные эмоции, имеет свои центры аттракции (сферы любви, красоты, преданности, героизма и другие), в которых просторечия либо нет вообще, либо оно представлено немногочисленными образованиями, которые имеют нарочито грубый характер с упором на физиологическую основу, вызывающую эмоции. В синонимические ряды также могут входить слова официально-делового или канцелярского стиля речи, свойственные объединениям людей по профессии. Характерным примером тому могут служить речевые штампы государственных правовых учреждений Англии и Америки.

Взаимопротивопоставленные стилистически отмеченные слои

вокабуляра в речевых высказываниях могут сталкиваться, создавая арсенал особых стилистических средств организации текста. Интересным в данном случае оказывается то, что стилистические сдвиги в словоупотреблениях, как правило, характеризуются направлением «снизу вверх»: "Honestly, old bean, — I mean, dear old thing, — I mean darling" (Wodehouse, I., p. 17) — автор реплики, вполне респектабельный молодой человек, обращается к невесте, девушке того же общественного статуса. "Oi wuz standing on th' fire escape, sorr", said Officer Donahue, in a tone of obsequious respect which not only delighted, but astounded Archie, who hadn't known he could talk like that, "accordin to instructions when I heard a suspicious noice. I *crope in,* sorr, and found *this duck* — found *the accused,* sorr — in front of th' mirror, examenin himself. I then called to Officer Cassidy for assistance. We *pinched* — arrested um, sorr" (Wodehouse, I., p. 37) — прямая речь передает высказывание необразованного американского полицейского.

«Стилистический слом», когда говорящий переходит с официально-деловой на сниженную лексику, встречается несколько реже: There is only one thing to do. I'll go to Governor Stark, get him to agree *to arrest Coffee on the grounds of an attempted bribery* of an official — Adam is an official, you know — and call on Adam to swear to the charges. If he'll swear to them. That ought to make him see how things line up. That ought to show him the Boss will protest him. And — "to that point I had only been thinking of the Adam end but now my mind got to work on the possibilities of the situation "— it wouldn't do the Boss any harm *to hang a rap on Coffee.* Particularly, if he will *squeal* on the *behind-guy.* He might *bust up* Larson. And with Larson out, Mak Murfee wouldn't mean much. He might *hang it* on Coffee, too, if you — "and I stopped dead (Warren, p. 218). Реплика разорвана авторской речью (в романе «И вся королевская рать» повествование идет от первого лица), которая снижает экспрессивный ключ высказывания в связи с использованием лексики, употребляемой Вилли Старком в беседах со «своими» людьми; ср.: to arrest on the grounds ... и hang a rap on, squeal on, hang it.

§ 3. Просторечные аналоги и универбы

Просторечную лексику по ее системным семантическим связям с кодифицированной лексикой можно разбить на две группы, выделяя в каждой из них две подгруппы. В первую группу входят аналоги (связанные и свободные), во вторую — универбы (связанные и свободные). В основу предлагаемой классификации положен признак наличия или отсутствия синонимических связей между просторечной лексикой и литературной.

Группу аналогов составляют просторечные единицы, являющиеся синонимами слов литературного стандарта. В толковых словарях их значение передается с помощью стилистически немаркированного синонима (англ. cabbage=money; рус. *капуста=деньги*). Группу универбов образуют просторечные единицы, не имеющие синонимичных однословных наименований в литературном стандарте; в нем данная единица номинации отсутствует. Соответственно, словарное толкование универбов имеет описательный или энциклопедический характер (англ. lifer=a prisoner serving a life sentence; рус. *продленка=продленный день для школьников*).

Основное различие между аналогами и универбами состоит в том, что у первых экспрессивное значение доминирует над денотативным, а у вторых они совмещаются почти на равных основаниях. Если аналоги, дублируя лексику и фразеологию литературного стандарта, расширяют уже существующие синонимические ряды и легко превращаются в языковые излишки, что и предопределяет их недолговечность, то универбы, обладая самостоятельным номинативным статусом и в этом плане не имея себе равных в словарном составе языка, характеризуются определенной устойчивостью и значительно большими по сравнению с аналогами возможностями повыситься до уровня литературного стандарта.

Связанные аналоги — это такие просторечные единицы, которые образуются в результате расширения смысловой структуры слова литературного стандарта за счет появления в ней социально и стилистически маркированного лексико-семантического варианта, возникающего вследствие семантической деривации. Как уже говорилось выше, типовыми для формирования просторечного варианта являются метафорические и метонимические переносы. Так, в ряд с доминантой money входят связанные аналоги ballast, bark, blunt, boodle, bread, cabbage, dirt, поясняемые в словаре доминантой. Связанные аналоги attic, bean, belfry, block, chimney, dom, nut, tomato, potato, onion поясняются доминантой head, а связанные аналоги boat, bomp, iron, torpedo, chariot, coffin, turtle — доминантой car.

Семантическая двусмысленность лексем приведенного выше типа на уровне речевой реализации снимается за счет текстовых связей слова и конситуации (ситуации общения):

"And suckers at that", Sunset went on tiredly. "Burn a guy's feet to make him sing" (Chandler, F., p. 245). Реализации значения 'расколоться' у глагола sing способствует указательный минимум burn a guy's feet ('жечь парню ноги').

"I'll give five bucks", yelled Mr. Queen, waving the money "for every autograph Bill Tree signed before the game!.. Here is your fin. Next! And Mr. Queen went down line, handing out

five-dollar bills" (Queen, p. 186). Существительное fin поясняется двумя синонимами bucks и five dollar bill.

Marion. I don't want you to look into your eyes. Dangerfield. Honest globes they are (Donleavy, p. 43). В данном примере просторечный вариант у существительного globes уже пояснен первой репликой. Замена связанных аналогов их литературным синонимом снижает экспрессивность высказывания и субъективную оценку говорящим именуемого объекта, но его содержание полностью сохраняется.

Свободные аналоги отличаются от связанных тем, что они являются автономными лексемами; просторечная единица в этом случае репрезентируется просторечным словом, а не просторечным вариантом значения слова литературного стандарта. Они возникают в результате словообразовательного акта по моделям, свойственным языковой системе в целом и ее просторечной подсистеме в частности. Это, естественно, не препятствует включению вновь возникающего в языке слова в уже существующий синонимический ряд. Так, синонимический ряд с доминантой money включает такие свободные аналоги, как ammo, — усечение существительного ammunition с добавлением просторечного суффикса -o; bones от просторечного варианта bone 'доллар' с метонимическим переносом части на целое и оформлением свободного аналога суффиксом множественного числа s; bean and honey — просторечный словообразовательный прием, основанный на рифме honey — money; mezonny — включение пустой прокладки, искажающей звуковую форму слова: m-eeiz-ony; do-re-mi — речевая игра; do из dough 'деньги'+названия нот. Группа свободных аналогов может также включать заимствованные слова, снижающиеся в языке-рецепторе до статуса просторечного слова: tlac, ducat — из вариантов испанского языка в странах Латинской Америки; dinero — из арабских языков, geld — из немецкого. Ряд с доминантой face включает свободные аналоги beezer (метонимический перенос с части на целое: beezer 'нос'>'лицо'), fiz, phiz, phizog (аббревиация и графическая реинтерпретация существительного physiognomy); kisser (дериват с метонимическим переносом с части на целое: kisser 'губы, рот'>'лицо'). Структурная отмеченность свободного аналога снижает роль контекстуальных связей для реализации его значения в речевом высказывании. Его большая автономность как слова определяется также и тем, что в большинстве случаев просторечный дериват обозначает конкретное существительное, а производным сложным существительным конкретной семантики многозначность в целом несвойственна. Степень семантической избыточности связанных и особенно свободных аналогов варьируется, так как они в профессиональных жаргонах могут помимо экспрессивной получать и семантическую надбавку, которая делает их частичными синонимами слов литературного

стандарта. Так, в жаргоне американских автомобилистов (особенно молодого поколения) в синонимический ряд с доминантой car входят обозначения перемонтированных старых автомашин (hot-rod), мощность мотора которых после соответствующих замен увеличивается, а скорость возрастает. Слова этого типа наряду с синонимической пояснительной дефиницией уточняются ссылкой на какие-то дополнительные признаки: beast 'a *high-powered* car', esp. a hot-rod that had been souped up with great success. См. также: A-bomb 'машина (hot-rod) с очень высокой скоростью', kemp 'старая машина', galopy 'старая побитая машина', goat 'старая отремонтированная машина'. Свою оценочную коннотацию вносят в наименования машин также продавцы или перекупщики подержанного товара: junker 'машина, годная только на слом', clunker 'очень подержанная машина', rough 'машина, которая уже была в аварии', sharp 'старая переоборудованная машина в хорошем состоянии'.

Нестандартная лексика может выделять свою доминанту синонимического ряда, дублирующую доминанту литературного стандарта. Просторечный синоним, повышаясь до уровня разговорного слова литературного языка, может перейти в стандартную лексику. Такие процессы стандартизации наблюдаются у существительных dough 'деньги' (первоначально 'деньги, предназначенные для подкупа' в воровском жаргоне), hot-rod (из молодежного жаргона), buck 'доллар' (аббревиация buckskin 'шкура оленя или другого животного', служившая единицей торгового обмена английских переселенцев в Америку с коренным населением).

Связанные универбы — это просторечные единицы, находящиеся за пределами литературного стандарта и обозначающие такие явления действительности, которые не названы словами литературного стандарта, поэтому их смысловое содержание вскрывается развернутой словарной дефиницией с минимальным объемом в виде атрибутивного словосочетания вплоть до развернутого описания. Так же, как и связанные аналоги, они репрезентируются лексико-семантическими вариантами слов литературного стандарта: *gondola* — a stolen car; *donk* — raw, home-made corn whisky; *gas* — denaturated alcohol or any such substance that can be a substitute for liqor; *mud* — opium before it is prepared for smoking.

Условия речевой актуализации связанного универба по сравнению со связанным аналогом отличаются тем, что в них значительно более высокую роль играют фоновые знания и ситуация общения. Метафорические и метонимические переносы, ведущие к возникновению связанного универба, обычно имеют взаимопересекающийся, сложный и многоступенчатый характер, скрывающий внутреннюю форму вторичного наименования. Для участника диалога в устном общении и тем более для чи-

тателя, воспринимающего письменную речь, обозначаемое связанным универбом явление может быть просто неизвестно и поэтому в его индивидуальном вокабуляре отсутствовать. Не случайно поэтому, вводя в художественный текст жаргонизм, автор его сам же декодирует: On June 16 Valachi took a last desperate step to save himself and asked to be put in the "hole" (Maas, p. 21). В сноске дается расшифровка hole — "prison lingo for solitary confinement".

He was marked for death and he knew it. Another prisoner had accused him of "ratling" to the Federal Bureau of Narcotics (Ibid., p. 19). Содержание жаргонизма ratling вскрывается фоновым знанием того, что преступник, «расколовшийся» на допросе, будет убит своими сообщниками.

Свободные универбы, подобно свободным аналогам, являются результатом различных актов структурно выраженной деривации по моделям, функционирующим в стандартных и субстандартных нормах языка: *looker* — a good looking person of either sex; *hard-staff* — a sizeable amount of money earned in a difficult or illegal way; *peacherino* — a pretty girl; *alcoholiday* — alcohol and holiday.

Стяжение расчлененной единицы номинации в однословную может сопровождаться метафорическим или метонимическим переносами, что создает яркость образа и экономность использования языковых средств, характерную для беглой разговорной речи, но декодировка денотативного значения свободного универба в этом случае требует фоновых знаний. Так, в предложении Anthony, the last I heard, is still in the bughouse (Ibid., p. 76) свободный универб bughouse не просто 'клоповник', а совершенно определенное заведение — State Hospital for the Criminally Insane, Dannemora, N. Y.

Особое место в лексическом просторечии занимает тематическая группа с нейтральной доминантой thing, формирующейся за счет связанных аналогов и универбов. Характеризуется она широкоразвитой внутристилевой синонимией.

В процессе речевого общения лексика говорящего как бы распределяется по двум противоположным группам. В одну из них входят яркие, образные обозначения предметов, их признаков или действий. На них концентрируется внимание говорящего, и они несут экспрессивную нагрузку в высказывании. Вторую, естественно, небольшую по объему группу образуют слова размытой семантики, выполняющие функцию, близкую к замещению, и примыкающие по обобщенности значения к местоимениям. Нужда в них возникает в силу того, что говорящий не знает точного наименования объекта, забыл его, или же оно настолько второстепенно и известно собеседникам, что вербально может не эксплицироваться.

Процесс отбора нужного слова может передаваться в речи либо паузой, либо так называемыми словами-паразитами, не-

изменными спутниками устной речи, которые, заполняя паузу дают говорящему время для отыскания нужного слова. В анг лийском языке в обоих ареалах используются частицы well just и глагольные словосочетания you see/know и другие. Из вестный американский юморист Тэрбер писал в начале 60-х годов о нашествии you know в речь американцев: A typical example of speech you-knowed to death goes like this: "The other day I saw, you know, Harry Johnson, the, you know, former publicity man for, you know, the Charterers Publishing Company, and you know, what he wanted to talk about, strangely enough was, you know, you'd never guess..." (Thurber, p. 213).

При незнании точного наименования объекта в просторечии обычно используются заместители, образующие экспрессивно окрашенные неполные синонимы широкозначного существительного thing 'дело'.

Словообразовательная система английского языка не обладает гибкой и развитой системой экспрессивных суффиксов, поэтому англичане используют словосочетания с thing, в которых оценка предмета передается прилагательным или же одним из членов тематического ряда с доминантой thing, относящихся к просторечной лексике. Особое место в ней занимает подгруппа универбов с общим значением anything of which the name is unknown (что-то, название чего неизвестно): *dingus* — anything of which the correct name is unknown or forgotten; a thingamajig; *ducrot* — anything or anyone whose name is not known; *gimmick* — a gadget or thingamjig; *whatzis* — any object whose name is not known or remembered (стяженное в слово вопросительное предложение What is this? по типу образования whodunit — Who done it?); *whozis* — any person or object whose name is unknown or forgotten (от Who is this?)

Доминантой подгруппы выступает универб thingamajig образованный сочетанием корневой морфемы thing и второй корневой морфемой, по звуковому составу совпадающей со значимой единицей языка, но семантически в образовании пустой и характерными просторечными инфиксами -ma/-ama, -um. Он представлен группой просторечных синонимов: thingamadoodle, thingamadodger, thingamadundgeon, thingamananny, thingumbob, которые в словаре поясняются следующим образом: used to indicate any item of which the speaker does not know or has momentarily forgotten the name; esp. used to refer to any, usu. a small, new or unfamiliar device, mechanical part, gadget, tool, or ornament; a thing. Просторечные универбы такого рода являются эквивалентами русских просторечных существительных типа «фитюлька», «фиговинка», «финтифлюшка» и др. Например: "I'm a working guy", he said, "Mechanical maintenance. I build and service joy buzzers. Yoy know — those little fun gimmicks that give people a shock when they shake hands."

(Allen, p. 42) — речь идет о механической игрушке, рассчитанной на розыгрыш.

Образования подобного рода некоторые авторы называют nonsense forms [13], nonce formations [215] или omnibus terms [256] от omnibus в значении 'охватывающий несколько предметов, пунктов'; 'всеобъемлющий'.

Вторую характерную для этой тематической группы подгруппу составляют универбы, обладающие положительной коннотацией. Они объединяются категориальным значением субстанциональности, поэтому подгруппа включает существительные различных лексико-грамматических разрядов (имена лица, предметные, отвлеченные, собирательные и вещественные имена). Признак одушевленности/неодушевленности для них нерелевантен, поэтому опорными в словарной дефиниции выступают слова person or thing, that which or one who, anyone or anything, а идентификаторами — качественные прилагательные положительной оценки: *bear* — a remarkable first-rate person or thing; *beat* — a remarkable or unexcelled person or thing, that which or one who "beats" anyihing or anyone else in being remarkable; *beaut* — an unusually beautiful or remarkable person, thing or situation; *bird* — an excellent, extraordinary, or unusual person, animal, or thing; *darb* — any remarkable or excellent person or thing, as an apartment, a house, a vest, a story; *lollapazola* — any extraordinary or excellent person or thing; *lulu* — anything or anyone remarkable, an outstanding example of a type; anyone or anything of extraordinary size, quality, appearance, force, absurdity or the like.

Просторечной доминантой ряда выступает свободный универб humdinger, используемый в пояснении таких просторечных лексем, как darb, lulu, lollapazola, и просторечных вариантов стандартных лексем daisy, dandy, whee, pip. Как видно из приведенных выше словарных дефиниций, идентификаторы (remarkable, excellent, extraordinary, outstanding) указывают на высшую степень положительной оценки; именуемый объект является чем-то из ряда вон выходящим.

Не меньший интерес представляет собой также подгруппа имен вещного значения с отрицательной коннотацией. На наименования лиц эти просторечные единицы не распространяются, т. е. сема одушевленности в них отсутствует. В качестве идентификаторов к опорным словам thing, anything в словарной дефиниции выступают прилагательные, указывающие на низкие качества, ненужность, бесполезность: *abortion* — any cheap, inferior item or object; *bum* — anything considered as useless or unsatisfactory; *rummy* — anything inferior or worthless; *turkey* — any worthless, useless, unsuitable thing.

Подгруппа в большинстве своем представлена связанными аналогами, поэтому в реализации просторечного варианта значения решающую роль играет контекст и речевая ситуация.

В приводимом ниже примере речь идет о пьесе, которую актер оценивает очень неодобрительно: Writer. Diabetis, think of the ending. We open in three days. Actor. Not me. I'm not opening in this turkey. I have a reputation as an actor. My public expects to see me in a suitable vehicle (Allen, p. 38).

При незнании точного наименования объекта речи обычно используются субстантивные заместители имени, образующие экспрессивно окрашенные неполные синонимы широкозначного существительного thing. Особое место в этой тематической группе занимает подгруппа универбов с общим значением 'вещь', 'дело'.

Использование в качестве заместителей семантически опустошенных слов характерно для языков различного строя: во французском языке эту функцию могут выполнять существительные machin, chose, в немецком — Zug, Ding, Sache [43, с. 72—73].

Таким образом, в просторечном вокабуляре отражены: а) просторечные варианты значения слов литературного стандарта (связанные аналоги и универбы) и б) просторечные слова (свободные аналоги и универбы). Количественно в нем преобладают просторечные единицы группы (а). Лексемы литературного стандарта, расширяющие смысловую структуру за счет стилистически сниженных вариантов, как правило, являются корневыми и входят в первую тысячу частотных слов языка. Просторечные лексемы могут быть корневыми только в тех случаях, когда они, сохраняясь в диалекте или диалектах, в литературном языке отсутствуют, мотивирующее их слово исчезло из языка или мотивационные связи с исходной единицей стерлись (buck из buckskin; cop 'полицейский' от copper 'медная пуговица'; метонимический перенос с предмета одежды на человека), или же они заимствованы из других языков. Основную массу просторечных лексем составляют единицы вторичной номинации.

С лексемами литературного стандарта просторечные лексемы связаны прямо и непосредственно тем, что в их образовании в подавляющем большинстве случаев используются те же корневые слова, что и при образовании связанных аналогов и универбов, т. е. почвой, на которой произрастают просторечные единицы, являются высокочастотные, употребительные и обиходные лексемы литературного стандарта. Такой вполне закономерный и неизбежный симбиоз может вести к тому, что, во-первых, некоторые базовые для просторечия стандартные лексемы в определенные этапы языкового развития испытывают лексико-семантические «перегрузки», создаваемые просторечными вариантами значения, и, во-вторых, их словообразовательная активность, как только на них появляется «мода», резко возрастает за счет появления в языке однокоренных просторечных лексем.

Примером стилистически дифференцированной многозначности может послужить уже анализированное существительное stick. Толковый словарь Морриса [253] регистрирует у этого существительного 14 вариантов значения; из них с пометой obsolete — 1, терминологическими пометами — 4, разговорной пометой informal — 2 и просторечной пометой slang — 2. Без помет приводится 6 вариантов. Словарь Г. Вентворта и С. Флекснера [256] включает в смысловую структуру stick 22 просторечных варианта, что несколько завышает цифровые данные по сравнению с другими американскими толковыми словарями [254—255], в том числе и словарем У. Морриса [253]. Из 22 вариантов два, по-видимому, могут быть исключены, поскольку они являются окказиональными и даются с пометой not common, (an ice-cream cone, a match), семь вариантов можно отнести в разряд стандартной лексики, поскольку словарь У. Морриса [253] либо не дает к ним помет (a cane — a cane or walking stick, a ship's mast — Nautical. A mast or a part of a mast, the control lever of an aeroplane. An aeroplane control that operates elevators and aerons — Aviation), либо приводит видовое определение, которое не исключает использование стандартного варианта значения для видовых наименований (a baseball bat, a baton, a billiard cue, a golf club — any various sticklike implements used in games and sports: a hockey stick). Варианты такого типа могут быть отнесены к литературным разговорным словам («высокие» коллоквиализмы), возникшим в результате эллипса атрибутивного члена словосочетания. К «высоким» коллоквиализмам могут быть отнесены варианты backwoods и stiff, spiritless or boring person, сопровождаемые в словаре У. Морриса [253] пометой informal. После такой предварительной проверки по словарям, к просторечным можно отнести 10 вариантов: из них обоими словарями регистрируется один просторечный вариант (marijuana cigarette). В словаре У. Морриса используется помета slang. Таким образом, в смысловую структуру stick к 12 стандартным примыкают 10 просторечных вариантов, что почти вдвое расширяет его семантический объем. Кроме того, stick в качестве опорного входит в состав 10 сложных слов и 2 словосочетаний, которые в словарь У. Морриса [253] не внесены: dope-stick, stick ot gage, stick of tea 'сигарета (с марихуаной)', gob-stick, licorice stick, squeak stick 'кларнет', quess stick, slip-stick 'логарифмическая линейка', ink-stick 'авторучка', gimp-stick 'костыль', shower-stick 'зонтик', muck stick 'лопатка'.

Анализ одного слова, а их количество можно было бы значительно расширить, свидетельствует о том, что лексическое просторечие не только избыточно по своей номинационной природе, но и ведет к смысловой перегрузке частотных и общеупотребительных лексем литературного стандарта, создавая избы-

точную для них многозначность. Языковое равновесие межд стандартными и нестандартными слоями словарного состав устанавливается за счет того, что просторечный слой лексик в значительной своей части представлен окказиональными об разованиями, которые, как правило, в языке долго не задер живаются. Меняются центры понятийных притяжений, диктуе мые духовными и морально-этическими запросами носителе языка, меняется и состав просторечного вокабуляра, для кото рого потеря экспрессивной коннотации, а она неизбежна п мере расширения употребления просторечной единицы, фа тальна. Лишь немногие из них проникают в литературны стандарт или сохраняются как просторечные на протяжени многих веков.

ГЛАВА IV

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В НЕСТАНДАРТНОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

§ 1. Вводные замечания

Основным приемом пополнения словарного состава языка нестандартной лексикой является семантическая деривация, в результате которой происходит расширение смыслового объема слова литературного стандарта за счет появления в нем просторечных лексико-семантических вариантов. Эта закономерность не носит случайного характера, поскольку, как уже отмечалось в главе III, нестандартная лексика формируется преимущественно на базе корневых слов германского происхождения. Соответственно, источником возникновения этически сниженных слов, являющихся вторичными единицами номинации, служит в большинстве своем та же лексика литературного стандарта, использование которой в переносных, сниженных значениях, характеризует нестандартную лексику в целом.

Производные нелитературные слова, как правило, образуются по моделям литературного стандарта. Наряду с ними выделяются периферийные модели, действующие преимущественно или только на базе норм второго уровня. Стилистическая сниженность деривата, таким образом, может иметь структурно отмеченный и структурно не отмеченный характер. В настоящей главе мы остановимся на производных обоих типов, так как словообразовательная подсистема, отражающая нормы второго уровня, носит менее облигаторный по сравнению с нормами первого уровня характер, допуская более размытые содержательные характеристики дериватов и более широкую комбинаторику сочетающихся компонентов в процессе деривационного акта. Именно поэтому говорить о словообразовательном моделировании в строгом смысле этого слова применительно к нестандартной лексике можно лишь с определенными натяжками.

В структурном плане описание набора словообразовательных приемов, действующих в субстандартном словопроизводстве содержится в книге Л. Соудека [215], включающей обзор всех производных слов, образованных как по стандартным, так и нестандартным моделям словообразования.

В результате тщательного отбора большого фактического материала из тезауруса Л. Барри и М. Ван ден Барка (американский вариант) [238] и словарей Э. Партриджа (британский вариант) [249—251] с соответствующей сверкой словарных помет по словарям Уэбстера [254—255] и Сокращенному Оксфордскому словарю Л. Соудек выделяет 2605 просторечных лексем британского и 3873 лексемы американского вариантов английского языка (см. таблицу). Общий количественный анализ их распределения по словообразовательным приемам наглядно свидетельствует о том, какую роль каждый из них играет в создании просторечных слов. Мы приводим его таблицу полностью, а при изложении фактического материала подробно останавливаемся на тех приемах и репрезентирующих их моделях, по которым создаются структурно или семантически отмеченные просторечные образования.

Субстандартные словообразовательные типы

Типы	Словообразовательный прием	Британский вариант	Американский вариант
A1.	Аффиксация	434	1396
A2.	Словосложение	1182	672
B.	Контаминация	—	—
C1.	Аббревиация	294	439
C2.	Обратное образование	17	80
D1.	Слова-«перевертыши»	18	4
D2.	Рифмованная субституция	292	104
D3.	Ложная этимология	23	56
D4.	Разные образования, основанные на звуковых изменениях исходного слова	81	18
E.	Транспозиция	201	479
Общее количество обследованных слов		2605	3873

§ 2. Аффиксация

По подсчетам Л. Соудека, одна из характерных черт американской нестандартной лексики по сравнению с британской состоит в том, что в первой ведущее место занимает аффиксация, а во второй — словосложение. Разрыв при этом оказывается очень значительным; из 2068 просторечных дериватов в американском варианте 1396 слов образованы путем аффиксации, в британском варианте на долю аффиксальных образований приходится 434 слова из 1616. Данное соотношение аффиксального и композитного словообразования вряд ли отражает реальное положение вещей на современном этапе развития обоих вариантов английского языка. Значительную поправку следует сделать на то, что в американском ареале с 70-х годов очень широкое распространение получили аналогические сложные слова с серийно повторяющимся вторым опорным компонентом типа: been-eater 'бостонец' (beens 'бобы'), frog-eater 'француз' (frog 'лягушка'), beef-eater 'англичанин' (beef 'мясо') или book-fiend 'книголюб', cigarette-fiend 'заяд-

лый курильщик', dope-fiend 'наркоман' (см. подробнее раздел, посвященный словосложению). В словаре Г. Вентворта и С. Флекснера серийно повторяющийся компонент отнесен к разряду так называемых слов-суффиксов (suffix words), что в плане теории словообразования представляется весьма спорным. Серийность образований, часто обусловленная модой на слова, не может служить единственным критерием перехода корневой морфемы в служебную (fiend), тем более этот переход мало вероятен для слова производной структуры (eater). Поскольку слова с повторяющимся опорным компонентом создаются в американском ареале и количество их беспрестанно растет в языке, разрыв между аффиксацией и словосложением в нем заметно сокращается.

Префиксация для обоих ареалов просторечной лексики — явление периферийное. По подсчетам Л. Соудека, на 434 деривата аффиксального типа приходится в британском просторечии 4 слова, в американском на 1396 — 38 слов. Более поздние работы по английскому просторечию свидетельствуют о том, что эта тенденция в языке сохраняется [41, 73, 79].

Существенное различие между обоими просторечными подсистемами прослеживается в том, что в американском ареале сформировался разряд стилистически отмеченных суффиксов, не свойственных британскому ареалу. Однако и в американском ареале их использование, судя по словарным и текстовым данным, имеет ограниченный характер. Основной пласт производных слов в обоих ареалах образуется за счет суффиксов литературного стандарта, причем преобладает разряд производных существительных, значительно меньше прилагательных и единично представлены суффигированные глаголы, поскольку для них ведущим словообразовательным приемом является конверсия; основной же пласт просторечной глагольной лексики формируется за счет метафорических переносов и глагольно-постпозитивных сочетаний.

Из стандартных суффиксов наиболее высокой продуктивностью характеризуются суффиксы -er и -y/-ie/-ey; дериваты с другими суффиксами в системе существительного единичны. Возможная структурная маркированность производных просторечных существительных с этими суффиксами может возникать за счет того, что они не закреплены за определенными лексико-грамматическими разрядами основ: weeper 'сентиментальный фильм' (weep 'плакать'), lifer 'преступник, приговоренный к пожизненному заключению' (life 'жизнь'), gooder 'уважаемый человек' (good 'хороший'), fiver 'пятидолларовая купюра' (five 'пять'), upper 'то, что стимулирует или возбуждает' (up 'наверху; выше'), froggie 'француз' (frog 'лягушка'), speaky 'звуковое кино' (speak 'говорить'), baddie *кинематогр.* 'злодей' (bad 'плохой'). Суффикс -er широко используется в дериватах, образованных от сложных основ и от стяженных в однослов-

ную единицу словосочетаний: pea-souper 'густой туман' (pea soup 'гороховый суп'), seventeener 'труп' (file seventeen 'корзина для мусора'), booter 'бутлечер' (bootleg liquor 'тайно продаваемые спиртные напитки; организованное преступление времен «сухого закона» в США'). В американском варианте английского языка широкое распространение получили структурно отмеченные просторечные существительные, образованные от глагольно-постпозитивных сочетаний. По позиции суффикса выделяют три типа. В первом -er оформляет постпозитив: elbow-inner 'навязчивый или назойливый человек' (elbow in 'навязываться; проталкиваться'), во втором типе -er присоединяется к первой основе: cooler-off 'прохладительный напиток', в третьем типе он оформляет оба компонента: filler-inner 'подмена; затычка'. В британском ареале продуктивен только второй, структурно не отмеченный (ср.: passer-by, hanger-on) тип, в американском — все три [215, с. 46]. Характерно при этом, что у отдельных композитов суффикс -er выступает как эмфатический усилитель, не меняя семантики мотивирующего слова: cool-off=cooler-off=cooler-offer. По данным второго издания словаря Г. Вентворта и С. Флекснера, третий тип получает в 70-е годы очень широкое распространение: в словаре фиксируется 174 слова [256]. Стилистическая нагрузка образований третьего типа может быть проиллюстрирована следующим примером: Rush Madder was a shyster in the Quorn Building. An ambulance chaser, a small time fixer, an alibi builder-upper, anything that smelled a little and paid a little more (Chandler, F., p. 230). Характеристика персонажа в повествовании осуществляется за счет цепочки синонимов, завершает которую семантически и структурно маркированный член: shyster 'стряпчий по темным делам', ambulance chaser 'адвокат, не брезгующий сомнительными сделками' (*букв.* 'адвокат, прибывший на место уличного происшествия вслед за каретой скорой помощи с тем, чтобы предложить свою помощь пострадавшему'), alibi builder-upper 'устроитель ложных алиби'.

К структурно-маркированным относятся также дериваты, образованные от усеченных основ, что для стандартной словообразовательной системы нехарактерно. Усеченные основы, как правило, оформляет суффикс -ie/-y и реже -er: libber 'член лиги эмансипации женщин' (Woman's Liberation Movement), ciggie/ciggy 'сигарета' (cigarette), teeny 'подросток' (teen-ager), tranie 'транзистор' (transistor) и др.[1]

В ономасиологическом аспекте наиболее характерной чертой суффиксального словообразования является косвенная мотивация, при которой в выборе признака, лежащего в основе номинации, большую роль играет субъективный фактор. Образность наименования в этом случае достигается за счет мета

[1] Приведенные слова впервые фиксируются словарем К. Барнхарта [236]

форы или метонимии. Так, перенос значения может носить шутливо-иронический характер (sleeper 'ночной сторож' от sleep 'спать'); за основу мотивации берется признак, прямо противоположный тому, который в действительности должен иметь место (slinger 'официант' от sling 'швырять', здесь деятель мотивируется по иронической оценке действия 'тот, кто швыряет на стол тарелки'); froggie 'француз' (метонимический перенос с пищи на ее потребителя), brainery 'университет' (brain 'мозг', в переносном значении 'интеллектуал'). Суффикс -ie/-y/-ey в нестандартных словах в отличие от слов литературного стандарта может оформлять не только дериваты ласкательно-уменьшительной семантики, но также и дериваты уничижительно-презрительной коннотации, ср.: dad — daddie 'папа' (стандарт) и chickey 'девушка' (chick *просторечн.* 'девушка'), stoolie 'полицейский осведомитель' (stool *просторечн.*, с тем же значением).

Наряду с суффиксами литературного стандарта в суффиксальном просторечном словопроизводстве используются суффиксы, структурно маркирующие производное слово как нелитературное. Все они, за исключением суффикса *-o*, функционируют только в американском ареале. В целом, их функциональная нагрузка весьма незначительна. Так, данные выборки из словаря Г. Вентворта и С. Флекснера, сделанные Т. А. Гусевой, дают следующее распределение: 943 субстантивных деривата, что составляет 92,5% слов выборки, образованы с помощью суффиксов литературного стандарта, и лишь 77 дериватов (7,6%) — с помощью стилистически отмеченных суффиксов [41].

Рассмотрим основные суффиксы, используемые в просторечной номинации. Суффикс -itis встречается в медицинских терминах — названиях болезней, заимствован из греческого языка (appendicitis, arthritis, bronchitis, laryngitis, meningitis, polimyelitis, neuritis, tonsillitis).Данный суффикс настолько связан в сознании людей с болезнями, что все просторечные образования с суффиксом -itis обозначают какую-нибудь болезненную страсть или желание, предпочтение, манию, а иногда и страх перед тем, что названо мотивирующим словом: Charlestonitis 'увлечение чарльстоном', Hollywooditis 'страстное желание стать кинозвездой', museumitis, theateritis, shooting-galleryitis 'мания ходить в музеи, кино и театры, тиры', limerickitis 'увлечение сбором шуточно-бессмысленных стихотворений', nicotinitis 'боязнь отравы никотином'. Суффикс -itis может «связывать» фразы и даже предложения, превращая их в довольно своеобразные по своей структуре просторечные образования: crossword puzzle — crosswordpuzzleitis 'мания решать кроссворды', Phi Beta Kappa — PhiBetaKappaitis 'страстное желание попасть в аристократическое студенческое общество', let George do it, ain't supposed to — let-George-do-it-itis, ain't-supposed-

to-itis 'ярко выраженное предпочтение перекладывать обязанности на других'. Производные просторечные слова с этим суффиксом получают иронический оттенок интенсивности, преувеличения. По своему семасиологическому статусу они относятся к свободным универбам, так как не имеют стилистически нейтральных синонимов.

Суффикс, который можно выделить в стандартных существительных auditorium, sanatorium, имеющий варианты -atorium/-torium/-orium, служит для образования производных, означающих какое-нибудь дешевое заведение: drinkatorium 'бар, пивная', hatatorium 'магазин мужских головных уборов', healthatorium 'вегетарианское кафе; спортивный зал', eatatorium 'кафе, закусочная', motortorium 'гараж', suitatorium 'магазин мужской одежды', printorium 'магазин по продаже репродукций' и т. д. У некоторых производных основа мотивирующего слова выступает в усеченной форме: beatorium 'косметический кабинет', theatorium 'кинотеатр', furnitorium 'мебельный магазин'. Производные существительные на -orium/-atorium характеризуются иронически-оценочной или фамильярной коннотацией и входят либо в разряд свободных аналогов (drinkatorium, eatatorium, healthatorium, motortorium), либо свободных универбов (hatatorium, suitatorium, printorium, furnitorium).

Суффикс -ateria/-eteria/-teria/-eria генетически восходит к латинской морфемной последовательности -ator/-etor (агентивный суффикс) + ia. В американском просторечии он вычленился по аналогии со словами испанского происхождения: основой аналогии, по всей вероятности, послужило слово cafeteria, поскольку семантические образования на -ateria относятся к сфере бытового обслуживания: canditeria 'кондитерская', fruiteria 'фруктовая лавка', sodateria 'киоск „Воды"', washateria 'прачечная' (*амер.*), 'моечная для автомашин' (*брит.*), healthateria 'вегетарианское кафе'. Наибольшее количество производных объединяется в дальнейшем в группу с общим значением 'лавки' для товаров, обозначенных мотивирующим словом: motorteria 'лавка на колесах', shaveteria 'лавка бритвенных принадлежностей', smoketeria 'табачный киоск' и др. В деривационном акте производящая основа может усекаться: mototeria (motor) или groceteria (grocery). В окказиональных образованиях суффикс -ateria может оформлять основы сложных слов: drygoodsteria 'галантерейная лавка', ice-creamateria 'кафе-мороженое'. Обладая локальным словообразовательным значением, суффиксы -ateria, -atorium образуют синонимические производные слова: bobateria — bobatorium, candyteria — candytorium, healtheteria — healthatorium, washeteria — washatorium. Иногда в таком ряду выделяются стандартные дериваты; ср. luncheteria — lunchatorium — lunchery — lunchette 'закусочная'. Производные слова с суффиксом -ateria имеют иронический оттенок неполноценности, иногда фамильярности, и в этом ни-

чем не отличаются от слов с суффиксом -atorium/-torium/-orium. Относятся они или к свободным аналогам: bobateria, healtheteria, candyteria, washateria, drygoodsteria, icecreamateria, groceteria или к свободным универбам: mototeria, shaveteria, sodateria.

Суффикс испано-американской этимологии -aroo/-eroo/-roo/-oo обычно имеет агентивное значение и соответствует стандартному суффиксу -er. Он сочетается с основами существительных, глаголов и реже прилагательных, образуя имена личного или вещного значения: Japaroo 'япошка', jackaroo 'ковбой', pipperoo 'чудо-парень', flopperoo 'неудачник; провал', buddyroo 'приятель', magoo 'большая шишка', skiboo 'телохранитель', sockeroo 'удача', switcheroo 'подмена' и т. д. Суффикс -aroo/-eroo/-roo/-oo используется не только для образования существительных, но и прилагательных: stinkaroo 'отвратный', cufferoo 'бесплатный', aceroo 'первый; лучший', pipperoo 'расчудесный'. Интересны по структуре производные mazoo 'деньги', mixuperoo 'мешанина', jitterbugaroo 'любитель танца «джиттербаг»'; в первом случае суффикс присоединяется к усеченной основе maz- (mazuma, из идиш), во втором — мотивирующим выступает сочетание to mix up; в третьем — сложная основа jitterbug. Все вышеуказанные дериваты, за исключением jitterbugaroo, являются свободными аналогами. Как правило, дериваты с суффиксом -aroo имеют фамильярно-уничижительную коннотацию. Во многом это определяется семантикой мотивирующего слова. Коннотация может быть как положительной, так и отрицательной, если дериват, дублируя по своей семантике мотивирующее слово, выступает как его экспрессивно усиленный синоним, ср.: flopperoo 'неудачник; провал' и flop с тем же значением или buddy — buddyroo 'приятель'. Показательна в этом плане просьба Стредлейтера написать за него сочинение: Be a buddy. Be a buddyroo (Salinger, p. 32).

Суффикс -o вычленился из состава слов мексиканского варианта испанского языка (по типу amigo, gringo, negro, loco, Americano). Он образован, по-видимому, под влиянием старого испанского винительного падежа существительных мужского рода, получающих окончание -o, что распространяется и на английские заимствования в языке испанских переселенцев. Так, Г. Менкен пишет, что bluffer 'обманщик' превращается в blofero, American — в Americano [189]. Следует заметить, что американцы итальянского происхождения также прибавляют суффикс -o к англосаксонским основам, в обоих случаях налицо диалектальные отклонения, присущие речи испанских переселенцев. Ср., например, англо-итальянские слова: bosso 'хозяин', carro 'автомобиль', floro 'пол', storo 'лавка', stritto 'улица', visco 'виски', gambolo 'картежник' и т. д. Кроме того, в американском экспрессивном просторечии имеются слова

иного происхождения, чаще всего заимствования: lobo 'хулиган' (lobo 'волк'), bronco 'дикая лошадь' (bronco 'грубый, дикий'), loco 'ненормальный' (loco weed 'дурман').

Суффикс -о выделился как экспрессивный просторечный суффикс в обоих ареалах английского языка. Однако статус его в языке имеет весьма нечеткий характер, а функциональная нагрузка варьируется в весьма широких пределах. Проявляется это в том, что он может присоединяться к основам разных частей речи и использоваться одновременно для образования существительных, прилагательных и глаголов. Основную нагрузку -о имеет в производстве имен существительных преимущественно личного значения. Семантически суффикс -о может нести смысловую нагрузку, но может и выступать экспрессивным усилителем, не меняющим денотативного значения мотивирующего слова. Существительные, образованные с помощью этого суффикса, могут мотивироваться существительными, прилагательными и глаголами: eggo 'лысый человек' (egg 'яйцо'; словообразовательный акт сопровождается метафорой), wetto 'пьяница' (wet 'мокрый'), feeblo 'слабоумный' (feeble 'слабый'), smoko 'перерыв; перекур' (smoke 'курить'), stinko 'пьяный' (stink 'дурно пахнуть'), keeno 'первоклассный' (keen 'отличный'), ratto 'доносить' (rat 'полицейский осведомитель') и др.

Суффикс -о может выступать семантически простым усилителем. Образования такого типа вполне допустимы в неофициальной разговорной речи и используются обычно либо в обращениях, либо в восклицательных предложениях, выражающих одобрение или похвалу: daddy-o 'папаша' (dad 'папа, папаша'), right-o (all right!) 'порядок!'. Особый тип образующ слова, являющиеся результатом аббревиации и суффиксации dollo от dollar, beauto от beauty; Chino от Chinese ('китаец') politico от politician ('политик'). Суффикс в образованиях подобного рода семантически пуст. Маркируя существительное образованное от существительного же, он привносит в него как правило, шутливую положительную оценку.

Суффикс -ino/-arino/-erino в отличие от суффикса в исконно итальянских словах, не вносит значения уменьшительности (ср. итал. bamba — bambino, casa — casino). Он, в основном, служит только как интенсификатор шутливо-иронической коннотации. Необходимо подчеркнуть, что слова с суффиксом -ino уж давно знакомы английскому языку. К. Ханзен [161, с. 61] дает примеры «итальянизированных» имен с -ino из пьес XVI века (пьесы Марло и Бена Джонсона). Кроме того, американцы итальянского происхождения немало способствовали широкому употреблению таких существительных, как bambino, casino, или создавали аналогичные новообразования типа gambolino 'картежник' от gambler.

Из современного экспрессивного просторечия США можно привести такие примеры, как bambino 'здоровенный парень

lookerino 'красотка', pearcherino 'нечто первоклассное', pipperino 'чудо-парень', whiskerino 'усатик; старичок', sockerino 'удача', buckarino 'доллар', pokerino 'игра в покер с мелкими ставками'. Дериваты на -ino/-arino/-erino входят в разряд свободных универбов (bambino, pearcherino, whiskerino и др.) или свободных аналогов (lookerino, pipperino, sockerino и др.).

Суффикс -ola вычленяется из состава заимствованных производных существительных, имеющих в итальянском языке уменьшительное значение (piano — pianola). В американском просторечном словопроизводстве в сочетании с основами существительных он может использоваться как своего рода экспрессивный усилитель: brick — brickola, stink — stinkola, torch — torchola, а также как семантически заполненная словообразовательная морфема: dude — dudola 'хозяин богатого ранчо', pay — payola 'деньги, полученные вымогательством', mick — mickola 'доза слабительного, положенная ради шутки в еду или питье'. Наиболее характерной для суффикса -ola является экспрессивная функция, и сочетается он, как правило, с односложными словами: flop — floppola 'полный провал', mug — muggola 'отъявленный дурак', schnozz — schnozzola 'рубильник (о носе)'. Бо́льшая часть дериватов на -ola относится к свободным универбам; свободные аналоги представлены единичными образованиями: fivola 'пять долларов'.

Французское существительное ville 'город' в литературном стандарте американского варианта является вторым элементом в некоторых названиях городов и фамилиях (Louisville, Yorkville, Nashville). По этой модели были образованы просторечные имена-прозвища городов: Derbyville, Sluggerville (Louisville), Stirville (Ossining, N. Y.); общеизвестным был неологизм 20-х годов нынешнего века Hooverville. Десемантизация корневой морфемы -ville начинается в середине 50-х годов, когда появляются такие новообразования, которые характеризуют лицо по какому-либо отрицательному признаку. Развернутое логическое суждение у производных с -ville передается структурой one is from ... ville: he's corny — he is strictly from Cornville; he's square — he's strictly from Squareville, he's from Dullsville; he's from Endsville (he's extremely dull; he's the best guy). Мотивирующее слово в таких образованиях может иметь форму множественного числа, поэтому в просторечии сосуществуют такие пары производных, как sleepville — sleepsville 'сонное царство' или squareville — squaresville 'приличное общество'. По всей вероятности, сам процесс десемантизации происходил в негритянском варианте американского языка, так как подобные образования существовали в старинных негритянских блюзах, например, drunkardville, deceivesville. Образования с данным суффиксом в зависимости от значения первого компонента относятся к свободным аналогам или к свободным универбам.

Суффикс -nik имеет два источника происхождения. Первый — это аналогия с заимствованиями из идиш, где дериваты на -nik обладают уничижительным оттенком: nudnik 'зануда'. Такую же коннотацию сохраняют и образования на английской почве: no-goodnik 'никчемный человек', all-rightnik 'соглашатель; подхалим', consumpnik 'потребитель'. Вторым источником, давшим суффиксу популярность, послужило русское производное слово *спутник*, облетевшее весь мир после запуска в Советском Союзе искусственного спутника Земли. По аналогии было образовано существительное yanknik 'американский спутник' (Yankee 'янки'), получивший также иронические синонимы flopnik (flop 'неудача, фиаско'), sputternik (sputter 'лопотание; суматоха'), goofnik (goof 'дурак, увалень'). Советские спутники с собаками на борту, в свою очередь, обозначались как pupnik (pup 'щенок'), goofnik ('дворняга').

Под влиянием моды в 60-е и 70-е годы в Америке появляется множество экспрессивно оценочных имен личного значения с суффиксом -nik. Как пишет Ч. Лэрд, в последние годы было образовано более 200 слов [181, с. 380]. В словаре К. Барнхарта суффиксу -nik отводится специальная словарная статья, в которой его происхождение возводится к двум аналогиям beatnik и sputnik, а самому суффиксу приписывается агентивное значение с насмешливо-презрительной коннотацией. К неологизмам в словаре относятся дериваты: cinenik 'любитель кино', citynik 'член городской общины, действующей на демократических началах всеобщего равенства', goodwillnik 'человек доброй воли', jobnik 'штабной солдат', Vietnik 'противник войны во Вьетнаме' и др. [235]. В настоящее время мода на дериваты с -nik, по всей вероятности, проходит. Образования на -nik в журнале "American Speech" представлены в списках неологизмов единицами, а второй словарь неологизмов К. Барнхарта их вообще не фиксирует [236].

Питательной средой для возникновения стилистически маркированных просторечных моделей суффиксального словообразования, по всей вероятности, послужили социальные условия сложения американской нации. Один из важнейших факторов их возникновения — этническая неоднородность, характерная главным образом для социальных низов, а также внешний демократизм социальных верхов общества, допускающих широкое употребление в официальных выступлениях, прессе, радио- и телепередачах, а также в рекламе «сочных» и ярких просторечных слов. Англия в этом плане более консервативна, а английская традиционная сдержанность речевого поведения накладывает своего рода запрет на формирование в языковой системе моделей экспрессивного этически-сниженного словопроизводства.

В то же время стилистически маркированные модели производных слов в американском ареале английского языка фор-

мируются в соответствии с общими закономерностями языковой системы, отражающими германскую базу словообразования. Ей исторически свойственны полная членимость производного слова, использование в качестве словообразовательной базы корневых слов, не случайно поэтому многосложные основы в деривационном акте могут подвергаться усечениям (аббревиация как словообразовательный прием используется в обоих вариантах английского языка), отсутствие морфологических чередований на морфемном шве и некоторые другие признаки.

§ 3. Словосложение

Так же, как и аффиксация, словосложение по своим структурно-морфологическим характеристикам строится на базе норм литературного стандарта, и так же, как в литературном стандарте, основной по частотным характеристикам является модель сложения двух субстантивных основ. По подсчетам Е. В. Ивановой, в литературном стандарте эта модель отражена в 58,2% слов из общей выборки в 2576 единиц, в нестандартной лексике — в 51% слов из общей выборки в 3260 единиц [51, с. 45]. Экспрессивность и стилистическая сниженность просторечных сложных слов, таким образом, достигается не за счет нарушения структурных норм, а за счет семантического осложнения словообразовательного акта метафорическими или метонимическими переносами значения сочетающихся основ. Соответственно, если для словосложения в языке литературного стандарта косвенная номинация — явление периферийное, в субстандарте она представлена несравненно шире (преимущественно как результат метафоры). Что же касается косвенно прямой номинации, то она составляет отличительную черту субстандартного словосложения. Эти выводы, сделанные на значительном языковом материале, излагаются в кандидатской диссертации Е. В. Ивановой [51].

Косвенная номинация основывается на ассоциации по сходству (метафора) или по смежности (метонимия). Ассоциативные связи, реализующиеся в процессе номинации, носят индивидуальный и фактически ничем не ограниченный характер, поскольку словообразовательный акт, как правило, индивидуален, а в выборе признака говорящий может ориентироваться на несущественные или скрытые связи между объектами действительности: flea-bag 'матрац' (*букв.* 'мешок для блох'), lard bucket 'толстяк' (*букв.* 'бочка свиного сала'), flat-tire 'зануда' (*букв.* 'проколотая шина'), hog-leg 'пистолет' (*букв.* 'свиная нога'), potato-trap 'рот' (*букв.* 'ловушка для картофеля'), wet-nose 'простак (*букв.* 'мокрый нос'), redcap 'носильщик' (*букв.* 'красная кепка').

При косвенно-прямой номинации этико-стилистическая сни-

женность сложного слова определяется тем, что один из его компонентов является нестандартным, либо реализует нестандартный переносный вариант значения: bughouse 'психиатрическая больница' (bug 'псих'), bugtest 'тест на определение умственных способностей', bugle-warmer 'шляпа' (bugle 'башка'), flophouse 'очень дешевый пансионат' (flop *просторечн.* 'кровать').

Значительную роль в экспрессивном просторечном словообразовании играет аналогия. Так, в студенческом жаргоне по аналогии с названиями учебных дисциплин на -ology были образованы такие шутливые наименования, как bugology 'энтомология', cowology 'вводный курс в технологию молочной промышленности', zerology=a nothing course, т. е. 'курс пустых лекций, которые можно не посещать'.

Аналогия действует и в системе литературного стандарта. Особенно широко она распространена в языках газеты и рекламы в Америке. Уотергейтский скандал вызвал к жизни целый ряд неологизмов с вторым компонентом -gate, обозначающих любой политический скандал, связанный с коррупцией государственных служащих: Hollywoodgate 'скандал, связанный с обвинением голливудского режиссера Д. Бергмана в присвоении 100 000 долларов', Muldergate 'скандал, вызванный деятельностью министра информации в ЮАР К. Мулдером', Dallasgate 'даллаский скандал' и др.[2] Опорным компонентом в аналогических образованиях может быть словообразовательная морфема (ology), семантически пустой отрезок слова типа -gate, отрезок, соотнесенный со словом, подвергшимся усечению. Примером последнего может послужить мода на образования с -aholic/-holic (от alcoholic), впервые зафиксированная в созданном В. Оутсом окказиональном телескопическом слове workaholic (work+/alco-/-holic) в 1972 году. Слова на -aholic/-holic, зарегистрированные во втором словаре К. Барнхарта, обозначают одержимость, пристрастие к тому, что обозначено основой, несущей в слове смысловую нагрузку: bookaholic 'книголюб', spendaholic 'мот', sweetaholic 'сладкоежка', wordaholic 'болтун' и др. [236].

Типично американской чертой просторечного словосложения является опора на аналогию со вторым компонентом сложного слова. Как уже отмечалось выше, эти опорные компоненты получили у Г. Вентворта и С. Флексенера название слов-суффиксов (suffix words). Это же название сохраняет за ними А. Д. Швейцер в своих работах «Литературный язык в США и Англии» [134] и «Социальная дифференциация английского языка в США» [136]. Термин «слова-суффиксы» нам представляется неточным, так как в нем стирается различие между служебными и корневыми морфемами, а также не учитывается тот фак-

[2] Списки слов см. в словаре К. Барнхарта [236].

тор, что серийность образований целиком покоится на аналогии, в результате которой опорный, серийно повторяющийся компонент, семантически не порывает с классом полнозначных слов.

Композиты с -boy, -bug, -hound обозначают лицо мужского пола. Стилистически более нейтрален композит -boy, близкий по семантике так называемому полусуффиксу -man в литературном стандарте; ср.: rod-boy=rod-man 'бандит', hatchet-boy=hatchetman 'профессиональный убийца', waterboy=waterman 'подлиза'. Наряду с субстантивными основами -boy может сочетаться и с основами глаголов: fly-boy 'летчик', blow-boy 'трубач', speed-boy 'бегун'. Стилистически неотмеченные композиты с -boy в отдельных случаях могут расширять свою семантическую структуру за счет переносных просторечных вариантов значения: cowboy (ковбой) 'сорви-голова; главарь шайки; большой сэндвич с различной начинкой' ('ковбойский сэндвич').

Композиты с -boy в большинстве случаев представлены свободными или связанными аналогами (lover-boy 'красавчик', willy-boy 'неженка') и редко — связанными универбами (waterboy 'подлиза').

Одним из многочисленных просторечных вариантов значения у существительного bug является вариант 'болельщик, любитель, энтузиаст', возникший, очевидно, под влиянием звукового сходства слов bug 'жук' и buff 'энтузиаст'. В просторечных композитах может реализоваться и вариант значения 'маньяк': firebug 'пироманьяк'. Композиты с -bug относятся либо к свободным аналогам (squanderbug 'мот; транжира'), либо к свободным универбам (jitterbug 'страстный поклонник свинга', shutterbug 'фотограф-энтузиаст'). Jitterbug 'любитель свинга' является одним из ранних образований этого типа и фиксируется в обоих вариантах английского языка, но переносные варианты значений в них расходятся. В американском варианте jitterbug может обозначать 'стиль, манера танца (как в свинге)', в британском — 'чрезвычайно нервный человек' и не зафиксированное словарями значение 'чрезвычайно нервное состояние': Do you feel like jitterbugging a little bit, if they play a fast one? Not corny jitterbugging, not jump or anything — just nice and easy (Salinger, p. 84). So I asked her, flat out, if she knew what Dr. Hart was up to. She turned all venomous and sort of spat at me. I've got a jitterbug (Marsch, p. 57).

Сложные слова с опорным существительным -hound, так же как и образования с -bug, обозначают 'любителя, поклонника или потребителя того, что названо первым компонентом'. Переосмысление в семантике второго компонента характерно и для его изолированного употребления. В разговорной речи как hound, так и синонимичное ему существительное dog, могут использоваться с оценочным значением лица мужского пола. Образования на -hound обычно представлены свободными уни-

вербами: rum-hound 'любитель рома', grog-hound 'любитель грога', tea-hound 'поклонник дамских вечеров с чаепитием', woof-hound 'поклонник джазовой музыки'.

Образования с опорными компонентами -head, -pot, -box, как правило, обозначают лиц мужского и, реже, женского пола. Качественная характеристика лица в сложном слове возникает за счет метафорических или метонимических переносов значения первого субстантивного компонента. Вторые компоненты сему лица могут приобретать в свободном употреблении или в процессе сложения, или же, наконец, получают ее от аналога, лежащего в основе серийных образований.

У существительного на -head первым аналогом послужило зарегистрированное в литературе более четырехсот лет тому назад существительное blockhead, в котором значение 'болван' возникло на базе метафорического переноса с исходного значения 'болванка для головных уборов и париков'. Этот образец оказался очень устойчивым и только за последние 150 лет дал в американском ареале такие имена отрицательной характеристики лиц мужского пола, как apple-head, balloon-head, banana-head, bean-head, bone-head, bun-head, cabbage-head, cheese-head, chicken-head, chuckle-head, clunkhead, dumbhead, fathead, hammer-head, knothead, knuckle-head, lard-head, lunkhead, meat-head, muscle-head, mush-head, mutton-head, peahead, tarkhead (всего 30 слов), образующих синонимический ряд, объединенный общим значением 'болван, тупица, дурак'.

Сложные имена с -pot могут обозначать лиц как мужского, так и женского пола и содержат шутливо-ироническую оценку: sex pot 'привлекательная женщина', rum-pot 'выпивоха'. Этот образец регистрируется в ограниченном количестве образований и в американском субстандарте в 40-х годах. Опорное существительное pot имеет в качестве одного из сниженных вариантов значение лица мужского и женского пола, но с неодобрительной коннотацией.

Сложные имена с box могут обозначать как человека, так и его голову, являющуюся «вместилищем тех качеств, которыми характеризуется человек». Одним из первых образований этого типа было существительное chatterbox 'болтун, болтушка' (chatter 'болтать'), принадлежащее к сфере разговорной лексики в обоих вариантах английского языка и развившее в американском варианте переносные значения 'пулемет' (аналог-жаргонизм), 'автоматическая радиоустановка' (универб-жаргонизм), 'отдел сплетен в газете' (универб-жаргонизм). Предметное значение для этой группы является ведущим: brain-box, dream-box, knowbox, think-box, knowledgebox с общим вариантом значения 'голова'.

Общим для сложных существительных с опорными компонентами -house, -shop, -joint выступает локальное значение. Объектом наименования для них является какое-либо общест-

венное заведение коммерческого, увеселительного характера, или места, где можно недорого и быстро поесть. Целевое назначение заведения определяется первым компонентом, который в сложном слове обычно реализует сниженный вариант значения: flop-house 'ночлежка' (flop *просторечн.* 'кровать'), hockshop 'ломбард' (hock *просторечн.* 'заклад'), hopjoint 'притон наркоманов' (hop *просторечн.* 'опиум').

Наиболее продуктивным является аналогический образец с -joint, образования с которым могут включать стандартные слова: beer-joint 'пивной бар', feed-joint 'закусочная'. Сложные слова с -joint выступают как свободные аналоги: scatter-joint 'бар, салун', juice-joint 'ночной клуб', или свободные универбы: grab-joint 'прилавок с горячими сосисками и леденцами', coffee-and-cake-joint 'небольшая фирма с ограниченным капиталом' (coffee and cake *просторечн.* 'малая сумма денег; жалованье, которого хватает только на пропитание').

Приводимый Г. Вентвортом и С. Флекснером [265] список «слов-суффиксов» в системе американского субстандартного словосложения, естественно, не ограничивается приведенными выше образцами сложения, основанного на аналогии. В него включены слова простой структуры типа -ape (wood-ape 'лесоруб'), -jockey (jet-jockey 'пилот'), -monkey (grease-monkey 'механик') с общим метафорически переносным значением 'работяга' (*презр.*), -fiend (cigarette-fiend 'заядлый курильщик'), а также слова со второй производной основой типа -artist (*booze artist, booze-fighter 'алкоголик'*), -chaser (*skirt-chaser* 'бабник'), -eater (bean-eater 'бостонец') или основой с маркером типа -burger с опорным образцом hamburger 'разрезанная булочка с котлетой и какой-нибудь острой приправой' (см.: beefburger, cheeseburger, chickenburger, turkey-burger и др.). В разряд «слов-суффиксов» включены также вторые компоненты существительных, образованных от глагольно-постпозитивных сочетаний: -awayer из goer-awayer (go away 'уходить'), -offer из cooler-offer (cool off 'охлаждать') и др. Эти отрезки, так же как и опорный компонент -burger или проанализированные ранее опорные компоненты -gate и -aholic, словиого статуса не имеют. Таким образом, выделяемый в словаре разряд «слов-суффиксов» оказывается очень неоднородным как по своим морфологическим, так и семантическим свойствам, ибо в него включаются основы, равные слову (простые и производные), и отрезки слов. Фактически образования со «словами-суффиксами» подразделяются на три структурно-семантических типа. Первый включает сложные существительные, аналогом для которых служат сложные слова с опорным серийно повторяющимся компонентом, имеющим статус слова (-boy, -head и др.), во втором типе опорным образцом служат слова-слитки (workaholic из work+alcoholic), в третьем — компоненты, вычлененные из состава простого или сложного слова и не

тождественные слову (образования с -gate, -burger, -offer). Все они не являются структурно отмеченными образованиями, так как в них отражается общая тенденция, охватывающая стандартную и нестандартную лексику. Не случайно поэтому основной массив дериватов со «словами-суффиксами» составители словаря помещают не в основной корпус, а в приложение, где социальная стратификация слов не дается.

Аналогические сложные слова имеются также и в разряде просторечных прилагательных. Наибольшее количество сложных прилагательных концентрируется вокруг вторых опорных компонентов -happy и -crazy. Компонент -happy «входит в моду» в середине 40-х годов и фиксируется во множестве дериватов времен второй мировой войны. Семантически все они объединены значением 'думающий о, одержимый тем', на что указывает первый, субстантивный компонент сложного слова. Эмоции при этом могут носить как отрицательный, так и положительный характер. Отрицательная эмоциональная коннотация особенно характерна для военных солдатских жаргонизмов: bomb-happy 'одержимый ужасом бомбежки', island-happy 'слегка свихнувшийся от долгого одиночества островной жизни'. Отрицательную коннотацию прилагательные этого типа получают в результате переноса значения happy от 'счастливый' к 'безумный; одержимый'. С таким же значением выступает синонимичный -happy опорный компонент -nutty (от nut, nuts 'псих'). Ср.: I reckon they were kept too long in action. They're *bombnutty*. They called it shell shock in World War One (Fuller, p. 40). My legs now began to feel shaky but my head was widely elated. I laughed at Roy's slightest witticism and consumed a mug of tea as though it had been champagne, I was, in fact, slightly *bomb-happy* (Ibid., p. 93).

Большинство сложных прилагательных этой структуры сохраняют семантику опорного компонента, обозначающего «одержимость» тем, что передается первым компонентом: car-happy 'увлекающийся автомобилями', skirt-happy 'волочащийся за женщинами', gin-happy 'пьяненький'. Все дериваты с -happy относятся к свободным универбам.

В 40—50-х годах в американском молодежном жаргоне приобретает популярность синонимичный -happy опорный компонент -crazy. Сложные прилагательные имеют общее значение 'жаждущий, думающий только о том, что названо первым субстантивным компонентом': movie-crazy 'увлекающийся кинематографом', speed-crazy 'любящий быструю езду', booze-crazy 'чрезмерно увлекающийся спиртными напитками'. Образования с -crazy являются свободными универбами и преимущественно относятся к жаргонизмам, поскольку за пределы молодежного жаргона они не выходят.

Реже в качестве опорных компонентов у сложных прилагательных такой же семантики, как -crazy, используются прила-

гательные daffy, dippy, dizzy: doll-daffy, doll-dizzy, doll-dippy (doll с метафорическим переносом 'кукла' → 'хорошенькая женщина; красотка').

Семантически сложные прилагательные с перечисленными выше опорными компонентами коррелируют со сложными существительными, у которых опорный компонент реализует значение 'любитель; энтузиаст' (-bug, -nut, -fiend).

§ 4. Контаминация

Контаминация является сравнительно молодым приемом словообразования, получившим широкое распространение в XX веке. Свое начало она берет в системе терминообразований и языке рекламы, откуда проникает и в нестандартную лексику. По подсчетам А. Ю. Мурадян, из общей выборки в 1422 слова 23% всех новообразований дает рекламный текст и 16% относится к экспрессивной просторечной лексике [81, с. 3] Классическим примером контаминированных образований может служить слово литературного стандарта smog 'смесь тумана с дымом' из sm(oke) + (f)og.

Механизм контаминации изучен достаточно полно,[3] но единого термина для обозначения слов этой структуры пока еще нет. В отечественной англистике используются термины «слова-слитки», «слова-спайки», «слова-амальгамы», «контрактуры», «сложносокращенные слова», «телескопические слова», «бленды», «стяжения». В работах зарубежных авторов этот список несколько короче: blends, portmanteau words, telescoped words, contamination.

Образование слов-слитков осуществляется по одному из пяти формальных типов:[4] 1) начало первого слова + целое второе слово (Amerasian из Ameri(can) + Asian); 2) целое первое слово + конец второго слова (slimnastics is slim + (gym)nastics); 3) два целых слова, частично накладывающихся друг на друга в месте соединения: (swingle из swing+single); 4) начало первого слова + конец второго слова (smog); 5) слово или часть его помещаются «внутри» другого исходного слова (chortle из chuckle + snort).

Предметно-логическое значение слов-слитков не является суммой значений составляющих их компонентов, и это семантически роднит их со словами сложной структуры. Логические суждения, лежащие в основе свернутого наименования, отражают различные смысловые связи между компонентами слов-слитков: jargonaut = jargon + (argo)naut 'a person who uses jargon excessively' (в мотивировку включается и шутливое обыгрывание осколка -argo- из argonaut, омонимичного слову

---

[3] См. обзор литературы вопроса в [81, 115].

[4] Классификация разработана А. Ю. Мурадян [81].

argo 'арго, жаргон'). В литературном стандарте слова-слитки используются для обозначения понятий, не имеющих однословной единицы номинации. Подобное явление наблюдается и в стилистически сниженной лексике. Так, в студенческом жаргоне обоих ареалов можно выделить такие свободные универбы, как brunch (breankfast and lunch), brupper (breakfast and supper), tunch (tea and lunch), tupper (tea and supper), tinner (tea and dinner), loosy (loose and easy), scrowsy (screwy and lousy), cheeribye (creerio and goodbye).

К. Ханзен [161], ссылаясь на ряд лингвистов, считает, что контаминация более характерна для американского варианта, к тому же выводу в отношении американского просторечия приходят Л. Соудек [215, с. 93] и А. А. Миллер [79, с. 55].

В зависимости от стилистической принадлежности исходных слов можно выделить следующие типы слов-слитков:

1) оба слова — из литературного стандарта: fride (free+ +ride) 'бесплатная поездка', morried (married+worried) 'озабоченный семейной жизнью';

2) одно из слов принадлежит к литературному стандарту, другое — к просторечию: pojam (poet+jam) 'скверная поэма';

3) оба слова технические термины, значение слова-слитка — метафоризация этих терминов: sprog (sprocket 'ценное колесо'+cog 'шарикоподшипник') 'новобранец' (авиация);

4) оба слова относятся к просторечию и обычно являются синонимами, слово-слиток либо получает новое значение (а), либо значение не изменяется (б): а) goon (goof 'дурак'+loon (fool) 'дурак') 'немецкий охранник', б) mazoola (mazuma+ +moola) 'деньги';

5) оба слова принадлежат просторечию, значение слова-слитка то же, что и составных слов: scrowsy (screwy+lousy) 'абсурдный, бесполезный'.

6) оба слова — из литературного стандарта и являются синонимами, значение слова-слитка совпадает с их значением: fantabulous (fantastic+fabulous) 'фантастический', gringy (grimy+dingy) 'грязный'.

Типы 1, 2, 4а, 5 следует отнести к свободным универбам, так как значения этих слов можно передать только описательной дефиницией; типы 3, 4б, 6 являются свободными аналогами: они имеют стилистически нейтральные синонимы в литературном стандарте.

Типы 1, 3, 6 имеют одинарное кодирование или одинарную просторечность, типы 2, 4а, 4б и 5 — двойное кодирование или двойную просторечность в зависимости от контаминации слов литературного стандарта и технических терминов (одинарное кодирование) или просторечных элементов (двойное кодирование). Отметим, что данное явление можно проследить при образовании структурно отмеченных элементов просторечия при

помощи таких процессов, как сокращение и обратное разложение, о которых речь пойдет ниже.

Слова-слитки, как уже отмечалось выше, образуются не механическим сокращением исходных слов, а намеренным, семантически мотивированным их стяжением: созданием нового слова из двух «осколков», как правило, с новым предметно-логическим значением. В просторечной лексике они обычно получают определенную коннотацию, характерную для просторечных элементов, с преобладанием того или иного оттенка: уничижительного, фамильярного, иронического, саркастического и т. п. Это свойство иногда используется в литературе для создания комического эффекта, особенно при обыгрывании авторских окказионализмов, образованных контаминацией: He dreamt that he saw the Buffalant (buffalo+elephant) and the spottified Dromedaraffe (dromedary+giraffe). Окказионализмы Buffalant и Dromedaraffe относятся к безэквивалентной лексике, обозначая в первом случае помесь буйвола со слоном, а во втором — верблюда с жирафом.

§ 5. Аббревиация (сокращения)

Аббревиация является очень характерным для нестандартной лексики словообразовательным приемом. Просторечные сокращения классифицирует Соудек [215, с. 102], взяв за основу классификацию Есперсена [168]. Он выделяет четыре их типа с учетом того, какая часть слова сохранилась в результате сокращения: тип X — (начало), тип — X — (середина), тип — X (конец), тип X—X (*начало и конец*). Возможна классификация сокращенных просторечных элементов в зависимости от того, какая часть слова опускается [79, с. 56]: апокопа (*усечение конца слова*), аферезис (*усечение начала слова*), синкопа (усечение середины слова), сочетание апокопы и аферезиса. И в том и в другом случае выделяются четыре основных типа сокращения просторечных элементов, поэтому принципиального различия обе классификации не имеют.

Самым продуктивным типом сокращения является апокопа: batt (battalion), biblio (bibliographical), bish (bishop), cam (camisole), cert, certif (certificate), champ (champion), choc (chocolate), cig (cigarette), con (convict), corp (corporal), croc (crocodile), diff (difference), dig (dignity), lav (lavatory), loco (locomotive), mon (money), terrif (terrific), on appro (on approbation, on approval), ref (referee, reference) circs (circumstances), digs (diggins-lodgings), ops (military operations), specs (spectacles for the sight).

При усечении конца слова аббревиатура может претерпевать графические изменения: ambition>ambish, business>biz или маркироваться суффиксом: marvellous>marvy, vegetables>veggies, ammunition>ammo. Кроме того, в результате апо-

копы могут создаваться цепочки омонимов. Семантическая двусмысленность, созданная омонимией, снимается на уровне речевой реализации, к примеру, популярный клич ливерпульских футбольных болельщиков Bye a bewk, refl ('Судья, купи свисток!') с сокращением-апокопой ref не имеет ничего общего с фонетически идентичным сокращением в следующей фразе из юмористического романа Вудхауза: It's with ref to your butler, sir (Wodehouse, G., p. 73).

Вслед за апокопой по продуктивности следует аферезис: bone (trombone), copter (helicopter), cot (apricot), fume (perfume), gator (alligator), gram (telegram, radiogram), jack (blackjack), shine (moonshine), tini (Martini-cocktail), bo (hobo), cutor (prosecutor), juane (marijuana), mum (chrysanthemum), thuse (enthusiasm). Иногда наблюдаются графические изменения в аферезисах: croot (recruit), peter (repeater), skee (whisky), skeeter (mosquito), tash (moustache), очень редко — фонетические: brolly (umbrella).

Еще менее продуктивной является синкопа: ma'am (madam), bacty (bacteriology), bonza (bonanza), duz (duplex), mux (multiplex), recce (reconnaissance), telist (telegraphist).

Наименее продуктивен смешанный тип сокращений (апокопа+аферезис): davy (affidavit), fess (professor), Gypo (Egyptian), quizzy (inquisitive), tec (detective). Наблюдаются иногда графические изменения и наличие окончаний как в апокопах, аферезисах, так и синкопах. При омонимии семантическая двусмысленность снимается на уровне речевой реализации. Так, сокращение апокопа+аферезис tec омонимично сокращению-апокопе tec (technical college, institute); очевидно, что в реплике персонажа из комедии Б. Шоу «Пигмалион» речь идет о детективе: The Bystander. He ain't a tec. He's a blooming busybody: that what he is (Shaw, p. 107). Очень редко можно встретить сокращения — апокопа+синкопа, аферезис+синкопа: Mespot (Mesopotamia), pram (perambulator), dick (detective).

Как и в литературном языке, в нестандартной лексике получил большое распространение инициальный тип сложносокращенных слов, т. е. сокращения, составленные из начальных букв. Анализ аббревиатур по орфоэпическому признаку, словообразовательной способности и способности к дальнейшему словопроизводству показывает, что просторечные аббревиатуры, в изобилии представленные на страницах авторитетных словарей английского сленга, обычно ничем не отличаются от аббревиатур литературного стандарта.

§ 6. Обратное образование

Обратное образование представляет собой такой словообразовательный прием, при котором мотивирующее слово в силу

звукового совпадения его финали с суффиксальной морфемой или маркером подвергается десуффиксации с выделением части в самостоятельную лексему. Семантически отношения словообразовательной производности в этом случае принимают такую схему, при которой более сложное по своему составу слово выступает мотивирующим, а более простое — мотивированным: to edit (editor), to peeve (peevish). С течением времени такое направление производности может меняться. Классическим примером тому служит глагол to beg 'просить', генетически восходящий к существительному beggar 'нищий' (от beggard, заимствование из старофранцузского языка).

Этот прием в специальной литературе имеет различные наименования: «обратное образование», «регрессивная деривация», «реверсия» и в английском языке: back-formation, erroneous decomposition, erroneous desuffixation, regressive derivation. Л. Блумфилд [13, с. 450 и сл.] объясняет этот процесс действием аналогии при словообразовании, когда за основу принимается деривационная модель, обладающая четким значением. Суть процесса состоит в опущении последней части слова, которую носители языка воспринимают по аналогии с существующей деривационной моделью как суффикс, хотя эта часть слова может им и не быть. Блумфилд анализирует обратное разложение (его «обратная деривация») в литературном стандарте и приходит к выводу, что структура слова нередко обусловливается обратной деривацией, но установить это, как правило, довольно трудно.

В нестандартной, как и в стандартной, лексике наиболее продуктивно образование глаголов от прилагательных и существительных, реже встречаются полученные путем обратного разложения существительные [79, с. 57]: ankle → to ank 'бродить', author → to auth 'писать', butler → to buttle 'исполнять обязанности дворецкого', janitor → to janit 'работать санитаром', dill → dilly 'простак' и др.

Особенностью современного субстандарта является тенденция все к большему употреблению образованных обратным разложением «псевдосложных» глаголов (термин Марчанда, [184. с. 96—107]). К таким глаголам можно отнести body-snatch, hi-jack, soda-jerk (to work at a soda-fountain), trouble-shoot (to repair). В ряде случаев невозможно решить, в результате какого процесса образуются подобные глаголы: действует ли здесь обратное образование глаголов от сложных существительных со вторым производным компонентом на -er или -ing (baby-sitter → to baby-sit, window-shopping → to window-shop) или словосложение, которое в американском варианте английского языка становится продуктивным способом образования глаголов.

В английском ареале можно обнаружить также и другие

аббревиатуры отмеченных образований: ack emma=air mechanic, esse emma=sergeant-major, emma pip=military police.

Все приведенные образования отвечают экспрессивно-семантическим тенденциям и представляют собой различные случаи языковой контаминации, понимаемой в широком смысле данного термина. Именно здесь можно проследить, как социально-стилистическая направленность влияет на структуру слов: потребность в усилении коннотации для придания слову определенной социально-стилистической нагрузки ведет к структурной отмеченности, в данном случае — к нарушению его фонетико-морфологического облика.

§ 7. Редупликация

Редупликации как одному из древнейших приемов словообразования (а в истоке своем и словоизменения) посвящена обширная специальная литература как в отечественном, так и зарубежном языкознании. Детально анализирует редупликативные образования с рифмованным и аллитерационным повторами и предлагает их классификацию К. Ханзен [162]. Значительное внимание словам этой структуры уделяет и Г. Марчанд [183—184]. Приводя свою менее дробную классификацию и акцентируя ономасиологический аспект словообразовательного акта, он исходит прежде всего из его фоносемантической сущности. Некоторые обобщения по литературе вопроса и обширная текстовая выборка редупликативов из современной английской и американской художественной литературы содержатся в кандидатской диссертации Л. И. Петровой [85]. Однако основной вывод по работе, в соответствии с которым редупликация рассматривается как подтип словосложения, в теоретическом плане представляется несостоятельным, поскольку тождество компонентов редупликатива слову не является обязательным условием их существования. К редупликации обращаются и специалисты в области английской нестандартной лексики. В словаре американского сленга [256] и книге Л. Соудека [215] имеются специальные разделы, в которых детально освещаются структурные характеристики редупликативов. Такой интерес к образованиям данного типа не случаен. В силу своей экспрессивности, которая возникает в результате взаимодействия формальных, содержательных и звуковых (точнее фоносемантических) признаков, редупликативы создаются и функционируют в разговорной речи. Их место и роль в системе языка определяются общими закономерностями номинационных возможностей, заложенных в системе.

В литературный стандарт эти слова входят из разговорного языка (англ. tip-top, hocus-pocus или рус. *чудо-юдо, шиворот-навыворот*), и в языке они могут храниться веками. Так, Шекс-

пир употребляет helter-skelter 'суматоха, беспорядок', hugger-mugger 'тайна, беспорядок,, hurly-burly 'сумятица, переполох', skimble-skamble 'бессвязный'; у его современников находим flim-flam 'ерунда', fiddle-faddle 'пустяки, глупости; болтовня', riff-raff 'подонки общества, отбросы' [144, с. 569]. В комедии Деккера «Праздник сапожника» (1599 г.) встречаются flip-flap 'хлопающий звук; шутиха', tittle-tattle 'сплетня, слухи', gibble-gabble 'болтовня'. Приведенные слова даются в толковых словарях современного языка, как правило, без помет, но основная сфера их обитания в художественных произведениях — это прямая, а не авторская речь. Показательно также и то, что в словаре К. Барнхарта все включенные в него редупликативы даются с пометой sl., т. е. сам словообразовательный прием стилистически маркирован, но образованное с помощью этого приема слово может либо войти в нейтральный вокабуляр, либо оставаться просторечным. Примерами просторечных неологизмов, включенных в словарь К. Барнхарта, могут служить такие редупликативы, как Dehli belly 'понос' (вызванный индийской кухней), fave-rave 'культ популярного певца', fender-bender 'автомобильная авария', pooper-scopper 'совок для сбора нечистот на улице' [236].

Вслед за Г. Марчандом мы выделяем две основные группы редупликативов: с аблаутом (Ablaut Combinations) и рифмованные (Rime Combinations). Первые образуются на базе чередования корневых гласных: fiddle-faddle 'вздор, чушь', chit-chat (а также shitter-chatter) 'болтовня', wibble-wobble 'идти, волоча ноги', tip-top 'превосходный; первоклассный', вторые — на базе рифмы: killer-diller 'красавчик', hibbie-jeebie 'треволнения', goody-goody 'отличный'. Возможны и смешанные случаи, когда наряду с аблаутом и аллитерационным повтором используется и рифма: chitter-chatter (реже chatter-chitter).

Как уже отмечалось выше, существуют различные классификации редупликатов. В настоящей работе мы на них не останавливаемся и не предлагаем своей классификации, так как это потребовало бы специального исследования с позиций фоносемантики, что не составляет ее цель. Для того чтобы читатель мог получить представление о семасиологической и стилистической нагрузке редупликативных образований, мы ограничимся описанием их номинативной функции. По этому признаку редупликативы можно разделить на две группы. В первой повтор несет словообразовательную нагрузку и является способом образования просторечных слов с новым предметно-логическим значением. Во второй повтор выполняет стилистическую функцию при сохранении предметно-логического значения, которое включено в семантику одного или обоих компонентов редупликатива.

Первая группа представлена такими образованиями, как chin-chin 'болтовня' (chin 'подбородок'), dust-dust 'новоиспе-

ченный унтер-офицер' (dust 'пыль'), racket-jacket 'модный костюм' (racket 'вымогательство', jacket 'пиджак'), jowler-yowler 'бродячий кот' (jowler 'тупик', yowler 'кот'). Если один из компонентов нетождествен слову, семантически опорным выступает компонент, обладающий предметно-логическим значением: conny-onny 'сгущенка' (conny 'консервы'), boogie-woogie 'буги-вуги' (boogie 'негр-джазист'), fuddy-duddy 'отсталый тип' (duddy 'потрепанный'). Звуковая символика является семантической базой тех редупликативов, оба компонента которых не равны слову: foo-foo 'глупец; тальк; дешевые духи', ga-ga 'ненормальный', argy-bargy 'перебранка', okie-dokie 'окей; порядок', hanky-panky 'обман; адюльтер'.

Полные повторы типа choo-choo, too-too 'поезд', moo-moo 'корова', bow-bow 'собака' (ср. с рус. *ту-ту, му-му, гав-гав*) особенно характерны для детских форм (термин Блумфилда).

Слова этой группы могут включать основы слов литературного стандарта (dust-dust), основу диалектального слова (kittle-cattle) 'ненадежный тип', основы просторечных слов (flub-dub) 'увалень, бестолочь'.

Все образования первой группы обладают иронически-шутливой коннотацией и входят в разряд свободных аналогов.

Во второй группе значительное место занимают «детские формы» шутливо-ласкательной и уменьшительной коннотации: tum-tum 'животик' (tummy), beddie-weddie 'кроватка' (bed), handsy-wandsy 'ручки' (hand), goody-goody 'пай-мальчик'. Иронически-пренебрежительную коннотацию приобретают в таких образованиях слова из вокабуляра взрослых: thriller-diller 'бестселлер; сенсационный фильм' (thriller), killer-diller 'красотка, красавчик; чудо-вещь' (killer). Особый структурный тип, свойственный только субстандарту, образуют редупликативы с начальным shm- во втором компоненте: actor-shmactor 'бездарный актер', picture-shmicture 'халтурная картина'. Анализ таких образований содержится в работах Л. Шпитцера [217], Г. Кирхнера [173—174], а список наиболее распространенных слов приведен в приложении в словаре американского сленга [256]. В английский язык, по мнению этих авторов, структура с shm- вошла из идиш, который, в свою очередь, заимствовал ее из славянских языков (ср. с рус. *танцы-шманцы*). Л. Шпитцер приводит ряд курьезных примеров из романа А. Коблера «Моя дорогая Бэлла», в котором автор передает речевые особенности евреев-эмигрантов, проживающих в Нью-Йорке: docteh-schmocteh (doctor), colt-schmolt (cold), robber-plent=schmobber-plent (rubber plant). Фактически любое стилистически нейтральное слово может быть понижено в ранге с помощью приставочного элемента sh-(sch-) в редупликативах с рифмой. Так же как и редупликативы первой группы, редупликативы второй группы являются свободными аналогами.

§ 8. Слова-«перевертыши» и спунеризмы

В зарубежном языкознании к «перевертышам» и спунеризмам относят дериваты «оборотного» и «срединного» сленга. Они могут рассматриваться фонетически, поскольку образуются путем перестройки звукового облика слова с сохранением или расширением его фонемного состава. Этот прием также допускает замену обычно инициальной фонемы. В семантическом плане они характеризуются тождеством значения исходного и вторичного слова. Впервые в англистике их записал Мейхью в 50-х годах XIX века. Он подчеркивал, что многие уличные торговцы не умели ни писать, ни читать, поэтому все выражения существовали только в устной форме, отражающей произносительные навыки необразованного люда лондонских трущоб (цит. по [212, с. 151]). Другую точку зрения высказывает С. Флекснер, указывая на письменную форму использования «оборотного сленга» [256], что, по нашему мнению, маловероятно, если принять во внимание сферу его употребления.

Дж. Хоттен дал первый список выражений «оборотного сленга» в алфавитном порядке (151 образование) и определил время появления их на улицах Лондона — примерно начало 40-х годов XIX века [245, с. 280—284, 277]. В русском переводе этого словаря читаем, что «„оборотный сленг" весьма скоро усваивается и обыкновенно употребляется разносчиками для сообщения секретов их уличной торговли, убытков и барышей от продажи их товаров и для того, чтобы отуманить глаза своих естественных врагов — полицейских» [233, с. 231].

Таким образом, помимо основного признака — структурной отмеченности «оборотный сленг» имел также отличительные черты: профессиональную детерминированность и локальную принадлежность. То же самое можно сказать и о «срединном сленге».

Самым простым способом является обычное перевертывание, произнесение засекреченного слова с конца: kool (look), dab (bad), dabtros (bad sort), dlog (gold), enif (fine), eno (one), mur (rum), nam (man), nig (gin), noom (moon). Существительные с флексией мн. числа -s образуются тремя способами: а) флексия выступает начальным звуком: sneerg (greens), spinsrap (parsnips), stun (nuts), storrac (carrots); б) флексия занимает обычное конечное положение: yobs (boys), tops (pots), yads (days) enobs (bones), neegrs (greens); в) флексия находится в начале и в конце образования: stunlaws (walnuts), sithnoms (months).

Перевертыванию подвергались и просторечные словоформы — кентизмы birk (crib — house), esnop (ponce—prostitute's bully); слова из кокни ekom (moke — donkey), rutat (tatur — potato). В них налицо двойное кодирование изначальных

стандартных словоформ, они засекречены дважды: (house) — crib — birk, (potato) — tatur — rutat.

Некоторые «перевертыши», как показывает их написание, т. е. словарная фиксация, получают характерный для произношения кокни эпентетический звук (h) перед «немым» гласным, звучащим в образованиях «оборотного сленга», например, helbat (table), dabheno (bad one), doogheno (good one).

Эпентетический гласный может предшествовать начальному согласному (exis (six), elrig (girl), yenork (crown)) или вклиниваться между двумя согласными (dillo (old), kennurd (drunk), tenip (pint), selopas (apples)). Очевидно, что гласный необходим здесь для облегчения произношения «перевертышей». То же самое можно сказать и в отношении метатезы соседних звуков: pinurt (turnip), straps (sprats).

В некоторых случаях написание «перевертышей» отражает особенности произношения кокни дифтонгов: nire (rain), rape (pear), toac-tisaw (waistcoat). Начальный придыхательный (h) при превращении стандартной словоформы в «перевертыш» становится конечным и звучит как [tʃ] или [ʃ], что отражает написание: tach (hat), esroch (horse), flatch (half), soush (house).

Более сложные случаи образования выражений «оборотного сленга» можно проиллюстрировать такими примерами, как teaich (eight), evlenet (twelve), slop — esclop (police).

Помимо отдельных слов у лондонских уличных торговцев были в ходу фразы a top o'reeb (a pot of beer), a dooghene or dabheno (is it a good or bad market?), cool ta the dillo nam, nemo(w) (look at the old man, woman), ni-og ot takram (going to market), cool ta the esclop! (look at the police!).

Как указывают некоторые исследователи кокни [185, с. 152], «оборотный сленг» до второй мировой войны был в Лондоне популярен среди торговцев, особенно среди мясников, которые часто употребляли фразы вроде delo woc (old cow), tib o'the delo (bit of the old), а также среди игроков в карты, которые при ведении счета используют «оборотные» образования: eno (one), owt (two), erth (three), rouf (four) и т. д.

Более сложный тип эзотерического кода уличных торговцев Лондона — «срединный сленг» — появился несколько позднее, чем «оборотный сленг». Дж. Хоттен приводит в словаре 1859 года 6 примеров. Эти образования получают исходы на -mer, -fer, -ee, а начальный гласный предваряется эпентетическим (h): hugmer (mug), hoolerfer (fool), hafter (flat), hevethee (thief), helshewer (welsher-swindler), hickister (sticker-up-supporter). В двух последних примерах налицо двойное кодирование: swindler — welsher — helshewer; supporter — sticker up — hickister.

К примерам Дж. Хоттена Э. Партридж [196, с. 277—278] добавляет anguaagela (language), eautybeau (beauty), eekcher

(check), ettswe (sweet), eisepie (piece), genitrane (farthing), ietqui (quiet), ightri (right), oolfoo (fool), lemoncholy (melancholy).

В художественной литературе примеры на «срединный жаргон» нам не встретились, К. Тильке обнаружил только один случай (с образованием aster-ba — bastard) [222, с. 104].

Оба типа эзотерического кода не привились на американской почве; в словаре Г. Вентворта и С. Флекснера дано всего 10 примеров [256]. Это, возможно, объясняется их поздним появлением в речи и ограниченной сферой употребления.

Образования обоих «сленгов» легко выделяются в речевом потоке благодаря структурной отмеченности и относятся к свободным аналогам. Другая отличительная черта этих образований — локальная принадлежность — дает право рассматривать их как элементы кокни в его профессионально-детерминированной форме (deep Cockney of costermongers).

Примером «словесной игры» для создания эзотерического кода (вернее его элементов) выступает всяческого рода gibberish: G-gibberrish, F-gibberish, M-gibberrish и т. д., популярные среди детских коллективов. Самым простым примером создания gibberish служит прибавление определенного звука или слога к каждому слову: howg dog youg dog? — howl dol youl dol? — howis dois youis dois? — (how do you do?); yougree cangree talkgree Greegree (you can talk Gree); youna canna talkna Nana (yon can talk Na); sk-you sk-cap sk-talk sk-Skimono sk-jive. Более сложный тип — включение звука между слогами: goming mout tomdaym, gosing sout tosdays (going out today) или прибавление слога (например, ab) перед гласными: thabis abis aba sabample abof thabe nabew labanguage (this is a sample of the new language). (Примеры заимствованы из [169, с. 196; 196, с. 279; 256, с. 608].)

Наиболее известен из gibberish "Pig, Hog, Dog Latin", в котором первый звук (на письме буква) слова переставляется на конец с добавлением «суффикса» -ay: ouyay ankay alktay igpay Atinlay (you can talk pig Latin). Существуют и более сложные «заумные детские языки»; иногда их создают авторы детских повестей и рассказов (например, в книге Сетона-Томпсона «Юные дикари» мальчик говорит на «тутни» — tutnee) (ср. в русском языке [28]).

Заметим, что от «оборотного» и «срединного» сленга, «словесного маскарада» и gibberish следует отличать так называемые спунеризмы (spoonerisms), которые ничего общего с тайным кодом не имеют и создаются только ради игры слов, популярного хобби среди студентов и преподавателей университетов. Например, poke a smipe (smoke a pipe), stint of pout (pint of stout), flutterby (butterfly), our queer Dean (our dear Queen), a half warmed fish (a half formed wish), etc. Термин «спунеризм» произошел от имени чудаковатого оксфордского

наставника (Spooner), который, как считают некоторые ученые, первым начал специально переставлять начальные звуки в словах для создания комического эффекта: It is kisstomary to cuss the bride [199].

Ничего общего с эзотерическим кодом не имеют нестандартные образования, комично имитирующие длинные псевдоученые слова, такие, как rumbustious, rambunctious, rombustious, rumbumptious (very noisy, unruly), splendiferous, splendicious, splendidious, splendidous (very splendid), slantindicular, slantingdicular (slanting), ferricadouzer (knock-down blow), spondoolics), spondulicks (money), etc. [250]. Такие «наукообразные» словоформы получают шутливо-ироническую коннотацию, связанную с неожиданностью структуры, которая и вызывает далеко идущие ассоциации [13, с. 460].

В заключение подчеркнем важную мысль: «словесный маскарад» торговцев, школьников и студентов, состоящий в механически однообразном искажении всех или некоторых слов, принадлежащих обычно к литературному стандарту, может быть лишь одним из приемов создания социально- или профессионально-детерминированного жаргона или арго, но отнюдь не жаргоном или арго. То же самое следует сказать и в отношении «оборотного сленга» и «срединного сленга», которые представляют собой определенное множество слов, морфологически мотивированных, локально маркированных и профессионально детерминированных, характерных для английского просторечия второй половины XIX века. Все словоформы «оборотного» и «срединного» сленга следует отнести к свободным аналогам, которые входят в стилистические парадигмы — синонимические ряды с литературной доминантой.

Механические приемы маскировки слов характерны в первую очередь для корпоративных жаргонов прошлых столетий, существовали они и в старых воровских арго. Однако в современном субстандарте механически однообразное искажение отдельных или всех слов, исключая приемы «словесной игры» школьников, почти не встречается. Сфера действия подобного искажения для получения фонетически отмеченных образований не ограничена: при желании можно исказить любое слово.

§ 9. Рифмованная субституция

Особое место в системе просторечного словообразования занимает так называемый рифмованный сленг, суть которого состоит в рифмованной замене исходной единицы вторичной единицей, принимающей семантику первой. В ономаснологическом аспекте такая замена характеризуется идентичностью денотативного значения рифмующейся однословной единицы номинации со словосочетанием (реже словом) с конечным рифмованным компонентом, который мы будем называть рифмо-

ванным субститутом (РС), поскольку в предлагаемой нами работе термин «сленг» из классификации исключается.

Рифмованная субституция — уникальное явление английского языка, охватывающее британский, американский и австралийский варианты. В зарубежной англистике «рифмованному сленгу» посвящена обширная литература (см. ее обзор в статье К. Ханзена [163] и В. А. Хомякова [126]), а также изданы специальные словари, содержащие материал по XIX и XX векам: Г. Брэндона [239], Дж. Хоттена [245], Г. Баумана [237]. Новейшие данные по «рифмованному сленгу» даются в словаре Дж. Франклина [242].

Источником рифмованной субституции, по всей вероятности, является лондонский диалект кокни (первая половина XIX века), откуда она распространяется по упомянутым ареалам английского просторечия, а также выходит за его пределы в язык рекламы и прессы.

В зависимости от стилистических характеристик замещаемых слов РС делится на два основных класса: 1) РС — лексические аналоги литературных слов; 2) РС — лексические аналоги просторечных слов: penny locket=pocket, puff and dart=start; giggle and titter=bitter (sort of beer), heart of oak=broke (penniless).

Случаем сложного кодирования можно считать эллиптические образования, когда двучленные РС утрачивают второй рифмующийся с исходным словом компонент: sky rocket (pocket) — sky, mince pies (eyes) — minces, sugar and honey (money) — sugar (1); Dora Grey (tray "three penny piece") — Dora, grass park (nark "informer") — grass (2).

В обоих классах в зависимости от графики и орфоэпии рифмующихся компонентов выделяется по три группы. Первую образуют РС, совпадающие с литературным/просторечным словом в произношении и написании: penny locket=pocket, bottle and stopper=copper "policeman"; вторую — РС, совпадающую с рифмующимися словами только в произношении: box of toys=noise, dilly pot=twat (fool); третью — эллиптические (нерифмующиеся) образования: china=mate с эллипсом china plate; okey "wallet" из okey-doke=poke (wallet).

Одной из особенностей РС является наличие синонимических рядов с конечным общим членом ряда: strong and *thin*, thick and *thin* (gin); mince *pies*, apple *pies* (eyes); Betty *Lee*, Lady *Lee*, River *Lee*, Rosy *Lee*, Jenny *Lee* (tea); clothes *pegs*, Scotch *pegs*, Dutch *pegs*, wooden *pegs* (legs).

Максимальным, судя по словарным и литературным источникам, является семичленный синонимический ряд с различными рифмующимися субститутами: boat race, chevy chase, chip and chase, deuce and ace, glass case, Jem Mace, trot and pace, chitney pace, roach and dace (face). Подобные ряды мо-

тут включать устаревшие РС, поэтому в синхронном плане картина будет несколько иная.

Многочисленные ряды могут включать ареальные синонимы: брит. boat and oar, early door, Jane Shore, Rory O'More; амер. forty-four, six to four, two by four (whore); брит. clothes pegs, Dutch pegs, Scotch pegs, wooden pegs, ham and eggs; амер. mumby pegs, bacon and eggs (legs).

В подавляющем большинстве случаев РС входят в лексико-грамматический разряд имен существительных. Аналогии, лежащие в основе РС, могут быть самыми неожиданными. Так, по всей видимости, РС France and Spain в значении "to rain" возникает на ассоциативных связях с постановкой произношения Элизы Дулитл в пьесе Б. Шоу «Пигмалион». В таких РС, как troubie and strife (wife) или Gawd forbids (kids 'children'), отражается эмоциональная оценка говорящим предмета высказывания. Однако в подавляющем большинстве случаев игра воображения, ведущая к созданию в смысловом отношении ничем не мотивированных подстановок, лишена логически выводимых ассоциаций.

В целом, структурно отмеченные просторечные дериваты, возникающие в результате изложенных выше словообразовательных процессов, не занимают большого места в формировании просторечной прослойки словарного состава американского и британского ареалов английского языка. В большинстве своем она заполняется за счет стандартной лексики и несколько реже — за счет дериватов, образованных по моделям стандартного словообразования. В первую очередь, как свидетельствует количественный подсчет словарных данных, в их образовании используются модели словосложения, при этом действуют они преимущественно в сфере имен существительных, реже — прилагательных, и во вторую — модели суффиксации, которые также пополняют преимущественно и в той же последовательности те же части речи. Экспрессивно сниженная коннотация в обоих случаях, как правило, возникает за счет участия в словообразовательном процессе основ просторечных слов или просторечного варианта слов литературного стандарта. Значительную роль в снижении статуса производной единицы может играть словообразовательная метафора, сопровождающая словообразовательный процесс и эксплицитно значениями сочетающихся компонентов не выраженная. Семантические преобразования, строящиеся на базе словарных дефиниций обычно позволяют установить скрытые семы, лежащие в основе переносов. В настоящей работе эта проблема не затрагивается, так как представляет собой пока еще совершенно не изученный аспект ономасиологии просторечного словообразования.

Специфические черты американского просторечия по сравнению с британским состоят в том, что в нем очень широко

действует аналогическое словосложение с опорой на второй высокочастотный компонент. Серийные аналогические сложные образования распространяются на существительное и прилагательное. Поскольку серийно повторяющийся опорный компонент не теряет своего словного статуса и семантически не порывает со своим аналогом, относить его к морфеме суффиксального типа у нас нет оснований, и от термина «слова-суффиксы» мы в настоящей работе отказываемся.

Свойственная американскому просторечию тенденция создания формальных языковых средств выражения этически сниженной экспрессивности находит свое выражение также и в том, что в нем формируется особая, британскому просторечию не свойственная, система суффиксальных морфем, стилистически маркирующая производное слово. Останется ли она нестандартной или повысится до уровня стандартной, определить в настоящее время невозможно, но само наличие ее в языке весьма наглядно свидетельствует о языковых процессах в устном речетворчестве, происходящих в условиях десинтеграции языка на его национальные варианты и тех стимулах, которые определяют направления возможных расхождений. Важнейшими и определяющими безусловно являются факторы социального порядка, поскольку речевое поведение носителей языка и общеязыковой речевой этикет обусловлены социально. В Англии нормы речевого поведения во многом определяются викторианской эпохой, возведшей в идеал такие черты национального характера, как хладнокровие, невозмутимость и вербальная сдержанность речевого поведения. В Америке с ее внешним демократизмом, отсутствием веками устоявшихся традиций и достаточно пестрым этническим составом населения нормы речевого поведения носят несомненно более свободный и раскованный характер. И как следствие этого в языке формируются новые, эмоционально заряженные модели, отличающиеся от существующих тем, что их экспрессивность имеет формально отмеченный характер.

В то же время эти модели, исключая звуковые искажения слова, не образуют изолированной от стандарта подсистемы. Поскольку они обслуживают разговорную речь, а именно в ней зарождаются и формируются сдвиги языковой системы в целом, переход однотипных структурно маркированных просторечных слов в литературный стандарт потенциально создает благоприятные условия для повышения отраженных в их структуре моделей на уровень стандартных. Аббревиация и контаминация фактически у́же, особенно в американском варианте, используются в языке рекламы, прессы и авторской речи художественных произведений, хотя исторически они возникали в языке не так уже давно; первые аббревиатуры датируются XVI, а контаминированные слова — XIX веком.

Можно полагать, что в американском языке этот процесс

протекает быстрее, чем в британском варианте. Однако и в нем после второй мировой войны речевой этикет меняется как в силу социально-экономических и политических сдвигов, так и под воздействием средств массовой коммуникации Америки.

ЛИТЕРАТУРА

Источники

1. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч., 2-е изд., т. 3, с. 7—544.

2. Некоторые актуальные вопросы советской филологии [Передовая статья]. — Научн. докл. высш. шк. Филолог. науки, 1971, № 2, с. 3—9.

3. Арнольд И. В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования (на материале имени существительного). Л., 1966. 192 с.

4. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. (Стилистика декодирования.) Л., 1973. 304 с.

5. Ахманова О. С., Шишкина Т. Н. [Рец. на кн.: Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974 448 с.] — Вопросы языкознания, 1976, № 4, с. 130—135.

6. Балишин С. И. Медицинская стилистически сниженная лексика современного английского языка и способы ее образования: Автореф. канд. дис. Калинин, 1983. 15 с.

7. Балли Ш. Французская стилистика / Пер. с франц. М., 1961. 394 с.

8. Барапников Л. И. Просторечие как особый социальный компонент языка. — В кн.: Язык и общество. Саратов, 1974, с. 3—17.

9. Беляева Т. М., Хомяков В. А. О варьировании норм в разговорной речи современного языка. — В кн.: Вариантность как свойство языковой системы. Ч. I. М., 1982, с. 34—36.

10. Беляева Т. М, Хомяков В. А. Суффиксальное словообразование в американском просторечии. — В кн.: Системное описание лексики германских языков. Вып. 4. Межвузовский сборник. Л., 1981, с. 45—50.

11. Береговская Э. М. Социальные диалекты и язык современной французской прозы. Уч. пособие для слушателей спецкурса. Смоленск, 1975. 120 с.

12. Береговская Э. М. Язык художественной литературы и социальный диалект (на материале современной французской прозы): Автореф. докт. дис. М., 1979. 36 с.

13. Блумфилд Л. Язык / Пер. с англ. М., 1968. 607 с.

14. Бодуэн де Куртене А. И. «Блатная музыка» В. Ф. Трахтенберга (1908). — В кн.: Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М., 1963, с. 161—162.

15. Бодуэн де Куртене А. И. Язык и языки. — Там же, с. 67—95.

16. Бондалетов В. Д. Социально-экономические предпосылки отмирания условно-профессиональных языков и основные закономерности этого процесса. — В кн.: Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969, с. 398—416.

17. Бондалетов В. Д. Условные языки русских ремесленников и торговцев. Рязань, 1980. 104 с.

18. Бурдин Л. С. К вопросу о добавочной семантико-функциональной

характеристике слов в английской лексикографической традиции: Автореф. канд. дис. М., 1969. 13 с.
19. Бурдин Л. С. Словарная помета slang и ее толкование в современной англистике. — В кн.: Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. М., 1968, с. 67—79.
20. Бурдин Л. С. Об использовании помет в некоторых английских словарях XVII—XVIII вв. — Там же, с. 106—111.
21. Бурдин Л. С. Состав лексики с «предупредительными» пометами в толковом словаре малого типа. — Там же, с. 148—168.
22. Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю / Пер. с франц. М., 1937. 410 с.
23. Варианты полинациональных литературных языков / Отв. ред. Ю. А. Жлуктенко. Киев, 1981. 280 с.
24. Вилюман В. Г. О способах образования слов сленга в современном английском языке. — Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1955, т. III, с 137—139.
25. Вилюман В. Г. Функции и значения слов в сфере сленга. — В кн.: Первая республиканская межвузовская лингвистическая конференция. Тезисы докл. Фрунзе; Мектеп, 1966, с. 57—58.
26. Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики. — Вопр. языкознания, 1955, № 1, с. 60—87.
27. Виноградов В. В. Проблемы литературных языков и закономерности их образования и развития. М., 1967. 134 с.
28. Виноградов Г. С. Детские тайные языки. Иркутск, 1926. 28 с.
29. Виноградов С. И. «Просторечие» как категория нормативной оценки лексики в «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова. — В кн.: Литературная норма и просторечие / Отв. ред. Л. И. Скворцов. М., 1977, с. 225—252.
30. Винокуров А. М. Словообразование в периферийных слоях лексики современного английского языка. — Вопр. языкознания, 1983, № 2, с. 102—110.
31. Винокуров А. М. Субстандартная суффиксация в английском языке США: Автореф. канд. дис. Калинин, 1981. 16 с.
32. Винокур Т. Г. Стилистическое развитие современной русской разговорной речи. — В кн.: Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., 1968, с. 12—100.
33. Гавранек Б. Задачи литературного кружка и его культура. — В кн.: Пражский лингвистический кружок / Пер. с чешск. М., 1967, с. 335—366.
34. Гальперин И. Р. О понятиях «стиль» и «стилистика». — Вопр. языкознания, 1973, № 3, с. 14—25.
35. Гальперин И. Р. О термине «сленг». — Вопр. языкознания, 1956, № 6, с. 107—114.
36. Головин Б. Н. Вопросы социальной дифференциации языка. — В кн.: Вопросы социальной лингвистики, с. 343—355.
37. Гомберг Б. И. Диалекты и жаргоны в буржуазном обществе. (Краткий обзор некоторых литературных памятников.): Канд. дис. Л., 1940. 640 с.
38. Грановская Л. М. Из истории русской лексики конца XIX—нач. XX в. (Изменения в нормах и системе оценок.) — В кн.: Литературная норма и просторечие, с. 5—28.
39. Граудина Л. К. Разговорные и просторечные нормы в грамматике. — Там же, с. 77—111.
40. Губачек Я. О традиции в изучении сленга в чешском языке. — Вопр. языкознания, 1980, № 2, с. 127—135.
41. Гусева Т. А. Просторечная суффиксальная номинация (на материале производных имен существительных американского просторечия): Автореф. канд. дис. Л., 1983. 16 с.
42. Девкин В. Д. Проблемы немецкой разговорной речи (лексика и синтаксис): Автореф. докт. дис. М., 1974. 61 с.

43. Девкин В. Д. Ксеноденотатная направленность лексических сем.— В кн.: Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький, 1966.
44. Дибелиус В. Морфология романа. —В кн.: Проблемы литературной формы / Пер. с нем. Л., 1928, с. 105—134.
45. Домашнев А. И. Язык и идеология в их взаимоотношении. — В кн.: Онтология языка как общественного явления / Отв. ред. Г. В. Степанов, В. З. Панфилов. М., 1983, с. 143—171.
46. Душкин А. В. Сопоставительный анализ стилистически маркированных наименований лиц по профессии в современных немецком и английском языках: Автореф. канд. дис. М., 1978. 24 с.
47. Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936. 298 с.
48. Жирмунский В. М. Проблемы социальной диалектологии. —Изв. АН СССР, сер. лит. и яз., 1964, т. XXIII, вып. 2, с. 99—111.
49. Жирмунский В. М. Проблема социальной дифференциации языков.— В кн.: Язык и общество / Отв. ред. Ф. П. Филин. М., 1968, с. 22—38.
50. Земская Е. А. Русская разговорная речь: Лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979. 239 с.
51. Иванова Е. В. Сопоставительный анализ моделей словосложения в стандартной и нестандартной лексике современного английского языка: Автореф. канд. дис. Л., 1983. 16 с.
52. Исаев М. И. Исторические типы общности людей и язык. — В кн.: Онтология языка как общественного явления, с. 105—142.
53. Казаева Н. Н. Английская субколлоквиальная лексика: Автореф. канд. дис. Одесса, 1983. 19 с.
54. Касарес Х. Введение в современную лексикографию / Пер. с исп. М., 1958. 354 с.
55. Катлинская Л. П. Нормативные пометы в словарях и реальное речевое употребление. — В кн.: Литературная норма и просторечие, с. 204—224.
56. Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М., Л., 1965. 112 с.
57. Князькова Г. П. Русское просторечие второй половины XVIII в. Л., 1974. 253 с.
58. Коготкова Т. С. Роль просторечия в процессах освоения говорами лексики литературного языка. — В кн.: Литературная норма и просторечие, с. 58—76.
59. Кожин А. Н. Лексико-семантические средства составных наименований (на материале военной лексики русского языка): Автореф. докт. дис. М., 1966. 28 с.
60. Колшанский Г. В. О понятии контекстной семантики. — В кн.: Теория языка. Англистика. Кельтология / Отв. ред. М. П. Алексеев. М., 1976, с. 69—75.
61. Костинский Ю. М. К оценке и возможной активизации лексического потенциала языка. — В кн.: Литературная норма и просторечие, с. 118—145.
62. Котова В. А. К вопросу о просторечии в современном английском языке. — В кн.: Вопросы романо-германской филологии. Вып. 15. Ташкент, 1967, с. 128—141.
63. Кубрякова Е. С. Словообразование. Гл. 5. — В кн.: Общее языкознание. Внутренняя структура языка. — М., 1972, с. 344—393.
64. Ларин Б. А. Западноевропейские элементы русского воровского арго. — В кн.: Язык и литература, т. VII. Л., 1931, с. 113—130.
65. Ларин Б. А. Об эвфемизмах. — В кн.: Проблемы языкознания. Сборник в честь акад. И. И. Мещанинова. Л., 1961, с. 110—124.
66. Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города. — Русская речь. Новая серия, 3. Л., 1928, с. 61—74.
67. Литературная норма и просторечие / Отв. ред. Л. И. Скворцов. М., 1977. 256 с.

68. Лихачев Д. С. Арготические слова профессиональной речи. — В кн.: Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964, с. 311—359.

69. Лихачев Д. С. Черты первобытного примитивизма воровской речи. — Язык и мышление. Т. III—IV. М.; Л., 1935, с. 47—100.

70. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970. 384 с.

71. Лошманова Л. Т. Жаргонизированная лексика в бытовой речи молодежи 50—60-х годов: Автореф. канд. дис. М., 1975. 21 с.

72. Лукашанец Е. Г. Лексические заимствования и их нормативная оценка (на материале молодежного жаргона 60—70-х годов): Автореф. канд. дис. М., 1982. 22 с.

73. Маковский М. М. Английские социальные диалекты (онтология, структура, этимология). М., 1982. 135 с.

74. Маковский М. М. Взаимодействие ареальных вариантов «сленга» и их соотношение с языковым стандартом. — Вопр. языкознания, 1963, № 5, с. 21—30.

75. Маковский М. М. Пути реконструкции социальных диалектов древности. (Опыт лексико-семантического исследования.) — Вопр. языкознания, 1972, № 5, с. 22—33.

76. Маковский М. М. Языковая сущность современного английского сленга. — Иностр. яз. в школе, 1962, № 4, с. 102—113.

77. Миллер А. А. К проблеме классификации нестандартной лексики современного английского языка. — В кн.: Русское и зарубежное языкознание. Вып. 4. Алма-Ата, 1970, с. 14—21.

78. Миллер А. А. О фиксации «нестандартной» лексики в русских и английских лексикографических изданиях. — Там же, с. 207—212.

79. Миллер А. А. Основные пути формирования лексики сленга. — В кн.: Иностранный язык. Вып. 6. Алма-Ата, 1971, с. 45—59.

80. Миллер А. А. Стилистически сниженная лексика и ее отражение в двуязычных словарях: Автореф. канд. дис. Алма-Ата, 1972. 38 с.

81. Мурадян А. Ю. Словослияние в современном английском языке: Автореф. канд. дис. Л., 1978.

82. Овденко А. В. Специфика полисемии и омонимии разностилевых слов (на материале американского сленга XX века): Автореф. канд. дис. Калинин, 1973. 22 с.

83. Орлов Л. М. Социальная и функционально-стилистическая дифференциация в современных русских территориальных говорах: Автореф. докт. дис. М., 1970. 43 с.

84. Петрищева Е. Ф. Внелитературная лексика как категория стилистическая. — Вопр. языкознания, 1981, № 3, с. 60—70.

85. Петрова Л. И. Редупликация в английской словообразовательной системе: Автореф. канд. дис. Л., 1979.

86. Пинский А. Е. Шекспир. Основные начала драматургии. М., 1971. 606 с.

87. Пиотровский Р. Г. Сосуществующие фонетические системы и стилистические корреляции в молдавском языке. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1962, № 1, с. 92—99.

88. Плотникова Г. Н. Образованные по случаю. — Русская речь, 1970, № 1, с. 53—56.

89. Портянникова В. Н. Некоторые проблемы лексической характеристики жаргонизмов (на материале «молодежного жаргона» современного немецкого языка в ФРГ): Автореф. канд. дис. М., 1971. 21 с.

90. Портянникова В. Н. Стилистические особенности молодежных жаргонизмов. — В кн.: Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Вып. 6. Горький, 1975, с. 133—143.

91. Портянникова В. Н. Характеристика лексики молодежного жаргона послевоенного периода (ФРГ и ГДР). — Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та ин. яз. им. М. Тореза, 1970, с. 57, с. 244—258.

92. Ревзин И. И. К семиотическому анализу «тайных языков». —

В кн.: Симпозиум по структурному изучению знаковых структур. М., 1962, с. 33—37.

93. Розина Р. И. Социальная маркированность слова в современном английском языке: Автореф. канд. дис. М., 1977. 16 с.

94. Русский язык в современном мире / Отв. ред. Ф. П. Филин. М., 1975. 301 с.

95. Семенюк Н. Н. Из истории функционально-стилистических дифференциаций немецкого литературного языка. М., 1972. 215 с.

96. Семенюк Н. Н. Социальный аспект языка в историческом рассмотрении. — В кн.: Теория языка. Англистика. Кельтология, с. 97—101.

97. Серебренников Б. А. Территориальная и социальная дифференциация языка. Гл. 7. — В кн.: Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / Отв. ред. Б. А. Серебренников. М., 1970, с. 451—501.

98. Скворцов Л. И. Взаимодействие литературного языка и социальных диалектов (на материале русской лексики послеоктябрьского периода): Автореф. канд. дис. М., 1966. 18 с.

99. Скворцов Л. И. Литературный язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии. — В кн.: Литературная норма и просторечие, с. 29—57.

100. Скляревская Г. Н. К вопросу о лексикографических понятиях «разговорное» и «просторечное». — В кн.: Лингвистические исследования. Л., 1970, с. 9—27.

101. Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики. Уч. пособие для студентов и аспирантов филолог. специальностей. Горький, 1975. 175 с.

102. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956. 260 с.

103. Соловьева Т. А. К вопросу об образовании сленгизмов на базе английского литературного словаря. — В кн.: Романо-германская филология. Иваново, 1966, с. 3—27.

104. Соловьева Т. А. К проблеме сленга. — В кн.: Вопросы лексикологии английского, французского и немецкого языков. Т. 27. Иваново, 1961, с. 109—127.

105. Степанов Г. В. Испанский язык Америки в системе единого испанского языка: Автореф. докт. дис. Л., 1966. 32 с.

106. Степанов Г. В. Об особенностях языковой вариативности. — В кн.: Теория языка. Англистика. Кельтология, с. 125—133.

107. Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976. 224 с.

108. Стойков Ст. Социальные диалекты (на материале болгарского языка). — Вопросы языкознания, 1957, № 1, с. 78—84.

109. Стратен В. В. Арго и арготизмы. — В кн.: Труды комиссии по русскому языку. Т. I. Л., 1931, с. 111—147.

110. Стратен В. В. Об арго и арготизмах. — Русский язык в советской школе, 1929, № 5, с. 39—53.

111. Ступин Л. П. Проблема нормативности в истории английской лексикографии (XV—XX вв.). Л., 1979. 164 с.

112. Судзиловский Г. А. К вопросу о «сленге» в английской военной лексике: Автореф. канд. дис. М., 1954. 24 с.

113. Судзиловский Г. А. Сленг — что это такое? Английская просторечная лексика. Англо-русский словарь военного сленга. М., 1973, с. 3—69.

114. Тимофеев В. П. Социолингвистические факторы в развитии современного русского языка.— В кн.: Очерки по социолингвистике. Шадринск, 1971, с. 9—28.

115. Тимошенко Т. Р. Телескопия в словообразовательной системе современного английского языка: Автореф. канд. дис. Киев, 1976.

116. Трофимова И. Н. Имена предметного значения в американском просторечии: Автореф. канд. дис. Л., 1981. 23 с.

117. Успенский Л. В. Материалы по языку русских летчиков. — В кн.: Язык и мышление, т. VI—VII. М.; Л., 1936, с. 161—197.

118. Уфимцева А. А. Лексика. Гл. 6. — В кн.: Общее языкознание. Внутренняя структура языка, с. 394—455.
119. Уфимцева А. А. Опыт изучения лексики как системы (на материале английского языка). М., 1962. 288 с.
120. Филин Ф. П. К проблеме социальной обусловленности языка. — В кн.: Язык и общество, с. 5—22.
121. Филин Ф. П. О просторечном и разговорном в русском литературном языке.—Научн. докл. высш. шк., филолог. науки, 1979, № 2, с. 20—25.
122. Филин Ф. П. О структуре современного русского литературного языка. — Вопр. языкознания, 1973, № 2, с. 3—12.
123. Филин Ф. П. Что такое литературный язык? — Вопр. языкознания, 1979, № 3, с. 3—19.
124. Хомяков В. А. Введение в изучение сленга — основного компонента английского просторечия. Вологда, 1971. 104 с.
125. Хомяков В. А. Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода: Автореф. докт. дис. Л., 1980, 39 с.
126. Хомяков В. А. О «рифмованном» сленге. — В кн.: Вопросы теории английского и русского языков. Вологда, 1973, с. 50—70.
127. Хомяков В. А. О специальном сленге. Пособие для студентов старших курсов инфака. Вологда, 1968. 24 с.
128. Хомяков В. А. Структурно-семантические и социально-стилистические особенности английского экспрессивного просторечия. Вологда, 1974. 104 с.
129. Хомяков В. А. Три лекции о сленге. Пособие для студентов английского отделения по спецкурсу «Нелитературная лексика и фразеология в современном английском языке». Вологда, 1970. 64 с.
130. Цейтлин Р. М. [Рец. на кн.: Г. П. Князькова. Русское просторечие второй половины XVIII в. Л., 1974. 253 с.] — Вопр. языкознания, 1976, № 1, с. 151—155.
131. Чуковский К. Высокое искусство. М., 1968. 383 с.
132. Шведов Ю. Исторические хроники Шекспира. М., 1964. 306 с.
133. Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику. М., 1978. 216 с.
134. Швейцер А. Д. Литературный язык в США и Англии. М., 1971. 200 с.
135. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М., 1973. 280 с.
136. Швейцер А. Д. Социальная дифференциация английского языка в США. М., 1983. 216 с.
137. Швейцер А. Д. Теория языковой вариативности и практика преподавания иностранного языка. — В кн.: Место и специфика теоретических дисциплин в программе языкового вуза. Тезисы докл. М., 1974, с. 184—187.
138. Язык и общество / Отв. ред. Ф. П. Филин. М., 1968. 256 с.
139. Язык и общество. Вып. 3 / Отв. ред. Л. И. Баранникова. Саратов, 1974. 196 с.
140. Ярцева В. Н. О территориальной основе социальных диалектов. — В кн.: Норма и социальная дифференциация языка / Отв. ред. М. М. Гухман, В. Н. Ярцева. М., 1969, с. 26—46.
141. Ярцева В. Н. Развитие национального литературного английского языка. М., 1969. 310 с.
142. Baker S. The Australian Language. Sydney; London, 1945. 320 p.
143. Bosson O. Slang and Cant in Jerome's Works. Cambridge, 1911. 71 p.
144. Bradley H. Shakespeare's Language. — In: Shakespeare's England. Vol. 2. Oxford, p. 539—574.
145. Bradley H., Krapp G. Ph. Slang.—In: The Encyclopaedia Britannica, 14th Edition, vol. 20. London; New York, 1929, p. 765—770.
146. Brook G. L. English Dialects. London, 1963. 232 p.
147. Chandler F. W. Romances of Roguery. An episode in the history of the novel. The picaresque novel in Spain. New York, 1961. X+483 p.

148. Cohen M. Matériaux pour une sociologie du language. Paris, 1956. 362 p.
149. Dauzat A. La langue française d'aujour'hui. Paris, 1908, 271 p.
150. Dauzat A. Les argot des métiers franco-provencaux. Paris, 1917. 240 p.
151. Feinsilber L. M. Yiddish ganef: its Family and Friends.—American Speech, 1972 (1975), N 1—2, p. 147—151.
152. Fishman J. A. The Sociology of Language.—In: Readings in the Sociology of Language / Ed. J. A. Fishman. The Hague; Paris, 1968 (1972). XIII+250 p.
153. Flexner S. B. American Slang. — In: The American Language in the 1970s. A Collection of Articles. San Francisco (Calif.), 1974, p. 70—86.
154. Gläser R. Euphemismen in der englischen und amerikanischen Publizistik. — Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik, 1966, N 3, p. 229—258.
155. Grasserie R. de la. Etude scientifique sur l'argot et le parler populaire. Paris, 1907. 179 p.
156. Grasserie R., de la. La psychologie de l'argot.—In: Revue philosophique de la France et de l'entranger, 1905, N 60, p. 260—282.
157. Grattan J. H. On Slang, Cant and Jargon. — Transactions of the Yorkshire Dialect Society, 1935, vol. 5, N 36, p. 9—22.
158. Graves R. Lars Porsena, Or the Future of Swearing and Improper Language. London, 1972. 68 p.
159. Guiraud P. L'argot. Paris, 1956. 118 p.
160. Hannerz U. Language. Variation and Social Relationships. — Studia Linguistica, 1970, vol. 24, N 2, p. 128—151.
161. Hansen K. Makkaronische Sprachformen—Hybride Wortbildungen.— Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik, 1961, N 1, S. 49—64.
162. Hansen K. Reim- und Ablautverdoppelungen. — Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik, 1964, N 1, S. 5—31.
163. Hansen K. Rhyming Slang und Reimformen im Slang. — Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik, 1966, N 4, S. 341—366.
164. Hansen K. Wortverschmelzungen. — Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik, 1963, N 2, S. 117—142.
165. Hertzler J. O. A Sociology of Language. New York, 1965. 559 p.
166. Hudson K. The Jargon of the Professions. London, 1978. 146 p.
167. Jespersen O. Growth and Structure of the English Language London, 1905. 274 p.
168. Jespersen O. A Modern English Grammar on Historical Principles. P. IV. Morphology. Copenhagen, 1942. 415 p.
169. Jespersen O. Mankind, Nation and Individual from a Linguistic Point of View. London, 1946. 230 p.
170. Jespersen O. Veiled Language. — In: Society for Pure English. Vol. 33. Oxford, 1929, p. 420—430.
171. Kenyon J. S. Cultural Levels and Functional Varieties of English.— In: Readings in Applied English Linguistics. New York, 1958, p. 215—220.
172. King A. H. The Language of Satirized Characters in "Poetaster". — Lund Studies in English, 1941, N 10, 180 p.
173. Kirchner J. Der Reimklang im Englischen. — Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik, 1956, N 4, S. 389—447.
174. Kirchner J. Der Reimklang im Englischen. — Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik, 1959, N 4, S. 281—287.
175. Kitchin G. A Survey of Burlesque and Parody in English. — New York, 1967. 387 p.
176. Kleeman E. Die Gaunersprache. Leipzig, 1908. 496 S.
177. Kluge F. Rotwelsch. Quelle und Wortschatz der Gaunersprache und der verwandten Geheimsprachen. Strassburg, 1901. 495 p.
178. Koziol H. Rhyming Slang. — Die Sprache, Bd. 2, Heft 1. Wien, 1950, S. 77—84.
179. Koziol H. Zur literarischen Verwendung des Rhyming Slang. —

Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen, Bd. 202, Braunschweig, 1965, Bd. 202, Heft 2, S. 103—108.
180. Lado R., Fries Ch. English Sentence Patterns. The Univ. of Michigan Press, 1964. 324 p.
181. Laird Ch. Language in America. New York, 1970. 543 p.
182. Lewis M. Language in Society. London, 1947. 249 p.
183. Marchand H. Motivation by Linguistic Form. — Studie Neophilologica, vol. 29. Uppsala, 1957, p. 54—66.
184. Marchand H. The Categories and Types of Present-Day English. Word-Formation. München, 1969. 379 p.
185. Matthews W. Cockney Past and Rresent. A Short History of the Dialect of London. London, 1938. XVI+245 p.
186. Maurer D. W. Linguistic Hostility as a Factor in Intracultural Conflict. — In: Actes du Xe Congrès international des linguistes. I. Buçarest, 1969, p. 605—611.
187. Maurer D. W., High E. C. New words — where do they come from and where do they go? — American Speech, 1980, vol. 55, N 3, p. 184—194.
188. Melville A. H. An Investigation of Function and Use of Slang.— The Pedagogical Seminary, 1912, vol. 19, N 1, p. 94—100.
189. Mencken H. L. The American Language. New York, 1960. 769+XXIX p.
190. Mencken H. L. The American Language. Supplement One. New York, 1961. 739+XXXV p.
191. Mencken H. L. The American Language. Supplement Two. New York, 1961. 890+LIII p.
192. Niceforo A. Le genie de l'argot. Paris, 1912. 227 p.
193. Nosek J. Semantic Features of Modern Colloquial English. — Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik, 1963, N 1, p. 5—28.
194. Osselton N. E. Wartime English. — English Studies, 1954, vol. 35, p. 145—153.
195. Pape S. Bemerkungen zur sogenannten Teenager- und Twensprache. — Muttersprache, 1970, N 11—12, S. 368—377.
196. Partridge E. Slang To-day and Yesterday. London, 1960 (1971). 479 p.
197. Partridge E. Shakespeare's Bawdy. London, 1961. 226 p.
198. Pei M. (Ed.). Language Today. A survey of Current Linguistic Thought. New York, 1967, p. 34—88.
199. Pei M. The Story of the English Language. New York, 1968. 221 p.
200. Pooley R. C. The Definition and Determination of Correct English. — In: Exposition and the English Language. New York, 1963, p. 97—107.
201. Porzig W. Das Wunder der Sprache. Bern; München, 1962. 302 p.
202. Potter S. Language in the Modern World. London, 1960. 221 p.
203. Purdy S. B. Henry James's Use of Vulgar. — American Speech, 1967, vol. 42, N 1, p. 45—50.
204. Riesel E. Der Stil der deutschen Alltagsrede. Leipzig, 1970. 368 S.
205. Riverain J. Chronique de l'argot. Paris, 1963. 265 p.
206. Rot A. M. Problems of Semaseological Research of Slang on the Paradigmatical Level. — In: Etudes Finnoougriennes. Vol. VIII. Budapest, 1972, p. 237—243.
207. Rot A. M. Prohlems of Modern English and American Slang. — Budapest; Tankönyvkiado, 1973. 65 p.
208. Sagarin E. The Anatomy of Dirty Words. New York, 1962. 200 p.
209. Sainéan L. L'argot des tranchées ... Paris, 1915. 470 p.
210. Sainéan L. Le langage parisien au XIXme siêcle. Paris, 1920. XVI+590 p.
211. Schlauch M. English Medieval Literature and its Social Foundations. Warszawa, 1956. 366 p.
212. Schlauch M. The English Language in Modern Times (since 1400). Warszawa; London, 1964. 316 p.

213. Searle J. R. Speech Acts. An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge, 1970. 160 p.
214. Sechrist F. The Psychology of Unconventional Language. — The Pedagogical Seminary, 1913, vol. 20, N 4, p. 413—457.
215. Soudek Lev. Structure of Substandard Words in British and American English. Bratislava, 1967. 228 p.
216. Spitzbardt H. Tabu-Wörter im Englischen. — Philologica Pragensia, 1966. N 2, S. 105—117.
217. Spitzer Leo. Confusion Schmooshun. — The Journal of English and Germanic Philology, 1948, vol. 2, p. 226—233.
218. Steadman J. M. A Study of Verbal Taboos. — American Speech, 1935, vol. 10, p. 93—103.
219. Sturtevant E. H. Linguistic Change. An Introduction to the Historical Study of Language. The Univ. of Chicago Press, 1961. 185 p.
220. Sulán B. Probleme der Argotforschung in Mitteleuropa. Innsbruck, 1963. 14 S.
221. Taylor A. M. The Language of World War II. New York, 1948. 180 p.
222. Thielke K. Slang und Umgangssprache in der englischen Prose der Gegenwart (1919—1937). Mit Berücksichtigung des Cant. — Münster anglistische Studien, 1938, N 4. 222 S.
223. Thielke K. Slang und Umgangssprache in der englischen Lyrik der Gegenwart. — Zeitschrift für neusprachlichen Unterricht, 1938, Bd. 37, S. 238—249.
224. Ullmann S. Language and Style. Oxford, 1964. 270 p.
225. Ullmann S. Semantics. An Introduction into the Science of Meaning. Oxford, 1970.
226. Vachek J. Some Less Familiar Aspects of the Analytical Trend of English. — In: Brno Studies in English. Praha, 1961, t. 3, p. 9—78.
227. Vallins G. H. Good English. London, 1963. 256 p.
228. Van Doren C. C. Beyond Grammar. Ring W. Lardner: Philologist among the Lowbrows. — The Century, 1923, N 106, p. 471—475.
229. Watt Jan. Elisabethan Light Reading. — In: The Age of Shakespeare / Ed. by Poris Ford. London, 1964, p. 119—161.
230. Whibley Ch. Rogues and Vagabonds. — In: Shakespeare's England, vol. 2, p. 484—510.
231. Wright P. Cockney Dialect and Slang. London, 1981. 184 p.

Словари и глоссарии

232. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. 608 с.
233. Бутузов В. Словарь особенных слов, фраз и оборотов английского языка и употребительных американизмов, не введенных в обыкновенные словари. СПб., 1867. 374 с.
234. Словарь английских и американских сокращений. М., 1954. 533 с.
235. Barnhart C. L., Steinmetz S., Barnhart R. K. The Barnhart Dictionary of New English 1963—1972. London, 1973. 512 p.
236. Barnhart C. L., Steinmetz S., Barnhart R. K. The Second Barnhart Dictionary of New English. New York, 1980. 520 p.
237. Baumann H. Londinismen (Slang and Cant). Berlin, 1887 (1902). CXVI+285 S.
238. Berrey L. V., Van den Bark M. The American Thesaurus of Slang. (Second Edition). New York, 1962. IX+1272 p.
239. Brandon H. Dietionary of the Flash or Cant Language, known to every Thief and Beggar. London, 1839. 76 p.
240. Dills L. The "Official" CB Slanguage Language Dictionary. Nashville; New York, 1977. 245 p.
241. Follet W. Modern American Usage. New York, 1966. 436 p.

242. Franklyn J. A. Dictionary of Rhyming Slang. London, 1969. 202 p.
243. Goldin H .E. F., O'Leary F., Lipsius M. Dictionary of American Underworld Lingo. New York, 1962. 327 p.
244. Granville W. A Dictionary of Sailors' Slang. London, 1962. 136 p.
245. Hotten J. A Dictionary of Modern Slang, Cant and Vulgar Words. London, 1860. 256 p.
246. Kerrick G. E. The Jargon of Professional Wrestling. — American Speech, 1980, vol. 55, N 2, p. 142—145.
247. Langguth J. A New G. I. Argot Can Be Heard in Vietnam Hooches (Baracks). — New York Times, 1964, Sept. 20, p. 4.
248. Morris W. (Ed.). The American Heritage Dictionary of the English Language. Boston; New York; Geneva, 1969. 1550 p.
249. Partridge E. A Dictionary of the Underworld, British and American. London, 1968. XV+885 p.
250. Partridge E. A Dictionary of Slang and Unconventional English. Vol. 1. London, 1963, XVI+974 p.; Vol. 2. London, 1967. VII+975 p.
251. Partridge E. Smaller Slang Dletionary. London, 1964. IX+204 p.
252. Phythian B. A. A Concise Dictionary of English Slang and Colloquialisms. London, 1979. VIII+208 p.
253. The American Heritage Dictionary of the English Language / Ed. by W. Morris. New York, 1971. 1550 p.
254. Webster's New International Dictionary of the English Language. Second Ed. Springfield (USA), 1948. 2662 p.
255. Webster's New World Dictionary. London, 1956. 882 p.
256. Wentworth H., Flexner S. B. Dictionary of American Slang. Second Supplemented Edition. New York, 1975. XVIII+766 p.
257. Wilkes G. A. A Dictionary of Australian Colioquialisms. Sydney, 1978. 370 p.
258. Wilmeth Don B. The Language of American Popular Entertainment: A Glossary of Argot, Slang and Terminology. London, 1981. XXI+305 p.
259. Zandvoort R. W. and Assistants. Wartime English. Materials for Linguistic History of World War II. — Grøningen Studies in English, 1957, N 6, 254 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Ainsworth	— Ainsworth W. H. Jack Sheppard. London. [s. a.]
Allen	— Allen W. Without Feathers. New York, 1976.
Allingham	— Allingham M. More Work for the Undertaker. London, 1965.
Braine	— Braine J. Room at the Top. London, 1959.
Brown	— Brown C. The White Bikini. New York, 1963.
Carther	— Carther R. S. Those Devils in Baggy Pants. New York, 1962.
Chandler, S.	— Chandler R. The Simple Art of Murder. New York, 1953.
Chandler, F.	— Chandler R. Farewell, My Lovely. Moscow, 1983.
Chaucer, M.	— Chaucer G. The Miller's Tale. — In: The Complete Works of Chaucer. Boston, Mass., USA, 1959.
Chaucer, P.	— Chaucer G. The Pardoner's Tale. — Ibid.
Chesterton	— Chesterton G. The Incredulity of Father Brown. London, 1963.
Conan Doyle	— Conan Doyle A. The Red-Headed League. — In: The Pinguin Complete Sherlock Holmes, 1982.
Dickens	— Dickens Ch. Oliver Twist. Moscow, 1954.
Donleavy	— Donleavy J. P. The Plays. New York, 1974.
Fuller	— Fuller R. G. Danger! Marines at Work? New York, 1963.

Queen — Queen E. The New Adventures of Ellery Queen. New York, 1966.
Gardner — Gardner E. S. The Count of Nine. New York, 1963.
Gay — Gay J. The Beggar's Opera. London, 1969.
Johns — Johns W. E. Sergeant Bigglesworth C. I. D. London, 1963.
Kerouac — Kerouac J. On the Road. New York, 1963.
Lytton — Lytton B. Paul Clifford. New York, [s. a.].
Maas — Maas P. The Valachi Papers. New York, 1969.
Marsh — Marsh N. Death and the Dancing Footman. London, 1958.
Salinger — Salinger J. D. The Catcher in the Rye. Moscow, 1968.
Shakespeare, CE — Shakespeare W. The Comedy of Errors. — In: The Alexander Text of the Complete Works of Shakespeare. London; Glasgow, 1978.
Shakespeare, 1HIV — Shakespeare W. The First Part of King Henry the Fourth. — Ibid.
Shakespeare, 2HIV — Shakespeare W. The Second Part of King Henry the Fourth. — Ibid.
Shakespeare, 1HVI — Shakespeare W. The First Part of King Henry the Sixth. — Ibid.
Shakespeare, 2HVI — Shakespeare W. The Second Part of King Henry the Sixht. — Ibid.
Shakespeare, MW — Shakespeare W. The Merry Wives of Windsor.— Ibid.
Shaw — Shaw B. Pygmalion. Moscow, 1948.
Sillitoe — Sillitoe A. Saturday Night and Sunday Morning. London, 1963.
Thackeray — Thackeray W. M. Vanity Fair. Moscow, 1951.
Thurber — Thurber J. Lanterns and Lances. London, 1960.
Warren — Warren R. P. All the King's Men. Moscow, 1979.
Waterhouse — Waterhouse K. Billy Liar. London, 1965.
Waugh — Waugh E. The Loved One. London, 1954.
Wodehouse, G. — Wodehouse P. G. The Girl in Blue. New York, 1971.
Wodehouse, I. — Wodehouse P. G. Indiscretions of Archie. London, 1977.
Vogue — Vogue, March, 1970, N 3.
Zugsmith — Zugsmith A. The Beat Generation. New York, 1959.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава I. **Экспрессивная нестандартная лексика** 11

§ 1. О связи сниженной лексики со стилем речи . . . —
§ 2. Языковая сущность экспрессивного просторечия («низкие» коллоквиализмы и сленгизмы) 15
§ 3. Вульгаризмы и их коммуникативный статус . . . 22
§ 4. Экспрессивная нестандартная лексика в художественной литературе: создание комического 29

Глава II. **Социально-детерминированная нестандартная лексика** . 39

§ 1. Языковая сущность арго (кента) и жаргонов . . —
§ 2. Генезис и коммуникативный статус арго (кента) . . 43
§ 3. Арготизмы (кентизмы) в художественной литературе как социальные индикаторы текста 51
§ 4. Профессиональные жаргоны и их коммуникативный статус 58
§ 5. Корпоративные жаргоны и их коммуникативный статус 64
§ 6. Жаргонизмы в художественной литературе как социальные индикаторы текста 69

Глава III. **Семасиологическая характеристика нестандартной лексики** 73

§ 1. Нестандартная лексика в системе общенационального языка . . . . . —
§ 2. Центры синонимической аттракции в просторечии . . 80
§ 3. Просторечные аналоги и универбы 83

Глава IV. **Словообразовательные процессы в нестандартной лексической системе** 93

§ 1. Вводные замечания . . . . . —
§ 2. Аффиксация 94
§ 3. Словосложение 103
§ 4. Контаминация 109
§ 5. Аббревиация (сокращения) 111
§ 6. Обратное образование 112
§ 7. Редупликация 114
§ 8. Слова-«перевертыши» и спунеризмы 117
§ 9. Рифмованная субституция 120

Литература 125

Список сокращений 134